

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

С Е К А Я

S P E E C H

Р Е Ч Ь

МОСКВА, 2024

5

СЕНТЯБРЬ—
ОКТАБРЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Деметьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**

Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian
R U S S K A Y A
Speech
R E C H'

MOSCOW, 2024

5

**SEPTEMBER –
OCTOBER**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zavadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *Е. В. Маринова, А. В. Зеленин.* Дискурсивный комплекс и да как диалоговый актуализатор в современной русской речи
- 20..... *А. Д. Шмелев.* Знаки препинания в «наивном» восприятии

Из истории русского языка

- 34..... *А. Г. Кравецкий, С. М. Кусмауль, Е. А. Мишина, А. А. Плетнева.* Текстологические исследования эпохи big data и нейронных сетей
- 48..... *Л. А. Трахтенберг.* Примечания Н. М. Карамзина к письму Д. И. Фонвизина — реплика в споре о языке

Язык художественной литературы

- 61..... *И. А. Виноградов.* Семейные «паспорта» комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»
- 72..... *А. В. Круглова, О. С. Смирнова.* Локализация и длительность пауз в 4-стопном ямбе А. С. Пушкина
- 84..... *О. А. Мещерякова, У. И. Турко.* Полисемия лексемы «хлеб» и ее реализация в русской народной загадке
- 96..... *Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева.* Научные термины в составе компаративных тропов современной русской прозы
- 108..... *О. А. Селеменова.* «Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И. А. Бунина-поэта
- 119..... *О. И. Федотов.* «Охота сдохнуть, глядя на эпоху...» (О «Шекспировском сонете» А. Вознесенского)

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Elena V. Marinova, Aleksandr V. Zelenin*. Discourse Complex *i da* ‘and yes’ as a Dialogue Actualizer in Modern Russian Speech
- 20..... *Alexei D. Shmelev*. A “Naïve” Perception of Punctuation Marks

From the History of the Russian Language

- 34..... *Alexandr G. Kravetskiy, Svetlana M. Kusmaul', Ekaterina A. Mishina, Alexandra A. Pletneva*. Textual Studies of the Era of Big Data and Neural Networks
- 48..... *Lev A. Trakhtenberg*. N. M. Karamzin’s Notes to D. I. Fonvisin’s Letter — a Reply in the Debate about Language

The Language of Fiction

- 61..... *Igor' A. Vinogradov*. Family “Passports” of N. V. Gogol's Comedy “Marriage”
- 72..... *Anastasia V. Kruglova, Olga S. Smirnova*. Localization and Pauses Duration in Russian Iambic Tetrameter in the Poetry of A. S. Pushkin
- 84..... *Olga A. Meshcheryakova, Ulyana I. Turko*. The Polysemy of the Lexeme “Bread” and its Functioning in the Russian Folk Riddle
- 96..... *Natalya A. Nikolina, Zoya Yu. Petrova, Natalia A. Fateeva*. Scientific Terms as a Part of Comparative Tropes of Modern Russian Prose
- 108..... *Olga A. Selemeneva*. “I Desire to Live and Live... Thousands of Other Lives”: Multimythologism in I. A. Bunin’s Onomastic Code
- 119..... *Oleg I. Fedotov*. “Hunting to Die Looking at the Epoch...” (On the “Shakespeare Sonnet” by A. Voznesensky)

Дискурсивный комплекс *и да* как диалоговый актуализатор в современной русской речи

Елена Вячеславовна Маринова¹, Александр Васильевич Зеленин², Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород)¹, независимый исследователь (Финляндия, Тампере)², marinova@list.ru¹, aleksandr.zelenin@tuni.fi²

DOI: 10.31857/S0131611724050018

АННОТАЦИЯ: Рассматриваются семантические и прагматические особенности дискурсивного комплекса *и да*. Актуальность исследования объясняется активным вхождением *и да* в современную речевую практику, различные жанры и стили на протяжении последнего десятилетия, чего не наблюдалось ранее. Новизна исследования заключается в том, что элемент *и да* впервые становится объектом лингвистического анализа. В словарях и справочниках *и да* не зафиксирован, что также свидетельствует о новизне представленного в статье материала, который извлекался из «Национального корпуса русского языка» и электронного медиабанка «Интегрум». Использовались также личные наблюдения авторов. Цель исследования — определить семантику и прагматическую нагрузку комплекса *и да* в монологической и диалогической речи; выявить его парадигматические связи в русском языке. Исследование выполнено в рамках структурно-описательного метода с помощью семантического, синтаксического и контекстного анализа. В результате установлена основная дискурсивная роль комплекса — поддержание диалогичности речи в режиме «отложенного ответа», что позволяет считать *и да* маркером обратной связи. Дискурсивный комплекс *и да* включает реального или потенциального (в случае с монологом) собеседника/оппонента в дискурс, выполняя роль диалогового актуализатора, при этом ядерная сема комплекса ('согласие') может поддерживаться контекстом эксплицитно, а в качестве адресата согласия может

выступать не только «другой», но и сам говорящий. Делается вывод о риторическом потенциале *и да* в монологической речи. Зафиксированные в ходе исследования варианты пунктуационного оформления комплекса *и да* свидетельствуют о необходимости его дальнейшего изучения и создания теоретической базы для последующей кодификации в справочниках по пунктуации. Предлагается гипотеза о появлении *и да* в русском языке в результате калькирования английского оборота *and yes/yeah*, имеющего интернациональный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивный комплекс *и да*, неологизм, русский язык, сигнал обратной связи, семантика согласия, диалоговый актуализатор, «и нет», калька, *and yes/yeah*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Маринова Е. В., Зеленин А. В. Дискурсивный комплекс *и да* как диалоговый актуализатор в современной русской речи // Русская речь. 2024. № 5. С. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

Issues of Modern Russian Language

Discourse Complex *i da* ‘and yes’ as a Dialogue Actualizer in Modern Russian Speech

Elena V. Marinova¹, Aleksandr V. Zelenin², Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russian, Nizhny Novgorod)¹, independent researcher (Finland, Tampere)², marinova@list.ru¹, aleksandr.zelenin@tuni.fi²

ABSTRACT: The article examines semantic and pragmatic features of the discursive complex *i da* (“and yes”). The relevance of the research is explained by the active inclusion of *i da* in contemporary speech practice, various genres and styles over the past decade, which was not observed before. The novelty of the research lies in the fact that the element *i da* becomes the object of linguistic analysis for the first time. This study contributes to the understanding of the discursive complex *i da* in the context of modern linguistic practices. The findings of this research can be beneficial for further linguistic studies and practical applications. The element *i da* is not recorded in dictionaries and reference books, which also testifies to the novelty of the

material presented in the article, which was extracted from the “National Corpus of the Russian Language”, the electronic media bank “Integrum”. The paper is also based to some degree on the personal observations of the authors. This study provides a fresh perspective on the linguistic element *i da*, contributing to the existing body of linguistic research. The research was conducted within the framework of the structural and descriptive method using semantic, syntactic, and contextual analysis. As a result, the main discursive role of the complex *i da* was established, i. e., maintaining the interactive nature of conversation through a ‘delayed response’ mechanism, which allows considering *i da* as a feedback marker. The discursive complex *i da* involves a real or potential (in the case of a monologue) interlocutor/opponent in the discourse, performing the role of a dialogic actualizer. The core sense of the complex (‘agreement’) can be explicitly supported by the context, and the addressee of the agreement can be not only the ‘other’ but also the speaker himself. The study reveals the rhetorical potential of *i da* in monologic speech. This research provides a comprehensive analysis of the discursive complex *i da*, highlighting its role in dialogic actualization and its rhetorical potential in monologic speech. The variants of punctuation design of the complex *i da* identified during the research indicate the need for its further study and the creation of a theoretical basis for subsequent codification in punctuation guides. The study proposes a hypothesis about the appearance of *i da* in Russian as a result of calquing English phrases *and yes / and yeah*, which are of international nature. This research emphasizes the importance of further investigation into the discursive complex *i da*, its punctuation variants, and its origins in the Russian language.

KEYWORDS: discursive complex *i da*, neologism, Russian language, feedback signal, semantics of agreement, dialogic actualizer, *i net* “and no”, calque, *and yes/yeah*

FOR CITATION: Marinova E. V., Zelenin A. V. Discourse Complex *i da* ‘and yes’ as a Dialogue Actualizer in Modern Russian Speech. Russian Speech = *Russkaya Rech*’. 2024. No. 5. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724050018.

Введение

В современной лингвистической науке интерес к различного рода дискурсивным элементам по-прежнему растет, что объясняется объективными причинами, в том числе гносеологического характера. Одна из причин вызвана явлением, получившим название **глубокая медиатизация** (влияние СМИ на все сферы жизни общества и индивида) [Couldry, Нерр 2017]. Интенсивное и экстенсивное изменение публичного речевого пространства, расширение сфер коммуникации за счет Сети привели к появлению

новых типов дискурса, к множественности речевых практик и, как следствие, к востребованности говорящих/пишущих в различных дискурсивных приемах. В этих условиях дискурс как важнейшее коммуникативное состояние языка, связывающее его носителей с «текучей» действительностью повседневности, становится ценным источником информации для лингвистов, изучающих языковые изменения и функционирование единиц языка в речи. Что же касается гносеологической причины, то она связана с недостаточной изученностью «словесной мелюзги» (К. И. Чуковский), которую не всегда фиксируют словари, что побуждает ученых более пристально относиться к этим незаметным, но незаменимым кирпичикам словесных конструкций. Тем более заслуживают внимания новые или относительно новые дискурсивные элементы, ставшие распространенными, частотными в современной речи и требующие специального описания.

Таким элементом является дискурсивный комплекс *и да* (с ударным *да*), который, по нашим наблюдениям, стал проявлять активность совсем недавно — во всяком случае ни его фиксацию, ни факт его лингвистического описания мы не обнаружили ни в одном источнике, включая специальную литературу, посвященную дискурсивам (средствам организации дискурса в процессе его развертывания, служащим для поддержания коммуникации), прагматическим маркерам (единицам языка, функционирующим в устной коммуникации и выполняющим в ней специфические функции — поиск слова, заполнение пауз и др.), коннекторам (средствам синтаксической связи), частицам, (мета)коммуникативам (речевым формулам коммуникации, используемым в определенных стандартных ситуациях общения, в том числе для привлечения внимания собеседника), слову *да* и другим ответным репликам и т. д. и т. п. Вот далеко не полный список источников, в которых мы искали «речевой портрет» заинтересовавшего нас дискурсивного комплекса [Баранов 1987; Богданова-Бегларян и др. 2021; Гришина 2011; Инькова 2018; Левонтина 2022; Николаева 1985; Прияткина 2001; Сяоин 2019].

Согласно «Национальному корпусу русского языка», в российской прессе *и да* начинает использоваться в 90-е гг. XX в.; первые же употребления с ним в устной речи датируются в соответствующем подкорпусе 2010-ми гг. По данным мониторинга различных агрегаторов новостей (всего 16¹), проведенного в ходе исследования с помощью одного из

¹ Агрегатор, или интернет-агрегатор, — сайт, собирающий благодаря специальным программно-аппаратным средствам данные из множества других источников информации. Коммерческий электронный медиабанк «Интегрум» осуществляет мониторинг следующих агрегаторов: «@ASTERA», «Mail.Ru — Новости», «MSN Новости (русская версия)», «Re-Port.ru», «Рамблер — недвижимость», «InThePress.Ru», «iToday.Ru», «Press-Release.Ru», «PublisherNews.ru», «Городской портал. Краснодар», «Городской портал. Ростов-на-Дону», «Пресс-пелиз» (PR.Adcontext.Net), «123ru.net», «AllToday.Ru», «Lenta.co», «eTatar.ru».

сервисов электронной базы «Интегрум», активная фаза распространения в русскоязычных СМИ отмечается с 2015 г. В настоящее время *и да* мы наблюдаем в текстах самых разных жанров, в монологической и диалогической устной и письменной речи. Вот как, например, это может звучать в монологе телеведущей:

(1) — *Добрый вечер, дорогие друзья! В прямом эфире Первого канала — главный вокальный проект страны «Голос», и с вами я, Яна Чурикова. Сегодня у нас финал. Сегодня решится все, и очень скоро мы узнаем, кто же займет место на пьедестале, чья мечта сбудется. Напоминаю, за победу сегодня будут бороться четыре невероятно крутые вокалистки. Каждая из них — лучшая в своей команде. И да, такого, женского финала не было аж с первого сезона...* (Голос. Первый канал. 02.06.2023). Обратим внимание на то, что *и да* звучит уже на первой минуте очередного выпуска программы, причем не в диалоге, а в приветственном слове ведущей, которая таким образом как будто бы «моделирует» ситуацию диалога, поддерживая (усиливая) контакт со зрителями, а сам комплекс выступает в роли маркера намеренного вовлечения в диалог аудитории.

Итак, **цель** исследования — определить семантику и прагматическую нагрузку комплекса *и да* в монологической и диалогической речи, сформулировать гипотезу о пути его появления в русском языке.

Материал и проблематика исследования

Источниками исследования послужили «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ); электронный медиабанк «Интегрум»; личные наблюдения (ЛН), с которых и начался интерес к теме у обоих авторов. Мы «споткнулись» об *и да* в дружеской переписке с коллегами по электронной почте. Однако раньше такого оборота в переписке не встречалось. То, что следует за ним дальше, не считая обращения (*И да, Лена,..; И да, Саша,..*), мы интерпретировали как отложенный во времени ответ на когда-то заданный вопрос и решили рассмотреть и другие случаи употребления *и да* в речи. Что это за случаи?

Интересующая нас единица встретилась

- в переводной литературе²:

(2) *Пока ни одно из его (пелевинских. — Е. М., А. З.) более поздних произведений не превзошло по новаторству идеи и художественной форме*

² В рамках настоящей статьи мы сочли правомерным рассмотреть переводы англоязычных авторов (см. также примеры 8, 14) в одном ряду с русскими текстами, поскольку считаем (и далее об этом будет сказано несколько подробнее), что оборот *и да* актуализировался в русской речи под влиянием английского дискурсивного комплекса *and yes/yeah*.

«Чапаева и Пустоту», а в качестве образцов социально-культурной критики все написанные поздние тексты, пожалуй, уступают «Generation “П”»... **И да** — в 2010-е годы, в отличие от 1990-х и 2000-х, Пелевин написал больше посредственных, чем удачных произведений (Хаги С. Пелевин и несвобода. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 355);

- в прозе российских авторов, напр.:

(3) Нет смысла искать разумное объяснение поведения Анны. Здесь все сошлось: ревность к Сорокиной, злость на мать Вронского, на самого Вронского, который тем не менее должен поехать к матери, чтобы подписать раньше срока (по настоянию самой Анны) подготовленные бумаги; панический страх потерять Вронского; **и... да**, двойная доза опиума (Басинский П. Подлинная история Анны Карениной. М.: АСТ, 2023. С. 304);

- в российских сериалах и телепрограммах (см. пример 1);
- в устной разговорной речи повседневной коммуникации:

(4) Е. М. А Вам «Гомеовокс» помогает?

Е. Д. Ну как сказать... ну... Первый раз, когда со мной это случилось, я много чего попробовала. **И да**, помог... (запись устной беседы от 21.10.2023).

Но, безусловно, основной массив примеров извлекался уже целенаправленно из корпусов и составил в целом свыше 1500 контекстов. В ходе анализа нам пришлось пренебречь заметным разнообразием письменного оформления оборота (сам же разноречив объясняется, по-видимому, отсутствием регламентации по написанию *и да* в справочниках по правописанию). Зафиксировано несколько вариантов оформления *и да* на письме. Варьируется пунктуация **после** него (см. примеры 5–8) и **внутри** — между *и да* (10–11):

И ДА,

(5) Мои собственные деды и прадеды, возможно, тоже лежали в этом яру. Это моя личная история, как и для многих других жителей Томского края. Другое дело, что до сих пор нет памятника репрессированным в Колпашево. **И да**, Сергей Пархоменко здесь прав: это упрек ко всем нам... (Д. Рощеня. Василий Ханевич: «Колпашевский яр — символ нашего забвения» // Православие и мир. 06.11.2015).

И ДА —

(6) ...я работаю над собой и мечтаю быть такой же смелой, как моя преподавательница в Лондоне. Желая каждой из нас быть такой смелой. **И да** — даже мальчикам не бояться быть «одной из нас» (А. Имж. Гендерный обман // Сноб. 07.03.2018).

И ДА:

(7) *Проводник Иван, кстати, ошибся или что-то напутал: лет ей было не больше двадцати трех; разве что в трауре она выглядела старше. И да: она была чрезвычайно хороша собой* (С. Шикера. Египетское метро // Вога. 2016).

И — ДА!

(8) *Прекрасное юное тело прижималось к нему, его лицо окунулось в волну темных волос, и — да! невероятно — она запрокинула голову, и он целовал ее раскрытые алые губы* (Дж. Оруэлл. 1984).

И, ДА,

(9) *...для многих поздний застой 80-х с его тупым потребительским мещанством... оказался привлекательнее драйва, внутренней свободы, творческих поисков и, да, бытовой неустроенности шестидесятых* (И. Н. Виравов. Андрей Вознесенский. 2015).

И — ДА,

(10) *Ах, вправду — кто бы меня привел в вертикальное положение! И — да, ускорил...* (И. Васюченко. Хромые на склоне // Ковчег. 2014).

И... ДА,

(11) *И спустя мгновение принцесса преобразилась. Боже, как она была прекрасна! Они посмотрели друг другу в глаза и... да, это была любовь с первого взгляда!* (С. Седов. Доброе сердце Робина // Мурзилка. 2002).

Отсутствие единообразия в пунктуационном оформлении *и да* даже в однотипных синтаксических конструкциях (см., к примеру, 9, 10) свидетельствует о необходимости изучения данного комплекса и создания теоретической базы для последующей его кодификации в своде пунктуационных правил.

На первый взгляд может показаться, что *и да* лишь расширяет состав обширного в русском языке синонимического ряда оборотов, служащих для подтверждения предыдущего утверждения, акцентирования идеи и под., таких как: *и действительно, и конечно, и разумеется, и естественно, и безусловно, и без сомнения, и вправду*. Эти и многие другие средства (список здесь далеко не исчерпывающий), различаясь отдельными оттенками значения и/или стилевой принадлежностью, давно уже бытуют в русском языке в качестве просодически выделенного маркера продолжения темы. Однако, как нам представляется, функционал *и да* все же шире, что мы и постараемся показать далее. Кроме того, в современной русской речи у этого дискурсивного комплекса обнаруживается коррелят, выражающий, напротив, **несогласие** с реальным/воображаемым собеседником; см.: *Да, в старости я соберу своих кошек с улицы и уеду с ними*

в Индию. Но какое вам дело до этого? **И нет**, это не забота о ближнем, а скорее желание убедить другого человека, что он живет неправильно (Интересная Ухта. 12 июня. 15.15. https://vk.com/wall-193190749_21378). У синонимичных оборотов подобный, соотносительный по структуре «антоним» отсутствует.

Семантика дискурсивного комплекса И ДА

Независимо от того, в монологической речи используется *и да* или в диалоге, его положением в тексте (фразе, реплике) является **интерпозиция**. Он располагается

А. между предложениями, как в 1, 2, 4, 5, 7, 8, 11, а также:

(12) *Теперь финальный рывок: Мурманск — Териберка. Как вы уже поняли, ж/ветки туда нет. **И да**, Максим, я отправил кучу сообщений руководству РЖД, чтоб рельсы до Териберки проложили, но — увы!*) *Туда есть общественный транспорт (соцсети ВК. К. Плеханов. https://vk.com/wall560262864_324?ysclid=m0tt31cxuo275396629. ЛН);*

В. между однородными членами предложения, как в 3, 7, 10, 11, а также:

(13) *Для этого нужно быть... внимательным... ходить **и да...**/ внимательно смотреть и слушать* (Прогулка по городу. 2007).

Интерпозиция анализируемого дискурсивного комплекса объясняется его структурными и семантическими особенностями. Прежде всего, *и да* является маркером **продолжения** (А) темы или (В) мысли. Этот компонент значения задается (при)соединительной семантикой первого компонента — слова **и**. Второй компонент — ударное **да** выражает согласие/подтверждение, включая тем самым в дискурс **реального** (в случае диалога, как, напр., в 12: *И да, Максим,..*) или **потенциального** собеседника/оппонента (в монологической речи) как будто бы в режиме «отложенного» ответа, «отложенной» реакции. См. еще один характерный контекст:

(14) — *У тебя волшебный котик? А **можно** его погладить?*

— *Спрашивайте меня, если вас не затруднит, — надменно ответил Гус. — Она мне не хозяйка. **И да, можно**, если у вас руки чистые* (Вебб Х. Роуз и тайна магии. 2020. <https://clck.ru/39djxR>).

Как видим, прямой ответ Гуса на вопрос следует не сразу, а после обращения к собеседнику с просьбой и некоторого разъяснения по поводу условий дальнейшей коммуникации.

Отметим, что **в диалоге** — вымышленном, как в художественном произведении, или реальном (в устной и неформальной сетевой коммуникации) — *и да* соотносится либо с так называемым общим вопросом

в предыдущей реплике, выражая простое подтверждение, как в 4 (*и да, помог*) и 14 (*и да, можно*); либо с утвердительным предложением, содержащим мнение собеседника. В последнем случае модальность *и да* несколько иная. Если в ситуации «вопрос — ответ» ответная реплика ожидается с позиции собеседника, то при отсутствии вопроса *и да* предвещающее согласие с высказанным чужим мнением фразеологизируется, становясь своего рода «риторическим ответом» — ответом, не предполагающим вопрос. Роль *и да* в развертывании диалога становится более значимой: маркируется важность темы, к которой возвращается говорящий, и одновременно солидарность с собеседником. Такой дискурсивный ход наблюдается, например, в жанре интервью или полилоге участников телевизионного шоу.

Рассмотрим с этой точки зрения фрагмент интервью с психологом Александром Поддьяковым. Речь идет о воспитании в детях активного познавательного отношения к миру. Интервьюируемый утверждает, что исследовательское поведение ребенка должно быть самостоятельным, что вызывает у журналиста сомнение. «Он может научиться плохому и вредному», — возражает журналист. Развивая свою мысль о самостоятельности ребенка в познании мира, Поддьяков приводит различные доказательства и в конце концов подтверждает, а не оспаривает мнение журналиста:

(15) *Формирование творческого мышления и тем более творческой личности с заранее заданными свойствами невозможно. Один человек может учить другого творчеству, если они оба талантливы, но взаимодействие двух талантливых людей всегда будет... непредсказуемым. И да, вы совершенно правы, все это может плохо закончиться...* (А. Константинов. Трудно быть человеком // Русский репортер. 2015).

Эксплицитно выраженное согласие «вы совершенно правы» дублирует здесь семантику *и да* (см. также пример 5), подчеркивая, что речь идет именно о высказанном ранее чужом мнении, которое с некоторыми вариациями воспроизводится.

В **монологической речи** фразеологичность и дискурсивная нагрузка *и да* еще более заметны. Собеседник здесь ирреальный, он только мыслится говорящим, представляясь ему либо единомышленником, либо оппонентом. И в том, и в другом случае *и да* служит эмфатическим средством: следующая за ним мысль выделяется за счет того, что *и да* актуализирует диалогическую ситуацию, вводит позицию читателя/слушателя как непосредственного участника коммуникации, усиливает диалогичность повествования, имманентно присущую, согласно теории М. М. Бахтина, любому высказыванию.

Так, в примере 3 *и да* предшествует последнему компоненту перечислительной конструкции (*ревность..., злость..., страх... и... да, двойная доза опиума*), что усиливает его смысл. В то же время это *и да* отсылает читателя к ранее сказанному, а именно к фрагменту, в котором автор излагает «чужую» точку зрения. Вот этот фрагмент: «В последнее время бытует модная точка зрения, что Анна совершила суицид в состоянии наркотического опьянения, что под конец романа она стала чуть ли не наркоманкой» (Басинский П. Подлинная история Анны Карениной... С. 294). Комплекс *и да* в (3), таким образом, обозначает ситуацию **диалога**: он как будто маркирует реплику, специально адресованную предполагаемым оппонентам. С этой точки зрения *и да* можно интерпретировать как сигнал **обратной связи**³. Нельзя не отметить и текстовую функцию комплекса *и да* в этом примере, а также в примере 2 (тоже монологическая речь): отсылка к предшествующему тексту, *и да* выступает как своеобразная многофункциональная текстовая скрепа.

Наконец, еще один не редкий случай использования *и да* в современном дискурсе. Семантика согласия сохраняется, однако его адресатом выступает сам говорящий. *И да* здесь звучит как «да» самому себе, реализуя интенцию **самоубеждения**, причем с типом речи (диалог, монолог, диалог с самим собой, как в 18) такое употребление *и да* не связано. Вот несколько иллюстраций:

(16) Ника. *Причем/ я сижу такая/ февраль месяц/ наверно/ скорей всего ее не будет/ как обычно. И да/ так и есть. Ты видела сегодня мы с этой рамсили* (ссорились. — прим. авт.) с *Пхатти*?

Галя. *Да* (Телефонный разговор подруг. 2015);

(17) Данила Гальперович: *Почему люди, скажем, понимая, что что-то надо менять, и да, конечно, за это придется платить, выбирают брать на себя риск?* (<https://clck.ru/3BmWEn>);

(18) «Значит, так, — объявляет мой внутренний экспериментатор, — либо ты потерял сознание сразу после разговора, либо уже был без сознания и женщины правы. Возможно, ты в больнице (почему нет?), и их голоса — голоса медсестер, которые разговаривают о тебе. Никакая куртка никогда не исчезала просто так, поэтому постарайся прийти в себя. Ну?!» **Ну и да**. *Открываю глаза: в своей постели, утро, а предыдущее — всего лишь сон. И куртка на месте...* (А. Торгашев. Явление пропажи куртки. Кот Шредингера. 2016). Пример 18 иллюстрирует, между

³ В зарубежной лингвистике понятие «обратная связь», или «обратный канал связи», используют, например, при описании прагматического функционала некоторых дискурсивных маркеров, в частности англ. *yeah* [Fung, Carter 2007; Charpetón, Claudia 2009].

прочим, замечание И.Б. Левонтиной о том, что «очень часто два разных ну соседствуют в диалоге: одно сопровождает просьбу (в нашем случае скорее побуждение к самому себе. — Е. М., А. З.), а другое — согласие» [Левонтина 2022: 282].

Итак, интересующий нас комплекс используется в различных жанрах и типах речи, что может отражаться на его семантическом и функциональном наполнении (от выражения согласия конкретному собеседнику до выражения «согласия самому себе»). Безусловно, внимания заслуживают случаи формального варьирования комплекса с двукратным или даже многократным дублированием элемента, выражающего согласие (*и да-да / и да, да, ...*). Встречаются такие варианты нечасто, по сравнению со своим инвариантом, и, как правило, в эмоционально окрашенном дискурсе (см. пример выше).

С и да могут сочетаться разные «мелкие слова» (см. 18, 19), что, на наш взгляд, в целом разнообразит палитру разговорного экспрессивного синтаксиса.

(19) ...опять оказался первым, — упрямо повторил Натан, — **хотя и да: безоглядным и безрассудным** (<https://clck.ru/39dixR>).

В этой фразе-реплике, встраиваясь в противительную-уступительную конструкцию однородных членов предложения, *и да* сохраняет свою основную прагматическую функцию — быть средством усиления диалогичности речи.

В качестве заключения

Причины актуализации *и да* в современной русской речи в последнее десятилетие нам еще до конца не ясны. Однако выскажем предположение о том, что распространение *и да* как в письменной, так и в устной речи связано с калькированием английского оборота *and yes* или даже *and yeah*, более непринужденного и более прагматически нагруженного (см. об этом в [Fung, Carter 2007]), причем калькирование английских прототипов, по-видимому, произошло и в других языках, т. е. имеет интернациональный характер (ср.: исп. *у sí*; фр. *et ouais, et oui*; нем. *und ja*; фин. *ja joo, jajoo*). И кстати, нам известны факты языковой рефлексии по поводу новомодной кальки носителей и других языков. Так, немецкий публицист Ф. Шандль (F. Schandl) в одной из своих статей под названием «“Und ja”, — warum sagen das jetzt alle?»⁴ / «“И да” — почему это сейчас все говорят?»

⁴ URL: <https://www.derstandard.de/story/2000119223682/und-ja-warum-sagen-das-jetzt-alle> (дата обращения: 5.06.2024).

(перевод наш. — *Е. М., А. З.*) возмущается необоснованным и немотивированным, по его мнению, вхождением в немецкий язык фразы *und ja*.

Эти и другие подобные факты свидетельствуют не только о новизне оборота *и да*, но и о необходимости его дальнейшего изучения, в том числе в паре с коррелятом *и нет*.

Литература

- Баранов А. Н.* «Выделительное» и «событийное» значения частицы *да*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Модели диалога в системах искусственного интеллекта. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. С. 33–48.
- Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Троценкова Е. В., Горбунова Д. А., Зайдес К. С., Попова Т. И., Сулимова Т. С.* Прагматические маркеры русской повседневной речи: количественные данные // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: Изд-во РГГУ, 2021. С. 119–126.
- Гришина Е. А.* *Да* в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. Vol. 35. P. 169–207. Интегрум: Архив СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://search.integrum.ru> (дата обращения 30.01.2024).
- Инькова О. Ю.* Надкорпусная база данных как инструмент изучения формальной вариативности коннекторов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2018. Вып. 17. С. 240–253. [Электронный ресурс]. URL: http://www.dialog-21.ru/media/4560/_dialog_2018scopus.pdf (дата обращения 20.10.2023).
- Левонтина И. Б.* Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022. 430 с. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgora.ru> (дата обращения: 02.02.2024).
- Николаева Т. М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.
- Прияткина А. Ф.* (ред.). Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.
- Сяоин Лю.* Коннекторы с базовым компонентом «да» в современном русском языке: функционально-семантический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2019. 28 с.
- Charotón C., Claudia M.* The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom // Profile: Issues in Teachers' Professional Development. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, 2009. № 11. P. 57–77.
- Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Cambridge, MA: Polity, 2017. 256 p.
- Fung L., Carter R.* Discourse Markers and Spoken English: Native and Learner Use in Pedagogic Settings // Applied Linguistics. 2007. Vol. 28. № 3. P. 410–439.

References

- Baranov A. N. ["Isolative" and "event" meanings of the particle yes: materials for the study of the semantics and pragmatics of dialogue]. *Modeli dialoga v sistemakh iskusstvennogo intellekta. Uchenyye zapiski Tartuskogo gos. un-ta* [Models of dialogue in artificial intelligence systems. Scientific notes of the Tartu State University]. Tartu, 1987, pp. 33–48. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Troshchenkova E. V., Gorbunova D. A., Zaides K. S., Popova T. I., Sulimova T. S. [Pragmatic markers of Russian everyday speech: quantitative data]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Moscow, RSUH Publ. Hause, 2021, pp. 119–126. (In Russ.)
- Chapetón C., Claudia M. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom. *Profile: Issues in Teachers' Professional Development*. Bogotá, Universidad Nacional de Colombia, 2009, no 11, pp. 57–77. (In Eng.)
- Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, MA, Polity, 2017. 256 p.
- Fung L., Carter R. Discourse Markers and Spoken English: Native and Learner Use in Pedagogic Settings. *Applied Linguistics*, 2007, vol. 28, no 3, pp. 410–439. (In Eng.)
- Grishina E. A. [Yes in Russian oral dialogue]. *Russian Linguistics*, 2011, vol. 35, pp. 169–207. (In Russ.)
- In'kova O. Yu. [Over-the-corpus database as a tool for studying the formal variability of connectors]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference "Dialogue"]. Moscow, 2018, issue 17, pp. 240–253. (In Russ.). Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/4560/-dialog2018scopus.pdf> (accessed 20.10.2023).
- Integrum: Media Archive*. Available at: <https://search.integrum.ru> (accessed 30.01.2024).
- Levontina I. B. *Chastitsy rechi* [Particles of speech]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2022. 430 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 02.02.2024)
- Nikolaeva T. M. *Funksii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in a statement (based on the material of Slavic languages)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 170 p.
- Priyatkina A. F. (ed.) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of function words of the Russian language]. Vladivostok, DVSU Publ. Hause, 2001. 363 p.
- Xiaoying Liu. *Konnektory s bazovym komponentom "da" v sovremennom russkom yazyke: funktsional'no-semanticheskii aspekt*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Connectors with the basic component "yes" in modern Russian: functional and semantic aspect. Abstract Cand. phil. sci. diss.]. Vladivostok, 2019. 28 p.

Знаки препинания в «наивном» восприятии

Алексей Дмитриевич Шмелев, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), shmelev.alexey@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611724050029

аннотация: В статье рассматриваются переносные значения языковых выражений, служащих для обозначения знаков препинания и активно используемых в повседневной речи: *точка*, *скобки*, *кавычки*, *запятая*, *знак вопроса*. На основе такого употребления делается попытка выявить «наивные» представления рядовых носителей языка о функциях соответствующих знаков препинания. Показано, что большинство выражений со словом *точка* отражают представление о точке как о знаке завершения, знаке полного конца. Основная функция скобок в представлении носителей языка — указание на факультативность какого-либо высказывания или его части. В соответствии с представлениями носителей языка функция кавычек — указать на нестандартное употребление языкового выражения (в частности, ироническое употребление). Наиболее характерные устойчивые выражения со словом *запятая* — это *через запятую* и *до последней запятой*. Первое из них отражает представление о перечислении, причем различия между перечисляемыми объектами подаются как незначительные. Второе выражение указывает на тщательность и внимание к мелочам (возможно, даже излишнее). Выражение *знак вопроса* указывает на неуверенность или сомнение. Высказывается предположение, что реконструкция особенностей «наивных» представлений о функциях знаков препинания может оказаться полезной для уточнения пунктуационных норм.

ключевые слова: повседневная речь, знак препинания, переносное значение, устойчивое выражение, импликатура

для цитирования: Шмелев А. Д. Знаки препинания в «наивном» восприятии // Русская речь. 2024. № 5. С. 20–33. DOI: 10.31857/S0131611724050029.

Issues of Modern Russian Language

A “Naive” Perception of Punctuation Marks

Alexei D. Shmelev, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), shmelev.alexei@gmail.com

ABSTRACT: This paper deals with the figurative meanings of Russian terms that refer to punctuation marks and are used in everyday language, namely, *tochka* (‘period, full stop’), *skobki* (‘parentheses’), *kavychki* (‘quotation marks’), *zapiataia* (‘comma’), *znak voprosa* (‘question mark’). It attempts to identify the ordinary native speakers’ “naive” conceptions of these punctuation marks and their functions. It shows that most expressions with the word *tochka* reflect the idea of the period as a sign of the complete end. The main function of parentheses (*skobki*) for ordinary speakers is to indicate that some statement (or its part) is optional. The main function of quotation marks (*kavychki*) as the speakers understand them is to refer to a non-standard use of a linguistic expression (in particular, an ironic use). The most typical phrases and set expressions with the word *zapiataia* are *cherez zapiatuiu* (literally, ‘through a comma, separated by a comma’) and *do poslednei zapiatoi* (‘to the last comma’). The former reflects the idea of listing, and the differences between the listed objects are presented as insignificant. The latter expression indicates thoroughness and attention to detail (perhaps even excessive). The phrase *znak voprosa* indicates uncertainty or doubt.

It is suggested that revealing speakers’ conceptions of the functions of punctuation marks may be useful for clarification and refinement of the punctuation rules.

KEYWORDS: everyday language, punctuation mark, figurative meaning, set phrase, implicature

FOR CITATION: Shmelev A. D. A “Naïve” Perception of Punctuation Marks. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 20–33. DOI: 10.31857/S0131611724050029.

Предварительные замечания

В статье речь пойдет об употреблении названий знаков препинания в повседневной русской речи — как письменной, так и устной. Внимание будет уделено выражениям, в которых названия знаков препинания употреблены в переносном значении. Можно предположить, что на основе такого употребления мы можем реконструировать «наивные» представления носителей русского языка относительно функций соответствующих знаков препинания. Представляется, что эти представления полезно учитывать при кодификации пунктуационных норм. Дело в том, что описание русской пунктуации может вестись двумя способами: «от знака к смыслу», когда делается попытка максимально точно описать функции каждого знака препинания (аналитическая стратегия), и «от позиции к знаку», когда для каждой конкретной позиции в предложении необходимо определить, нужен ли знак препинания и если да, то какой (синтетическая стратегия). Формулировка правил пунктуации обычно строится посредством синтетической стратегии, т. е. в режиме «от позиции в тексте к знаку». Между тем нередко бывает, что в некоторой позиции в предложении возможно отсутствие или наличие знака препинания или же возможны различные знаки препинания. Для таких случаев часто эффективен «синтез через анализ»: выявляется синтаксическое строение фразы и ее смысл, устанавливаются особенности ее интонирования при чтении вслух, и пунктуация выбирается таким образом, чтобы значения указанных параметров соответствовали замыслу или пониманию пишущего. Но для реализации «синтеза через анализ» описание конкретных позиций в предложении полезно предварить общим описанием функций каждого знака препинания, и такое описание должно опираться на интуитивные представления носителей языка.

В силу сказанного основным объектом рассмотрения оказываются такие повседневные употребления названий знаков препинания, в которых отражаются представления носителей языка об их функциях. Тем самым исключаются из рассмотрения выражения, в которых перенос основан не на представлениях о функции знака препинания, а на его внешней форме (*точка, точка, запятая — вышла рожица кривая; стоял, изогнувшись, как знак вопроса* и т. п.). Они ничего не добавляют

к пониманию того, каковы «наивные» представления о функциях знаков препинания. Не рассматриваются также употребления, в которых можно усмотреть яркие индивидуальные особенности идиостиля того или иного автора¹.

Примеры выражений с названиями знаков препинания — *заметим в скобках, на этом поставим точку, герой в кавычках*. Легко видеть, что такие выражения понимаются не буквально: они отсылают не к знакам препинания как таковым, а к их функциям в высказывании. Не случайно они свободно употребляются по отношению к устной речи, в которой нет знаков препинания в собственном смысле слова.

Прежде чем перейти к описанию устойчивых выражений с названиями знаков препинания, необходимо сделать важное предупреждение. Ряд слов, которые могут использоваться как названия знаков препинания, имеют и другие значения, никак не соотносимые со знаками препинания. Так, слово *точка* используется в таких выражениях, как *точка зрения, точка отсчета, горячая точка, в самую точку, найти точку опоры, пройти точку невозврата, сдвинуть с мертвой точки, расставить точки над «i», точка пересечения разнообразных интересов*, но очевидно, что ни в одном из этих выражений слово *точка* не имеет никакого отношения к восприятию пунктуации. Слово *скобки* в выражениях *оставить за скобками, вынести за скобки* восходит к обозначению знака, внешне совпадающему со знаком препинания «скобки», но используемому не в обычном тексте, а в составе математических формул. Именно поэтому никакой самофальсификации² и вообще ничего парадоксального нет в высказываниях, в которых оборот, включающий выражение *оставим за скобками*, сам заключается в скобки (на такие обороты было обращено внимание в статье [Смирнова 2012]).

Точка

Слово *точка* нередко используется в качестве самостоятельного предложения, посредством которого говорящий объявляет, что некоторая ситуация должна быть завершена (частный случай такого употребления — говорящий таким образом заканчивает разговор), напр. *Между нами все кончено. Точка!; Разговор окончен. Точка*. Приведем примеры использования

¹ Так, отмечается: «Образы запятой и других знаков препинания чрезвычайно частотны в поэзии Бродского» [Ахапкин 1998: 234]. Замечание справедливое; но именно поэтому прихотливое использование названий знаков препинания Иосифом Бродским, к тому же часто совмещающее визуальный образ и смысл знака, остается за рамками рассмотрения.

² О понятии «самофальсификации» см. статью [Шмелев 1990].

слова *точка* в указанной функции из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ):

1) Почему вам прямо не заявить — мол, дамы и господа, я человек военный и не имею права отвечать на хитрые ваши вопросы? Все. **Точка.** [Анатолий Гладилин, 2013]

2) Никто ничего не помнит. Все всё забыли. А значит, ничего и не было. **Точка.** [Сергей Шикера, 2016]

Нередко слово *точка* соединяется с предшествующим предложением в единое целое, образуя при этом сложносочиненную конструкцию (часто при этом используется союз *и*): *Разговор окончен — и точка.* Именно к такому употреблению восходит название сети предприятий быстрого обслуживания «Вкусно — и точка»³. Приведем примеры из НКРЯ:

3) Будьте добры, никаких отговорок, не огорчайте мою жену: вечером мы вас ждем, **и точка!** [Дина Рубина (2014)]

4) Если хотите знать мое мнение: вам нужно рвать с ним немедленно, прямо сейчас. Никаких сорежиссеров **и точка!** [Сергей Шикера, 2014]

5) Заяви, что ты, в конце концов, давно не девчонка, тебе нездоровится, у тебя просто нет сил ехать в Радунское, **и точка!** [Ирина Васюченко, 2014]

6) Единственное, что их останавливает — общее согласие в том, что убивать невинных нельзя. Никакие чрезвычайные обстоятельства, никакая «государственная необходимость» этого не оправдывает. Нельзя — **и точка.** [Н. Л. Холмогорова, 2015]

Ср. бессоюзную конструкцию:

7) Начмед вышел из себя и закричал: «Все, я устал вам повторять, увидите его в своей распрекрасной столице!.. Не здесь и не сейчас, все, **точка!..**» [Олег Павлов, 2001]

Такие употребления встречались уже довольно давно — в частности, они обнаруживаются в текстах первой половины XX в.:

8) — Ваша пьеса, — сказал Бомбардов, — хорошая пьеса. **И точка.** [М. А. Булгаков (1936–1937)]

9) Созная, что совершает жестокость, он сказал: — **Точка.** Все. [А. А. Бек (1942)]

³ Иногда выражение *и точка* характеризуют как фразеологизм, а слово *точка*, употребленное в этом же значении без союза, — как сокращенный вариант этого фразеологизма (см., напр., [Хуснутдинов 2023]). Однако и в этом случае отмечается связь этого выражения с пониманием точки как знака конца.

Вполне естественно предположить, что такие употребления метафорически развивают представление о точке как о знаке конца предложения. В справочниках по пунктуации в числе «знаков конца предложения» помимо точки обычно упоминаются вопросительный знак, восклицательный знак и многоточие. Но именно для точки эта функция первична. Прочие названные знаки имеют собственные первичные функции и, кстати, в отличие от точки, могут использоваться не только в позиции конца предложения⁴.

Представление о точке как о знаке конца отражено еще в ряде выражений со словом *точка*. Многие помнят строки Маяковского *Все чаще думаю — не поставит ли лучше точку пули в своем конце*. Оно развивает ходовой оборот *поставить точку*. Выражение *поставить точку* значит ‘закончить, завершить’. Приведем несколько примеров из НКРЯ:

10) Они говорят: «Ребята, увеличьте нам зарплату, и больше ничего не надо делать. Все задачи будут решены, и на этом можно **поставить точку**». [«Время МН», 2003.08.07]

11) Президент ФИФА Йозеф Блаттер **поставил точку** в этом споре. [Вера Михайлова, 2013]

12) Ученый **поставил точку** в дискуссионном вопросе о подлинности или поддельности древнерусского исторического памятника. [А. А. Лотарева, 2015]

13) А уж потом, если времени хватит, — к Илоне, чтоб уж развязаться с ней окончательно, **поставить точку**. [Гузель Яхина (2015)]

14) Но май 1968-го **поставил точку** на его карьере. [Алексей Тарханов, Алексей Асланянц (2015)]

В следующем примере выражение *поставить точку* употреблено примерно в том же смысле, что и у Маяковского:

15) Она никого не обвиняла. Просто сама себе была не нужна, не говоря о других. Ирина вышла из дома и пошла в лес. Как она **поставит точку**, еще не решила. Можно повеситься на шарфе, который подарил ей Кямал. Однако висеть на виду у всех — не очень приятно. Можно прыгнуть с обрыва в реку, но река мелкая. [Виктория Токарева, 2002]

Смысл окончательного завершения усиливается, если сообщается, что точка *жирная*. Ср.:

16) Покурив на балконе и посозерцав райские кущи внизу, они чувствовали себя обязанными **поставить жирную точку** в затянувшемся процессе катарсиса. [Екатерина Завершнева, 2010]

⁴ Точку как знак конца предложения следует отличать от внешне совпадающей с ней точки как знака сокращения.

17) В том, что в войне пора наконец **поставить жирную точку**, стороны согласны. [Сергей Мануков 2016]

18) Его сухие скомканные объяснения и прощальное «прости» **поставили жирную точку** в борьбе с одиночеством. [Екатерина Чёткина, 2014]

Кроме того, иногда добавляется указание, что точка *последняя*. Тогда возникает представление, что ситуация может быть описана серией предложений и последняя точка указывает на то, что ситуация была полностью исчерпана:

19) А тут и ключ в двери — муж стоял в прихожей с бледным и беспощадным лицом человека, **поставившего последнюю точку** в отношениях. [Евгения Пищикова, 2008]

20) Политическая воля президента Кеннеди, индустриальная и научная мощь великой страны и миллиарды долларов позволили ему **поставить последнюю точку** в споре о лидерстве — он легко вернул себе пальму первенства... [Юрий Кирпичев, 2011]

Интересный прием актуализации внутренней формы рассматриваемого устойчивого выражения⁵ находим в последней фразе рассказа Дмитрия Филиппова «Галерная улица» (журнал «Волга», 2013, № 5). Рассказ заканчивается так:

21) И ведь дураку ясно, что это никогда не закончится. До самой смерти сухой старик обречен бродить по Галерной улице, останавливаться, замирать, потом продолжать движение. Изо дня в день. Из года в год. До скончания века. Читатель, когда выветрится запах лаванды с последнего камня на окраине Галерной улицы, тогда и я **поставлю точку** в своем рассказе

Внимательный читатель заметит, что в конце последнего предложения не стоит точка. Это соответствует фразе *это никогда не закончится* (и, значит, нельзя «поставить точку») и обещанию автора поставить точку в будущем, только тогда, «когда выветрится запах лаванды с последнего камня на окраине».

Менее ясна внутренняя форма выражения *дойти до точки*. В нем тоже просвечивает идея конца или предела, которую можно связать с точкой как знаком конца предложения. Но можно интерпретировать его и иначе — как связанное с какой-то предельной точкой (как в выражении *точка кипения*). Поэтому здесь это выражение не рассматривается.

⁵ В статье [Смирнова 2012] о сходном приеме — заключении в скобки оборота *заметим в скобках, что...* — сказано так: «...фразеологизм в письменной речи участвует в некотором перформансе: упоминание о скобках приводит к их визуализации на письме».

Скобки, кавычки, запятая, многоточие, знак вопроса

Название знака препинания *скобки* используется в двух фразеологизмах, вошедших в Академический словарь русской фразеологии [Баранов, Добровольский (ред.) 2015]: *заметить/отметить в скобках* и *взять в скобки*⁶. Приведем толкования этих фразеологизмов в указанном словаре:

ЗАМЕТИТЬ/ОТМЕТИТЬ В СКОБКАХ 'Сказать или написать что-л., не относящееся к теме обсуждения, но вообще важное, что осмысляется как обособление этого высказывания парным знаком препинания, указывающим на факультативность';

ВЗЯТЬ В СКОБКИ 'Не учитывать что-л. в процессе рассуждения, считая это вообще важным, но не имеющим отношения к высказываемой мысли, что осмысляется как обособление части текста парным знаком препинания, указывающим на факультативность'.

Уже из этих толкований видно, что в представлении носителей языка основная функция скобок — указание на факультативность какого-либо высказывания или его части. При этом существенно, что оба выражения используются применительно не только к письменным текстам, но и к устной речи и даже к мыслям (выражение *подумал он в скобках* в «Палисандрии» Саши Соколова).

При выражении *в скобках* наряду с глаголами *заметить* и *отметить* используются и другие глаголы (*сказать, напомнить* и т. п.); чаще всего глагол стоит в форме 1-го лица (*замечу в скобках*) и используется в метатекстовой функции, но встречается и употребление в описательном режиме⁷. Несколько примеров:

22) Попросту говоря, если вы чувствуете, что в газетах начнут писать о происходящем, хорошо бы, чтобы отдел получил информацию до того, как туда позвонят за комментариями. **В скобках замечу**, что порой и священноначалие из газет узнает о некоторых, и далеко не всегда приятных, событиях в епархиях. [патриарх Кирилл (Гундяев), 2010]

23) Макушинский, Алексей! закричал он, пыхая мне сигарой в лицо. Рад тебя видеть, старичок, в натуре, рад тебя видеть! Вчера приехал, **добавил он как бы в скобках**. [Алексей Макушинский (2012)]

⁶ Обороты *оставить за скобками, вынести за скобки*, также включенные в [Баранов, Добровольский 2015], как уже говорилось выше, восходят не к знаку препинания «скобки», а к скобкам математической нотации.

⁷ Используя выражение в метатекстовой функции, говорящий сообщает об организации собственного текста одновременно с его порождением. При использовании выражения в описательном режиме говорящий рассказывает о чужих высказываниях (или о собственных высказываниях, сделанных в другое время).

24) Вышла я из вагона, подошла к Руслану, изображая раскаяние, извиняясь и оправдываясь. Но Руслан остался глух к моему покаянию и слеп к моей просительной-извинительной физиономии. Попутно, **в скобках**, как большой специалист по опаздываниям могу **поделиться опытом**. Если вы опаздываете к мужу или другу (поклонники, уха-жеры — другая статья), то лучше промариновать их часок-два. Явитесь через полчаса — получите по полной программе. А через два часа они думают: только бы осталась жива, только бы с ней ничего не случилось! [Н. В. Нестерова (2013)]

Представление о кавычках реконструируется из двух выражений, включенных в словарь [Баранов, Добровольский (ред.) 2015]: *в кавычках и в кавычках и без кавычек*⁸. Первое из этих выражений толкуется в словаре следующим образом:

в кавычках ‘Не соответствуя по сути слову, использованному для обозначения соответствующего явления — вплоть до полной противоположности и отрицания, и как бы будучи выделенным пунктуационным знаком, указывающим на ироническое употребление’.

Приведем примеры:

25) Речь идет об Андрее Платонове. Какая там могла быть у него дружба с Шолоховым, мне непонятно. Разве что дружба **в кавычках**. Принуждение, уламывание непокорного, вплоть до использования для этого репрессивных органов. Шолохов на всё был способен. И Платонов не устоял. [Семен Ицкович (2003)]

26) Поэтому объективно в Чечне сегодня действует свободная экономическая зона, которая, однако, свободной может считаться только **в кавычках**. [Сергей Глазьев (2003)]

Для выражения *в кавычках и без кавычек*⁹ в словаре [Баранов, Добровольский (ред.) 2015] толкование такое:

в кавычках и без кавычек ‘Используя слово или словосочетание в прямом и непрямом смысле (в переносном смысле, иронически, как название и т. п.), и как бы без выделения и с выделением пунктуационным знаком, указывающим на нестандартность употребления’.

⁸ В текстах часто встречается оборот *взять* или *поставить в кавычки*, параллельный рассмотренному выше обороту *взять/поставить в скобки*. Однако, по-видимому, он не случайно не включен в [Баранов, Добровольский 2015]. Если мы обратимся к функционированию этого оборота в текстах, то увидим, что в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о кавычках как знаке препинания в письменном тексте, так что нет оснований говорить о метафоре и фразеологизме.

⁹ Можно заметить, что выражение *без кавычек* используется и самостоятельно, не будучи предванным оборотом *в кавычках*, и в этом случае оно указывает на то, что слово или словосочетание, к которому оно относится, использовано в прямом смысле.

Из этих толкований видны представления носителей языка о функциях кавычек: ироническое употребление и шире — нестандартное употребление.

Стоит упомянуть и о том, что в последние годы некоторые носители русского языка стали использовать особый заимствованный жест — так называемые «воздушные кавычки» (air quotes, или finger quotes). При совершении этого жеста руки говорящего находятся на уровне глаз примерно на ширине плеч; при этом указательный и средний пальцы на каждой руке сгибаются в начале и конце выражения, как бы заключаемого в кавычки. Этот жест близок по смыслу выражению *в кавычках* и может сопровождать или замещать его. Однако его функции несколько шире. Он может указывать не только на несоответствие слову, использованному для обозначения соответствующего явления, но и просто как знак «чужого слова» или нестандартного употребления.

Слово *запятая* используется в ряде устойчивых выражений, из которых прежде всего отметим два: *через запятую* и *до последней запятой*. Первое из них указывает на то, что имеет место перечисление в одном ряду; при этом возникает импликатура, что перечисляющий не видит существенных различий между перечисляемыми явлениями, а говорящий считает, что это неправильно. Примеры:

27) ...ахматовский «Реквием» запросто, **через запятую** обсуждался вместе (и наравне) с романом Анатолия Злобина «Демонтаж». [Наталья Иванова, 1999]

28) Один знакомый гуманитарий мне как-то заметил: вы рассказываете — ах, так уж плотно, так плотно — **через запятую, запятую**, списком, — это же (он поморщился) чистый постмодернизм. [Марина Палей. Дань саламандре (2008)]

29) Например, описывая русскую культуру 10-х — 20-х годов, мы произносим **через запятую** имена Маяковского, Филонова, Крученых, Цветаевой, Пастернака, Малевича, Мандельштама, Родченко, Шагала, Татлина, Ахматовой, Петрова-Водкина и Есенина — но нетрудно увидеть, что взгляды и цели у поименованных мастеров различны. [М. К. Кантор (2008)]

А выражение *до последней запятой* указывает на то, что учтены даже самые мелочи. Здесь отражено представление, согласно которому запятая — не такой уж важный знак препинания, поэтому часто с неодобрением отзываются о манере *знать, уточнять, исполнять* все *до последней запятой*¹⁰.

¹⁰ В «Активном словаре русского языка» выражение *до последней запятой* толкуется как 'максимально точно и тщательно' [Июмдин 2017]. Возможно, стоило бы указать на потенциальную импликатуру неодобрения.

30) Что за дурная манера уточнять все **до последней запятой!** [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 3 (1943–1958)]

31) Требования, не сообразуясь с исторической реальностью, исполнять **до последней запятой** каноны классической демократии сродни провокации. [Морис Симашко (2000)]

32) А сами законы знать **до последней запятой** совсем не обязательно, учить их текст наизусть глупо и смешно: в этом отношении все равно никогда не удастся превзойти компьютер. [«Домовой», 04.02.2002]

Наконец, следует упомянуть особое значение слова *запятая*, которое в [Июмдин 2017] помечено как уходящее и истолковано следующим образом: «Неожиданное препятствие, не дающее закончить начатое, — как бы запятая на месте ожидавшейся точки». Чаще всего это значение реализуется в обороте *тут запятая*, напр.:

33) Давайте уважать культуру друг друга, жить мирно и дружно в одной стране. Как бы вместе, но будто бы по отдельности. Но **тут запятая**. Культура — это во вторую очередь храмы и национальная одежда, а также литература и искусство. Культура — это в первую очередь нормы и запреты, и санкции за их нарушение. [Денис Драгунский, 2010]

Оборот *тут запятая* часто использовался Достоевским [Жадейко 2016], напр.:

34) В сущности, ведь для чего мы учимся языкам европейским, французскому например? Во-первых, попросту, чтоб читать по-французски, а во-вторых, чтоб говорить с французами, когда столкнемся с ними; но уж отнюдь не между собой и не сами с собой. На высшую жизнь, на глубину мысли заимствованного, чужого языка не достанет, именно потому, что он нам все-таки будет оставаться чужим; для этого нужен язык родной, с которым, так сказать, рождаются. Но вот **тут-то и запятая**: русские, по крайней мере высших классов русские, в большинстве своем, давным-давно уж не рождаются с живым языком, а только впоследствии приобретают какой-то искусственный и русский язык узнают почти что в школе, по грамматике. [Дневник писателя. 1876 год]

35) Уж когда мать обнимется с мучителем, растерзавшим псами сына ее, и все трое возгласят со слезами: «Прав Ты, Господи», то уж, конечно, настанет венец познания и все объяснится. Но вот **тут-то и запятая**, этого-то я и не могу принять. [Братья Карамазовы]

Названия прочих знаков препинания тоже используются метафорически, хотя и реже. Так, слова *многоточие* или *отточие* указывают на незавершенность чего-л., причем эта незавершенность может относиться к устной речи или просто к поворотам судьбы:

36) Так, конфликт актрисы преобразовал жизнь в драму, где много начинаний с **отточиями** и узоры судьбы и воли удивительны. [«Театральная жизнь», 28.04.2003]

37) Я с ужасом обнаружил в своей речи нечто воробьиное, скоротечно-торопливое, выплевывание очень коротких предложений, тяготеющих к незавершенности и подлым **многоточиям**. [М. А. Захаров (2007)]

38) ...это даже смягчит ситуацию — вместо неприятной жирной точки позволит поставить ни к чему не обязывающее **многоточие**. [Анатолий Салуцкий, 2019]

Характерно также замечание Людмилы Сараскиной в книге «Солженицын и медиа» (по поводу отказа советских властей выдать въездную визу Карлу Гирову, в результате чего запланированное мероприятие по вручению Нобелевской премии на частной квартире было сорвано): *В нобелевской истории Солженицына (октябрь 1970 — апрель 1972) будет поставлено красноречивое многоточие*.

Название вопросительного знака используется в переносном значении совсем редко, и в этом случае он обычно обозначается как *знак вопроса*. Смысл в этом случае — неуверенность, сомнение. Примеры из НКРЯ:

39) Изгнанник всегда тоскует и всегда мечтает о возвращении, эмигрант тоскует значительно реже, а сама идея возвращения вызывает у него **знак вопроса**... [Павел Кузнецов, 2002]

40) ...граница между неизбежным и всего лишь наиболее возможным, между жестко обусловленным и открытым, между навязанными обстоятельствами, сложившимися ранее, и стремлением действующих лиц их изменить, — граница эта всегда непрозрачна, под **знаком вопроса**. [«Искусство кино», 30.06.2003]

41) И вдруг над всеми моими планами встал **знак вопроса**. [В. А. Ярмолинец, 2008]

42) Я поставлю **знак вопроса** к предположению, что новая темпоральная размерность обещает изменить основы сотрудничества истории и психологии. [Владимир Шкуратов, 2009]

43) Современное искусство является одним сплошным сомнением и **знаком вопроса**... [Дмитрий Трубочкин, Андрей Архангельский, 2013]

Заключительное замечание

Мы видим, что рассмотрение того, как названия знаков препинания используются в повседневной речи (преимущественно в устойчивых выражениях), позволяет реконструировать особенности «наивных» представлений о функциях знаков препинания. А это может оказаться полезным для уточнения пунктуационных норм, которые, как представляется, не должны противоречить языковой интуиции носителей языка.

Можно различить три типа пунктуационных норм: (1) полностью императивные нормы, нарушение которых вне специальных условий может считаться пунктуационной ошибкой; (2) не вполне установившиеся нормы, относительно которых нет консенсуса грамотных носителей языка; (3) вариативные нормы, когда в некоторой позиции в предложении возможно отсутствие или наличие знака препинания или же возможны различные знаки препинания. Для императивных норм необходимо максимально точно и полно (и вместе с тем не слишком сложно для неискушенного пользователя) отразить их в формулировке соответствующего пунктуационного правила. Для не вполне установившихся норм, в частности некоторых норм, регулирующих пунктуацию в электронной коммуникации, можно ограничиться мягкими рекомендациями, нарушение которых не должно считаться пунктуационной ошибкой. Но особое внимание следует уделить вариативным нормам. Если в некоторой позиции в предложении возможны различные пунктуационные решения, то, выбирая то или иное решение, пишущий опирается на то, какое решение более всего подходит «по смыслу». Следование этому принципу предполагает наличие представления об основных функциях знаков препинания. Как мы могли видеть, такие интуитивные представления есть у многих носителей языка. Эxpлицитируя эти представления, мы даем возможность принимать решение более осознанно и предвидеть последствия, которые выбранное решение будет иметь для понимания получившегося текста.

Литература

- Ахапкин Д. Н. «Филологическая метафора» в поэтике Иосифа Бродского // Русская филология. 9. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Тартуский университет, 1998. С. 228–238.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 1168 с.

- Жадейко Ж. Ф. Русские фразеологизмы с названиями знаков препинания: этнокультурный и лингводидактический аспекты // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. Вып. 3. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. С. 43–46.
- Иомдин Б. Л. Запятая // Активный словарь русского языка, т. 3. / Под рук. Ю. Д. Апресяна / Под ред. В. Ю. Апресян, И. В. Галактионовой, Б. Л. Иомдина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 636–637.
- Смирнова Г. Ю. Скобки: вербальное и/или графическое // Русский язык в школе. 2012. № 8. С. 69–74.
- Хуснутдинов А. А. К истории выражения «и точка» в русском языке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. Вып. 1 (13). С. 126–137.
- Шмелев А. Д. Парадокс самофальсификации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. / Отв. ред. Н. Д. Арutyюнова. М.: Наука, 1990. С. 84–93.

References

- Akhapkin D. N. ["Philological metaphor" in the poetics of Iosif Brodsky]. *Russkaya filologiya*, 9 [Russian Philology. 9. Collection of scientific works by young philologists]. Tartu, Tartu University Publ., 1998, pp. 228–238. (In Russ.)
- Baranov A. N, Dobrovol'skii D. O. (eds.). *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [The academic dictionary of Russian phraseology], 2nd ed. Moscow, LEKSUS Publ., 2015. 1168 p.
- Iomdin B. L. [Zapayataya 'comma']. *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian], vol. 3. Chief editor Yu. D. Apresyan. Eds. V. Yu. Apresyan, I. V. Galaktionova, B. L. Iomdin. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 636–637. (In Russ.)
- Khusnutdinov A. A. [To the history of the expression 'i tochka' ("that's it") in the Russian language]. *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2023, issue 1 (13), pp. 126–137. (In Russ.)
- Shmelev A. D. [Paradoxes of self-defeating]. *Logicheskii analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language. Contradictions and anomalies of discourse]. Chief ed. N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 84–93. (In Russ.)
- Smirnova G. Yu. [Parentheses: verbal and/or graphic]. *Russkii yazyk v shkole*, 2012, no. 8, pp. 69–74. (In Russ.)
- Zhadeiko Zh. F. [Russian idioms with the terms for punctuation marks: ethnocultural and didactic aspects]. *Slavyanskaya frazeologiya v sinkhronii i diakhronii* [Slavic idioms in synchronic and diachronic aspects], issue 3. Gomel', Skorina Gomel' State University Publ., 2016, pp. 43–46. (In Russ.)

Текстологические исследования эпохи big data и нейронных сетей

Александр Геннадьевич Кравецкий¹, Светлана Михайловна Кусмауль²,
Екатерина Андреевна Мишина³, Александра Андреевна Плетнева⁴,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН) / Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (НЯУ МИФИ) (Россия, Москва), krav62@mail.ru¹, kusmauls@yandex.ru²,
kmishina@mail.ru³, apletneva@list.ru⁴

DOI: 10.31857/S0131611724050035

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются возможности, открывающиеся перед филологами-древниками благодаря появлению технологий работы с большими данными. Речь идет об изучении и издании текста древнерусских рукописей традиционного содержания, необходимых для совершения богослужения. Эти рукописи существовали в огромном количестве списков и в процессе переписывания подвергались значительной текстовой унификации, что крайне затрудняет их изучение методами традиционной текстологии, опирающейся на трудоемкий анализ разночтений. Сейчас, когда появилась возможность автоматической обработки полного текста памятников, началась работа над созданием системы «Лингвистическая интеллектуальная среда» (ЛИС) — инструмента, который предоставит ряд принципиально новых возможностей для исследования славянских богослужебных текстов разных эпох. В результате будет создан корпус богослужебных текстов XI–XVII вв., полученных с помощью программы по автоматическому распознаванию текста рукописей, с разметкой и поиском. Для каждого фрагмента богослужебной книги пользователь ЛИС будет иметь возможность получить полный перечень разночтений по максимально широкому кругу рукописей. Фактически речь идет о новом типе издания памятников традиционного содержания с возможностью задавать параметры этого издания в соответствии со своими исследовательскими интересами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история славянских языков, церковнославянский язык, текстология, богослужебные книги, цифровые методы в гуманитарных науках

для цитирования: Кравецкий А. Г., Кусмауль С. М., Мишина Е. А., Плетнева А. А. Текстологические исследования эпохи big data и нейронных сетей // Русская речь. 2024. № 5. С. 34–47. DOI: 10.31857/S0131611724050035.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена в рамках программы Приоритет 2030 НИЯУ МИФИ.

From the History of the Russian Language

Textual Studies of the Era of Big Data and Neural Networks

Alexandr G. Kravetskiy¹, Svetlana M. Kusmaul'², Ekaterina A. Mishina³, Alexandra A. Pletneva⁴, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences / National Research Nuclear University "MEPhI" (Russia, Moscow), krav62@mail.ru¹, kusmauls@yandex.ru², kmishina@mail.ru³, apletneva@list.ru⁴

ABSTRACT: This article analyses the emergence of new technologies for working with big data which can be highly helpful to philologists, studying the diachronic development. First of all, that applies to the study and publication of Old Russian manuscripts with traditional liturgical texts used for church service. These manuscripts existed in a huge number of folios, and in the process of copying were subjected to considerable textual unification. That makes it very difficult to study them by the laborious methods of traditional textual criticism. Now, when the full text of the monuments can be automatically processed, the creation of the Linguistic intellectual environment (LIE) has been lounged. This tool will provide new opportunities for the study of Slavonic liturgical texts from different historical periods. As a result, we will create a corpus of liturgical texts of the 11th–17th centuries, obtained using a program for automatic text recognition of manuscripts, with annotation und search module. The user of the LIE will be able to receive

a complete list of variant readings for each fragment of a liturgical book of the widest range of manuscripts. In fact, we are talking of a new type of publication of traditional liturgical texts, when the user can set the parameters for the edition in accordance with his research interests.

KEYWORDS: history of Slavic languages, Church Slavonic language, textual criticism, liturgical books, digital methods in the humanities

FOR CITATION: Kravetskiy A. G., Kusmaul' S. M., Mishina E. A., Pletneva A. A. Textual Studies of the Era of Big Data and Neural Networks. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 34–47. DOI: 10.31857/S0131611724050035.

ACKNOWLEDGMENTS: This work was carried out within the National Research Nuclear University MEPhI Program “Priority 2030”.

I

Важнейшим источником, позволяющим получать информацию по истории литературного языка Древней Руси и других славянских народов, являются так называемые памятники традиционного содержания. Речь, в первую очередь, идет о богослужебных книгах, которые распространялись в огромном количестве списков. Теоретически в каждом храме должен был быть комплект таких книг. И хотя на практике это, конечно же, было не совсем так, в любом случае число книг, входящих в основной богослужебный круг (Служебник, Минея, Постная и Цветная Триодь, Паримейник, Служебное Евангелие, Следованная Псалтырь и др.), было очень большим. Поскольку эти книги переписывались в разных регионах, они содержат информацию об особенностях региональных традиций и книжных центров. В связи с новыми канонизациями, изменениями церковного устава и другими событиями эти книги дополнялись новыми текстами. А поскольку число сохранившихся рукописей измеряется многими десятками, а чаще сотнями, историки языка могут на их основе получить важную информацию.

Однако полноценно использовать материал рукописей традиционного содержания бывает достаточно сложно. Это связано с тем, что для них весьма затруднительно написать текстологическую историю, разбить на редакции и построить стемму¹, показывающую, как рукописи соотносятся друг с другом. Запутанность текстологической истории этих памятников связана с особенностями их переписывания. Переписчики богослужебных книг отдавали себе отчет в том, что в процессе копирования рукописей количество ошибок будет постоянно увеличиваться, поскольку

¹ В текстологии стеммой называется графическое изображение истории рукописей и взаимосвязей списков между собой.

при каждом следующем переписывании к ошибкам предыдущих писцов будут добавляться новые. Для того чтобы избежать подобной порчи текста, писцы, работая над рукописью, пользовались двумя оригиналами (текстологи называют их «антиграфами»). Переписывая один оригинал, писец попутно проверял себя по другому. Пока тексты совпадали, проблем не возникало. При обнаружении разночтения писец сравнивал между собой оба варианта и выбирал тот, который казался ему правильным [Алексеев 2001: 691–694]. Таким образом, переписывание книг с использованием двух антиграфов способствовало стабилизации текста. Случайные описки и пропуски не распространялись в процессе переписывания, а фиксировались и исключались. Такой способ бытования и копирования книг называют контролируемой традицией.

Исследователи, работающие с рукописями контролируемой традиции, сталкиваются с рядом трудноразрешимых задач. Дело в том, что методы классической текстологии создавались, в первую очередь, для исследования литературных текстов, при переписывании которых два антиграфа не используются. В этом случае для группировки рукописей бывает достаточно на основе анализа разночтений установить, что редакция А характеризуется одним набором признаков, а редакция В — другим. Понятно, что такая идеальная картина выстраивается далеко не всегда. Часто появляются разного рода смешанные редакции. Тем не менее изучение истории текста начинается с выявления сохранившихся рукописей и подведения разночтений, позволяющих выделить основные редакции данного текста, установить, кем, когда и для чего это редактирование проводилось, а результаты такого анализа часто представляют в виде стеммы, наглядно показывающей историю текста².

Когда же мы обращаемся к памятникам, принадлежащим к контролируемой традиции, методы классической текстологии перестают работать. Использование писцами двух антиграфов приводит к тому, что рукописи не имеют понятных наборов признаков, позволяющих выделить редакции. Текстовые и языковые особенности, возникшие в результате сознательного редактирования или исправления по греческому оригиналу, очень быстро расплываются по другим рукописям. Текст новой редакции оказывается одним из антиграфов, а писец, натолкнувшись на разночтение, в одном случае предпочтет старый вариант, а в другом — новый. В результате особенности разных редакций причудливо переплетаются. Поскольку тот набор рукописей, который до нас дошел, с точки зрения истории текстов является произвольным (сохранилось то, что не сгорело, не сгнило и не было съедено мышами), задача становится почти

² Классическое описание работы текстолога, занимающегося древнерусской письменностью, принадлежит Д. С. Лихачеву [Лихачев 1981: 175–244, 457–461].

неразрешимой. Из тысяч рукописей со случайно распределенными текстологическими особенностями произвольно взято небольшое количество экземпляров, на основании которых исследователи пытаются делать какие-то выводы.

Остановимся чуть подробнее на том, какая же часть от общего количества рукописей дошла до наших дней. В свое время Б. В. Сапунов попытался выяснить, сколько книг было необходимо для того, чтобы в древнерусских церквях совершалось богослужение. По его расчетам на Руси в XI–XIII вв. было построено около 10 тыс. церковных зданий. Можно составить минимальный список книг, без которых невозможно совершать богослужение. Значит, должно было быть изготовлено порядка десяти тысяч рукописных копий каждой из книг, входящих в этот список [Сапунов 1978: 64]. Посмотрим хотя бы для некоторых из этих книг, сколько экземпляров (включая малоинформативные отрывки) фиксирует Сводный каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIII вв. [Сводный каталог 1984: 375–376].

Тип богослужебной книги	Количество известных экземпляров
Служебное Евангелие разных типов	116
Паремийник	12
Триодь постная	10
Триодь цветная	8
Триодь постная и цветная в одном томе	14

Само собой разумеется, эти цифры не претендуют на точность, и тому имеется много причин. Во-первых, сводный каталог фиксирует только рукописи, хранящиеся на территории бывшего СССР. Во-вторых, в числе рукописей каталога немало тех, которые были переписаны у южных славян. Поэтому, приводя эти цифры, мы имеем основания лишь утверждать, что до нас дошла ничтожная часть от переписанных в Древней Руси рукописей, принадлежащих к контролируемой текстологической традиции. Построить внятную текстологию, опираясь на разрозненные рукописи, в которых из-за использования нескольких антиграфов отсутствуют отчетливые текстологические приметы, едва ли возможно.

II

В конце 60-х годов XX века благодаря появлению компьютерных технологий стали создаваться методики исследования памятников с контролируемой традицией, построенные на иных основаниях. В 1969 г. появилась книга Э. Колвелла, посвященная анализу греческого текста Священного

Писания [Колвелл 1969]. А начиная с середины 80-х годов А. А. Алексеев и его школа разработали методику анализа славянских памятников контролируемой рукописной традиции. Вкратце она устроена так. Исследователь вручную выделяет по всем имеющимся в его распоряжении спискам те места, в которых встречаются разночтения. Такие вариативные фрагменты текста, называемые «узлами разночтений» (англ. Variation units), нумеруются. Варианты внутри каждого узла разночтения также нумеруются, и в результате текстологические особенности каждой рукописи оказываются описанными при помощи набора чисел. Затем компьютер попарно сравнивает все рукописи. Прочитируем фрагмент описания этой методики: «ЭВМ рассматривает пары списков в порядке убывания процента общих чтений. Две рукописи, имеющие наибольшую степень сходства, образуют первый кластер. Затем рассматривается следующая пара рукописей: если одна из них уже вошла в первый кластер, то к нему приписывается и вторая; если обе рукописи “новые”, то они объединяются во второй кластер. Таким образом, рукописи либо приписываются к уже существующим кластерам, либо образуют новые кластеры» [Алексеев, Кузнецова 1988: 115]. С помощью данной методики удается выделить группы рукописей, наиболее близких друг к другу в текстологическом отношении. Эта информация очень полезна при подготовке изданий, поскольку помогает выбрать как основную рукопись, так и рукописи, по которым будут подводиться разночтения. Однако описать историю исследуемого текста или соотнести редакции с той или иной выделенной группой рукописей, как правило, не удастся. Это связано с тем, что статистическая близость рукописей не означает их генетической близости. Выделенные группы объединяются не идеей редактора, вносившего в текст изменения, а обезличенной статистической близостью. Характерно, что наиболее стабильными оказываются не древнейшие рукописи, стоящие у истоков бытования памятника, а более поздние, к моменту создания которых процесс стабилизации и унификации шел уже достаточно долго [Алексеев 2001: 696].

Применение методики Колвелла очень много дало исследователям истории текстов контролируемой традиции. В течение времени, прошедшего с момента появления программной статьи А. А. Алексеева [Алексеев 1985], была проведена серия важных исследований и публикаций, посвященных текстам славянских книг Священного Писания³. Результаты этих исследований славянской Библии были обобщены в монографии А. А. Алексеева [1999], а методика исследования текстов контролируемой

³ Отметим серию работ А. А. Пичхадзе, завершившуюся публикацией паримейной версии книги Исход [Пичхадзе 1998], публикацию паримейной версии книги Иова [Афанасьева и Шварц 1980] и, наконец, фундаментальное издание под руководством А. А. Алексеева славянского текста Евангелия от Иоанна и Евангелия от Матфея с привлечением материала более чем тысячи рукописей.

традиции была, так сказать, канонизирована тем, что в третье издание классической «Текстологии» Д. С. Лихачева вошла подготовленная А. А. Алексеевым дополнительная глава, посвященная методам исследования текстов славянского Священного Писания [Алексеев 2001].

III

Описанная выше методика анализа рукописей контролируемой традиции чрезвычайно трудоемка, поскольку на начальном этапе исследователям приходится вручную выделять узлы разночтений в десятках, а то и в сотнях рукописей. Поэтому работ, авторы которых смогли завершить весь исследовательский цикл — от выделения узлов разночтений до критического издания текста по большому количеству списков, очень немного. Между тем за период, прошедший со времени появления книги Колвелла и программной статьи А. А. Алексеева, компьютерные технологии претерпели существенные изменения.

В 60-е годы, когда эти методы начали разрабатываться, компьютеры не могли работать со средневековыми текстами, поскольку существовавшие тогда кодировки не давали возможности работать со знаками, отсутствовавшими в современных алфавитах. С появлением Юникода эта проблема в принципе стала разрешимой. Появление технологий, позволяющих обрабатывать большие данные, и развитие корпусной лингвистики привели к появлению таких ресурсов, как исторические корпуса в составе Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru); проект «Манускрипты» (manuscripts.ru), «Древнерусские берестяные грамоты» (gramoty.ru) и др., позволяющих исследователю осуществлять поиск по заданным параметрам по большому корпусу древних текстов. Однако в существующих корпусах инструментарий для проведения сравнительного анализа текстов рукописей по фрагментам либо ограничен, либо и вовсе отсутствует.

Благодаря современным технологическим достижениям появилась возможность поставить вопрос о развитии новых методов работы с текстами контролируемой традиции. Теперь нет необходимости вручную выделять узлы разночтений и нумеровать варианты, поскольку машиночитаемый текст средневековых рукописей доступен обработке при помощи программного инструментария. Разработка такого ресурса для работы с текстами древнерусских рукописей (на данный момент он называется «Лингвистическая интеллектуальная среда», или ЛИС) сейчас ведется в Лаборатории цифровой лингвистики МИФИ. Этот междисциплинарный проект осуществляется совместно с филологами, сотрудниками Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Первым этапом и основным условием реализации проекта должна стать программа автоматического распознавания рукописей, работа над которой ведется в настоящее время. Работающая программа распознавания — необходимое условие реализации проекта. Прецеденты создания программ автоматического распознавания рукописного текста нейросетевыми моделями существуют, см. программу Transcribus (transcribes.eu) и ее использование для автоматического распознавания церковнославянских рукописей [Rabus 2019]. Однако подобного отечественного ресурса до сих пор не существует, в то же время его создание актуально и востребовано, в особенности с учетом большого количества рукописей, уже оцифрованных архивами.

Работающая программа по распознаванию рукописного текста — ключевая черта, отличающая настоящий проект от других существующих корпусных проектов. Такая программа позволит создать объемный корпус и включить в него тексты рукописей, которые еще не были распознаны и в настоящий момент доступны для исследователей только в виде картинок на различных платформах. В данном случае предпочтение будет отдаваться максимально широкому охвату рукописей в ущерб идеально чистому тексту, поскольку машинное распознавание практически никогда не позволяет получить на выходе чистый текст, не требующий последующего ручного редактирования. Для решения данной проблемы предполагается со временем создать пользовательский модуль, позволяющий исследователю дополнительно натренировать программу на более чистое распознавание конкретной выбранной рукописи. Благодаря такой возможности можно будет постепенно точно улучшать качество распознанных текстов.

IV

Ниже мы попробуем обозначить те филологические и текстологические задачи, которые можно решить, используя современные технологии. Мы начнем с наиболее очевидной задачи — подготовки электронного издания средневековых богослужебных книг (в первую очередь, Служебных Миней и Триодей). В чем особенность этих книг и почему именно с них следует начать обкатку электронной системы исследования средневековых рукописей?

Дело в том, что эти книги членятся на небольшие по объему фрагменты (тропари, стихиры, библейские чтения, богослужебные указания, надписания и т. д.). Каждый из этих текстов может иметь свою историю: переходить из одной службы в другую, редактироваться, переосмысляться. Кроме того, позднейшие гимнографы часто использовали фрагменты

старых служб или законченные песнопения при составлении новых произведений. Приведем лишь один пример подобного заимствования. Третья стихира на «Господи, воззвах» службы Феодосию Печерскому (+1074), которая относится еще к домонгольскому периоду, представляет собой незначительную переделку стихир, заимствованной из переведенной с греческого службы Феодосию Великому (ок. 424–529), основателю палестинского монашества.

<p>Служба Феодосию Великому, 11 января, вечерня, 2-я стихира на «Господи, воззвах»⁴</p>	<p>Служба Феодосию Печерскому, 3 мая, великая вечерня, 3-я стихира на «Господи, воззвах»</p>
<p>Преподобне отче Богоносе Феодосие, обретши, якоже желаше, чистую твою душу, Духа благодать Всесвятаго в тя вселися, яко Пречистый Свет, Егоже действием светло украшен, Христа непрестанно славословиши, во двою существу Единого Сына, крещаемого рукою Предтечевою, и свидетельствована гласом Отчим. Того моли, Тому помолися, преподобне, даровати вселенней единомыслие, мир и велию милость [Минея 1983: 372]</p>	<p>Преподобне отче Богоносе Феодосие, обрел, якоже возлюбил еси, чистую твою душу, благодать бо Всесвятаго Духа в тебе вселися, яко пречист свет, Егоже поспешением светло озарен, Христа непрестанно славословил еси, во двою существу единого Бога, пострадавшего плотию на Кресте и Божеством безстрастна пребывша. Того моли, Тому помолися, преподобне, даровати вселенней мир и велию милость [Минея 1987: 132]</p>

Это далеко не единственное заимствование, встречающееся в службе преподобному Феодосию [Спасский 2008: 76–78]. Заимствований такого рода в богослужебных книгах очень много. Но для того чтобы проследить судьбу одного конкретного песнопения, исследователь должен обнаружить интересующий его текст во многих десятках рукописей и посмотреть, нет ли в нем заимствований из других текстов (для этого теоретически следует просмотреть все дошедшие до нашего времени источники). Понятно, что подобная задача является настолько трудоемкой, что решать ее методами традиционной текстологии никто никогда не будет. Но когда основной массив текстов будет оцифрован, появится техническая возможность сравнивать отдельные песнопения друг с другом.

⁴ Для простоты мы цитируем эти тексты по современному обиходному изданию.

Задача поиска заимствований, обнаружения похожих или тождественных текстов уже давно решена в связи с разработкой инструментов для борьбы с плагиатом. Таким образом, после того, как будет решена задача относительно чистой оцифровки средневековых рукописей, начнется подготовка инструмента, позволяющего производить сравнение текстов с опорой на различные параметры.

Этот инструмент должен работать так. Оцифрованный текст разбивается на структурные элементы, причем каждый из них получает уникальный номер (или же имя). Далее машина сравнивает этот текст со всеми другими текстами, имеющимися в оцифрованном корпусе. В результате будут найдены все случаи вхождения данного текста в богослужебные книги.

Для исследователя процесс работы с ЛИС будет выглядеть следующим образом. Найдя интересующий его фрагмент, пользователь сможет посмотреть, в каких песнопениях этот фрагмент встречается. Далее он сможет обратиться к этим песнопениям и посмотреть, есть ли какие-то изменения, а если есть, то какие. Таким образом, в распоряжении исследователя окажется не только коллекция вхождений интересующего его слова или выражения, но и выборка слов или конструкций, появившихся на их месте в результате редакции разного времени.

Фактически можно говорить о новом типе издания памятников с привлечением максимально широкого (в идеале — исчерпывающего) количества рукописей. На этом моменте следует остановиться подробнее. При подготовке привычных нам бумажных изданий памятников, сохранившихся во многих сотнях списков, текстологи должны решить практически нерешаемую задачу. С одной стороны, они стремятся привести максимальное количество разночтений. С другой — огромный справочный аппарат делает издание чрезвычайно громоздким и затрудняет работу с ним. В итоге на предварительном этапе приходится производить отбор рукописей, часть из них объявляя второстепенными. Точно так же приходится ограничивать и количество разночтений, которые будут приводиться в аппарате. В подавляющем большинстве изданий не фиксируются, например, орфографические разночтения, поскольку они не являются текстологически значимыми. Издания, аппарат которых позволяет полностью реконструировать все особенности рукописей, использованных при подготовке этого издания, представляют собой редчайшие исключения.

Электронное издание книг контролируемой традиции даст возможность приводить для каждого текста максимальное количество разночтений. При этом пользователь получит издание текста, максимально приближенное к его исследовательским задачам. Если его интересуют древнейшая версия текста, в качестве основного будет использоваться одна

из древнейших рукописей, если его интересует более поздняя эпоха, то будет выбрана и соответствующая рукопись. Таким образом, у исследователя появится возможность работать с электронным изданием, ориентированным на ту проблему, которой он занимается. Напомним, что та картинка, которую пользователь видит на экране, формируется автоматически на основе машинного анализа текстов, принадлежащих разным эпохам.

Следует особо отметить, что к числу возможностей создаваемого электронного инструмента относится и возможность подгрузки текстов на других языках. В первую очередь, это актуально для исследования переводов с греческого. Подгрузка греческого оригинала, а в идеале — электронного издания греческого текста — обещает появление полезнейшего ресурса. Но это уже дело будущего.

Отдельно следует сказать о возможности полной фиксации всей текстовой традиции, а не исключительно рукописной. Традиционно исследователи обращаются к древнейшим рукописям контролируемой традиции. Поздние рукописи исследованы намного хуже, чем древнейшие, а судьба тех же самых текстов в период книгопечатания исследована в еще меньшей степени. Между тем единственным видом славянских текстов, которые на протяжении тысячелетия изменялись, но оставались тождественными сами себе, являются богослужебные книги. И электронная форма публикации книг контролируемой традиции дает возможность представить каждый из текстов во всех известных видах: от наиболее ранних редакций, читающихся в средневековых рукописях, до наиболее поздних, печатающихся в богослужебных книгах первой четверти XXI века.

V

В процессе распознавания рукописей будет создан огромный банк данных, содержащий варианты написания букв славянского алфавита, лигатур и надстрочных знаков. Создание подобного банка — рутинная операция, необходимая для того, чтобы обучить машину распознавать образы. Однако такой банк имеет большую ценность и сам по себе. Мы получаем возможность сформировать запрос типа «как выглядит буква А в датированных рукописях XII» или же в рукописях, переписанных, например, в Новгороде. На основании этого можно составить качественные полиграфические таблицы (в электронном или бумажном виде). К тому же, и это главное, имея образы букв, извлеченных из датированных рукописей, машина сможет ответить на вопрос, к начеркам какого времени ближе всего стоит рукопись, время создания которой неизвестно. Таким образом, появится возможность датировать рукописи по

палеографическим признакам на основании машинного анализа большого количества рукописей. Точно так же возможен автоматический анализ рукописей, место создания которых неизвестно, и сравнение их почерков с почерками тех рукописей, для которых надежно устанавливается место создания. Теоретически и та, и другая задачи вполне разрешимы, хотя понятно, что на этапе их непосредственной реализации нам придется столкнуться со многими трудностями. Подобного ресурса, включающего не только корпус древнерусских рукописей с разными почерками, но также и доступный пользователю автоматический анализатор, позволяющий сравнивать начерки отдельных букв внутри одной рукописи, а также почерки разных рукописей, на данный момент не существует, однако он несомненно был бы востребован исследователями.

VI

В предыдущих разделах мы говорили о тех возможностях ЛИС, которые прежде никогда не реализовывались. В завершение же статьи следует кратко назвать те очевидные функции, возможность использования которых несомненна и не представляет собой чего-то принципиально нового. Предполагается, что функционал ЛИС будет располагать стандартными возможностями, которые имеют существующие лингвистические корпуса (например, НКРЯ, Манускрипт). В первую очередь, речь идет о различных видах поиска (по леммам, комбинациям грамматических признаков, сочетаниям букв, морфологическим элементам и т. д.), возможности сортировки результатов и их экспорта в Excel, Word и т. д. Существенной особенностью нашей системы является то, что для каждого примера можно будет легко перейти на страницу рукописи, откуда этот пример заимствован (такая функция не реализована в НКРЯ, в корпусе «Манускрипт» она реализована частично). Этот момент нам представляется очень важным. Когда мы имеем дело со сложными в орфографическом отношении средневековыми рукописями, ссылки типа «цитируется по ЛИС» не являются удачными, поскольку распознанный текст будет постоянно улучшаться и вычитываться, а значит, несколько меняться. Поэтому, работая с системой, исследователь всегда имеет возможность обратиться к первоисточнику цитаты и сослаться на рукопись. К тому же необходимо отдавать себе отчет в том, что при масштабном машинном распознавании неизбежно появление значительного количества ошибок и идеально чистый текст получить не удастся. Поэтому у исследователя должна быть возможность проверки результатов. Наличие кнопки «сообщить об ошибке» позволит исправлять замеченные пользователями ошибки распознавания.

* * *

Развитие технологий дает возможность создания принципиально новых инструментов для гуманитариев, в частности для работы с так называемыми памятниками традиционного содержания. Технологии обработки больших данных позволяют осуществлять издания памятников по сколь угодно большому числу списков. При этом возникает новый тип издания памятника, которое не имеет устойчивого, навсегда заданного текста, а организует материал в соответствии с пользовательским запросом. Таким образом, технологии будущего дают новые возможности для работы с текстами далекого прошлого.

Источники

Миняя 1983 — Миняя. Январь. Ч. 1. М.: Издательство Московской Патриархии, 1983. 592 с.

Миняя 1987 — Миняя. Май. Ч. 1. М.: Издательство Московской Патриархии, 1983. 488 с.

Сводный каталог 1984 — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР / Гл. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1984. 406 с.

Литература

Алексеев А. А. Проект текстологического исследования Кирилло-Мефодиевского перевода Евангелия // Советское славяноведение. 1985. № 1. С. 82–95.

Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб: Дмитрий Буланин, 1999. 255 с.

Алексеев А. А. Текстология переводных произведений (Священное Писание) // Лихачев Д. С. при участии Алексеева А. А. и Боброва А. Г. Текстология. На материале русской литературы XI–XVII в. СПб.: Алетейя, 2001. С. 689–717.

Алексеев А. А., Кузнецова Е. Л. ЭВМ и проблемы текстологии славянских текстов // Лингвистические задачи и проблемы обработки данных на ЭВМ / Под ред. Ю. Н. Караулова. М.: АН СССР, Институт русского языка, 1988. С. 111–120.

Афанасьева Е. В., Шварц Е. М. Древнейший славянский перевод книги Иова (по пергаменным рукописям) // Источниковедение литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева. Л.: Наука, 1980. С. 7–32.

Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XI веков. Л.: Наука, 1983. 639 с.

Пичхадзе А. А. Книга «Исход» в славянском паримейнике. В сб.: Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова / Под ред. игумена Иоанна (Экономцева). М.: Российский православный университет, 1998. С. 5–60.

Сапунов Б. В. Книга в России в XI–XIII вв. Л.: Наука, 1978. 231 с.

- Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. 544 с.
- Colwell E. C. *Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament*. Leiden: E. J. Brill, 1969. 175 p.
- Rabus A. Recognizing handwritten text in Slavic Manuscripts: a neural-network approach using Transcribus // *Scripta & e-Scripta*. 2019. Vol. 19. P. 9–32.

References

- Alexeev A. A. [The project of textual research of the Cyril and Methodius translation of the Gospel]. *Sovetskoe slavyanovedenie*, 1985, no. 1, pp. 82–95. (In Russ.)
- Alexeev A. A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Text History of the Slavonic Bible]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999. 255 p.
- Alexeev A. A. [Text History of Translated Works (Holy Scripture)]. Likhachev D. S. with the participation of Alekseev A. A. i Bobrov A. G. *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury XI–XVII v.* [Textology. Based on Russian literature 11th – 17th c.] St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001, pp. 689–717. (In Russ.)
- Alekseev A. A., Kuznetsova E. L. [Computers and Problems of Text History of Slavic texts]. *Lingvisticheskie zadachi i problemy obrabotki dannykh na EVM* [Linguistic problems and problems of data processing on computers]. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow, AS USSR Publ., 1988, pp. 111–120. (In Russ.)
- Afanas'eva E. V., Shvarts E. M. [The oldest Slavic translation of the Book of Job (based on parchment manuscripts)]. *Istochnikovedenie literatury Drevnei Rusi* [Source study of literature of Ancient Russia] Ed. by D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1980, pp. 7–32. (In Russ.)
- Colwell E. C. *Studies in Methodology in Textual Criticism of the New Testament*. Leiden, E. J. Brill Publ., 1969. 175 p.
- Likhachev D. S. *Tekstologiya. Na materiale russkoi literatury X–XI vekov* [Textology. Based on the material of Russian literature of the 10th – 11th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 639 p.
- Pichkhadze A. A. [The book “Exodus” in the Slavic Lectionar]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova* [Scientific notes of the Russian Orthodox University of the Apostle John the Theologian.]. Ed. by Igumen Ioann (Ekonomtsev). Moscow, Russian Orthodox University Publ., 1998, pp. 5–60. (In Russ.)
- Rabus A. Recognizing handwritten text in Slavic Manuscripts: a neural-network approach using Transcribus. *Scripta & e-Scripta*, 2019, vol. 19, pp. 9–32. (In Eng.)
- Sapunov B. V. *Kniga v Rossii v XI–XIII vv.* [The book in Russia in the 11th – 13th centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 231 p.
- Spasskii F. G. *Russkoe liturgicheskoe tvorchestvo* [Russian Liturgical creativity] Moscow, Publ. Council of the Russian Orthodox Church, 2008. 544 p.

Примечания Н. М. Карамзина к письму Д. И. Фонвизина — реплика в споре о языке

Лев Аркадьевич Трахтенберг, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва), Lev_A_T@inbox.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050044

АННОТАЦИЯ: Полемика о языке играет важнейшую роль в истории русской литературы первой четверти XIX в. Начало ей дают статья Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) и книга А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), где позиция Карамзина подвергается критике. Традиционно считается, что Карамзин Шишкову не отвечает. В статье аргументируется предположение о том, что Карамзин все же выражает свою позицию в печати, но в завуалированной форме. Репликой Карамзина в споре о языке становятся примечания к осуществляемой им в октябре 1803 г. публикации письма Д. И. Фонвизина О. П. Козодавлеву, посвященного «Словарю Академии Российской», в работе над которым автор «Недоросля» принимает активное участие.

В письме, а вслед за ним в примечаниях Карамзина затрагивается вопрос о месте заимствований в русском языке — центральная проблема в книге Шишкова. Карамзин занимает умеренную позицию, рекомендуя отказ от тех заимствований, которые уже имеют исконно русские смысловые эквиваленты. Однако в целом заимствования он считает полезными постольку, поскольку они позволяют выразить понятия, русскому языку еще неизвестные. Эта позиция противостоит стремлению Шишкова избавить русский язык от заимствований.

За разногласиями по этому вопросу стоит различие концепций языка в целом. Карамзин смотрит на язык как на средство выражения

понятий, которые могут носить интернациональный характер, заимствоваться так же, как и слова, и при необходимости — вместе с ними. Для Шишкова первичны слова, а не понятия; каждое слово выступает во всей совокупности своих значений, словообразовательных и семантических связей с другими лексическими единицами. Эти характеристики национально-специфичны, вследствие чего заимствования, по мысли Шишкова, не обогащают, а разрушают язык, навязывая чуждые ему черты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская литература начала XIX в., русская лексикография XVIII–XIX вв., полемика «о старом и новом слоге», лексикология, стилистика

для цитирования: Трахтенберг Л. А. Примечания Н. М. Карамзина к письму Д. И. Фонвизина — реплика в споре о языке // Русская речь. 2024. № 5. С. 48–60. DOI: 10.31857/S0131611724050044.

From the History of the Russian Language

N. M. Karamzin's Notes to D. I. Fonvisin's Letter — a Reply in the Debate about Language

Lev A. Trakhtenberg, M. V. Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow), Lev_A_T@inbox.ru

АБСТРАКТ: The discussion about language plays a crucial role in Russian literature of the early 19th century. It begins with Nikolay Karamzin's essay *Why Are There Few Talented Authors in Russia?* (1802) and Alexander Shishkov's book *Discourse on the Old and New Style in Russian Language* (1803), which criticizes Karamzin. The traditional view is that Karamzin refrains from answering Shishkov. The present paper presents an alternative hypothesis, arguing that Karamzin does react, but indirectly. Karamzin's reply takes the

form of comments on Denis Fonvizin's letter addressed to Osip Kozodavlev, where Fonvizin discusses his work on the *Dictionary of the Russian Academy*. In October 1803 Karamzin publishes this letter in *Vestnik Evropy*, the magazine he edits since 1802.

In this letter Fonvizin discusses borrowings from foreign languages in Russian; Karamzin follows suit. The question of borrowings is central in Shishkov's book. Karamzin takes a moderate course, recommending that a borrowing should be discarded if the same meaning is expressed by an existing Russian word. However, his general opinion is that borrowings are useful, as they help express notions that Russian still lacks. This attitude is contrary to Shishkov's intent to rid Russian of any borrowings.

This disagreement reflects the difference between two views on language as such. Karamzin sees language as means of expressing notions, which can be international; thus notions may be borrowed as well as words, and along with them if needed. For Shishkov, words come before notions; each word is viewed as a complex of meanings together with its formal and semantic links to other lexical units. These features are specific for any culture, so, in Shishkov's view, changing this structure by adding borrowings means destroying the language rather than enriching it.

KEYWORDS: Russian literature of the early 19th century, Russian lexicography of the 18th and 19th centuries, debate “on the old and new style”, lexicology, stylistics

FOR CITATION: Trakhtenberg L. A. N. M. Karamzin's Notes to D. I. Fonvisin's Letter — a Reply in the Debate about Language. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 5. Pp. 48–60. DOI: 10.31857/S0131611724050044.

Полемика о языке — важнейшее событие в русской литературе первых десятилетий XIX века. Ее началом становится публикация статьи Н. М. Карамзина «Отчего в России мало авторских талантов?» в основном им журнале «Вестник Европы» в июле 1802 г. и трактата А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» — в 1803 г. Книга Шишкова вызывает ожесточенные споры; против нее выступают многочисленные сторонники Карамзина.

Считается, что сам Карамзин на критику Шишкова не отвечает. После 1803 г. он отходит от литературной борьбы и сосредоточивается на работе над «Историей государства Российского».

Между тем существует сочинение Карамзина, которое можно рассматривать как реплику в споре о языке и тем самым как ответ Шишкову. Это примечания к «Письму Дениса Ивановича Фонвизина к приятелю о плане русского словаря», впервые опубликованному в «Вестнике Европы» в октябре 1803 г. [Фонвизин 1803].

Примечаний к статье десять. Все они подписаны литерой К. Последняя фраза первого по счету примечания: «Издатель <...> благодарит почтенную особу, от которой получил его» (т. е. публикуемое письмо) [Там же: 163] — подтверждает, что издатель журнала и автор примечаний — одно лицо. На авторство Карамзина вскоре после публикации указывает епископ Евгений (Болховитинов) [Евгений 1805: 254]. Эта атрибуция принята в литературоведении [Ефремов 1866: 680; Макогоненко 1959: 622].

Публикация письма Д. И. Фонвизина в «Вестнике Европы» давно введена в научный оборот. Однако примечания Карамзина обычно не рассматриваются в контексте полемики о языке. Лишь учитывает, но не разбирает их В. В. Виноградов в одной из сносок к монографии «Язык Пушкина» [Виноградов 1935: 381] (см. также: [Виноградов 1994: 1032–1033]). Задача статьи — проанализировать эти примечания и показать, какие выводы о позиции Карамзина в споре с Шишковым они позволяют сделать.

Письмо Фонвизина связано с работой над «Словарем Академии Российской» ([САР¹], переиздание — [САР 2001–2006]). Его предыстория такова. С момента создания Академии, членом которой становится Фонвизин, ее важнейшая задача — подготовка словаря [Вомперский 1992: 5–8]. В качестве руководства для работы над этим изданием создается инструкция — «Начертание для составления толкового словаря славяно-русского языка», датированное 1783 годом. Это коллективный труд, но Г. П. Макогоненко доказывает, что наиболее значительный вклад в работу внесен Фонвизиним. Другой член Академии, историк И. Н. Болтин, не соглашается с некоторыми принципами, сформулированными в «Начертании...». Ответом на его замечания и становится письмо Фонвизина, адресованное О. П. Козодавлеву, также члену Академии, в котором автор защищает и в то же время уточняет ранее высказанные положения. Оно относится к началу 1784 г. [Сухомлинов 1885: 11–18; Макогоненко 1958: 143–144; Макогоненко 1959: 622; Кочеткова 1984: 193–197].

В момент публикации письмо Фонвизина приобретает актуальность. С 1801 г. Российская академия работает над новым изданием словаря [САР² 1806–1822] (см.: [Сухомлинов 1887: 181–195]). Шишков, член академии с 1796 г., принимает в ее работе деятельное участие; на ее заседаниях он читает «Рассуждение о старом и новом слоге...» [Сухомлинов 1885: 188–189]. Таким образом, публикация, подготовленная Карамзиним,

обращена одновременно к двум сторонам филологической деятельности Шишкова — литературно-полемиической и лексикографической.

Функции примечаний Карамзина различны. Некоторые проясняют неизвестный читателю «Вестника Европы» историко-литературный контекст. Но другие делаются к концептуальным утверждениям Фонвизина, смысл которых вполне понятен и в разъяснении не нуждается. Семантическая избыточность по отношению к комментируемому тексту дает основания полагать, что значение подобных примечаний не служебное, а самостоятельное: в них Карамзин формулирует собственную точку зрения по тем вопросам, которые обсуждает Фонвизин. Именно они важны в контексте полемики о языке.

Первое из таких примечаний, по общему счёту сносок третье, сделано к слову *резон*, употребленному Фонвизиным. Этот галлицизм означает 'причину'. В XVIII веке, как видно из данных Национального корпуса русского языка, он широко распространён. В частности, сам Фонвизин неоднократно использует это слово в переписке, а также один раз — в «Чисто-сердечном признании в делах моих и помышлениях». Но в его художественных текстах слово *резон* употреблено лишь один раз — в «Бригадире», в комически стилизованной речи Советницы. Эта героиня представляет типаж кокетки, одна из отличительных черт которого — пристрастие к галлицизмам [Биржакова 1981: 106–122]. В «Словаре Академии Российской» статьи *резон* нет.

Карамзин говорит: «Разумеется, что Фонвизин не употребил бы слова *резон*, если бы он писал для публики и для печати» [Фонвизин 1803: 165]. Как видно из примеров, этот комментарий не противоречит языковой практике Фонвизина, хотя в целом на фоне традиций XVIII в. означает сдвиг в сторону пуризма. Тем самым Карамзин солидаризируется с мнением о необходимости сокращать употребление заимствований в тех случаях, когда есть исконно русский синоним.

Свою позицию по вопросу о заимствованиях Карамзин проясняет в другом примечании — к тому месту, где Фонвизин рассуждает о включении в словарь специальных терминов. Согласно «Начертанию...», в «Словаре Академии Российской» не должны входить «названия технические», известные лишь специалистам [Фонвизин 1959: 240–241]. Болтин возражает против исключения терминов [Болтин 1869: 398]. Фонвизин в ответ разъясняет, что те из них, которые знают не только специалисты, должны занять место в словаре, и приводит примеры: «...многим не астрономам известны *абerrация* и *перигей*; многим не хронологам знакома *эпакта*; многие не архитекторы знают, что *архитрава*» [Фонвизин 1803: 172]. В «Словаре Академии Российской» включены не все эти слова: там есть

епакта [САР¹, ч. 2: 1009] и *архитрав* (м. р.) [САР¹, ч. 1: 34–35], но нет ни *абберраци*, ни *перигея*.

Карамзин делает к слову *эпакта* сноску: «Смысл *абберраци* выражается русским словом *уклонение*: следственно можно и не ставить латинского слова; но греческие *эпакта* и *перигей* должны без сомнения войти в лексикон» [Фонвизин 1803: 172]. Здесь Карамзин отвечает, строго говоря, не на тот вопрос, который ставит Фонвизин, поскольку речь идет о классификациях слов по разным основаниям. В комментируемом тексте ставится вопрос о сфере употребления лексем и, соответственно, о тематическом ограничении словника, а в примечании — об этимологии и ограничении нормативно-стилистическом.

Комментарий еще раз подтверждает, что, по мнению Карамзина, заимствований желательно избегать в тех случаях, когда можно найти русский аналог. Однако отсюда видно и то, что при отсутствии аналога заимствования необходимы.

В спорах о языке начала XIX в. главным противником заимствований выступает Шишков. Но, как показывает дальнейшая полемика, сторонники Карамзина также не настаивают на употреблении любых заимствований вне зависимости от контекста и смысла. Они лишь доказывают пользу такой лексики в тех случаях, когда отсутствует русский эквивалент. Впрочем, по их мнению, подобных случаев очень много, так как развитие общества порождает новые явления, требующие и новых слов. Именно такую концепцию отстаивает П. И. Макаров в «Критике на книгу под названием “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”», опубликованной в журнале «Московский Меркурий» [Макаров 1803: 162–167]. Статья Макарова — один из первых и в то же время наиболее значительных откликов на сочинение Шишкова. Она выходит всего через два месяца после статьи Фонвизина с примечаниями Карамзина — в декабре 1803 г. Естественно предположить, что публикация Карамзина известна Макарову, и вполне возможно, что высказанные в комментариях к письму Фонвизина суждения служат для критика ориентиром.

Шишкову же эти идеи чужды по двум причинам. Во-первых, в силу своих убеждений он не склонен идеализировать развитие общества [Альтшуллер 2007: 28–43]. Во-вторых, в случае отсутствия необходимого слова он предпочитает заимствованиям неологизмы на основе русских морфем.

Более того, Шишков не оставляет в стороне вопроса о терминах, рекомендуя по возможности заменять русскими эквивалентами и их. В «Рассуждении...» он не только признает желательным предпочтение заимствованному исконно русского термина, если он уже существует,

но и советует конструировать термины. В этом он следует образцу своих учителей по Морскому кадетскому корпусу П. И. Суворова и В. В. Никитина (см.: [Руднев 2020]), ссылаясь на выполненный ими перевод «Начал» Евклида, где, например, «параллельные линии названы *минующими чертами*» и т. д. [Шишков 1813: 175].

Таким образом, в комментариях к словам *резон* и *эпакта* Карамзин занимает умеренную позицию по вопросу о заимствованиях. Он солидаризируется со своим противником в традиционном для русской литературы отрицании бездумного подражания французскому языку. Однако в то же время Карамзин настаивает на пользе заимствований в тех случаях, когда в русском языке нет подходящих слов для обозначения выражаемых ими понятий. Соглашаясь с тем, что в сфере терминологии при сосуществовании двух слов следует выбирать исконно русское, он отвергает крайний пуризм Шишкова, требующий отказа от уже закрепившегося в языке заимствования в пользу неологизма. Тем самым Карамзин задает направление, в котором концепцию будут в дальнейшем развивать его сторонники.

Близкой теме посвящен еще один комментарий, в котором речь идет уже не о языке-объекте, а о языке описания: обсуждается лексикологическая терминология, необходимая в словаре. Для обозначения *синонима* в «Начертании...» предлагается термин-калька *сослово* [Фонвизин 1959: 243]. Болтин, прочитав его несколько иначе — *сослов*, считает такой неологизм неуместным и рекомендует использовать термин *синоним* [Болтин 1869: 402]. Фонвизин в письме Козодавлеву защищает свое предложение; слова *синоним* он не рассматривает. В «Словаре Академии Российской» принят вариант мужского рода — *сослов* [САР¹, ч. 5: 544]; статья *синоним* отсутствует.

Карамзин замечает: «И *сослов*, и *сослово* равно неудачны и едва ли когда-нибудь войдут в употребление» [Фонвизин 1803: 176]. Слова *синоним* не приводит и он; о том, что Болтин уже предлагает этот вариант, Карамзин, вероятно, не знает. Замечания Болтина не опубликованы, и Карамзин, по-видимому, судит об их содержании по ответу Фонвизина. Однако скорее всего подразумевается, что в соответствующем значении должен выступать именно грецизм *синоним*. Карамзин, надо думать, считает это слово допустимым, поскольку сам употребляет его ранее, в 1795 году, в заметке, которую включают в издания его сочинений под редакторским названием «О богатстве языка».

Здесь снова поднимается вопрос, следует ли заимствовать иноязычные термины или создавать свои, из русских корней, прежде всего путем калькирования. Карамзин выступает против терминов-неологизмов на русской основе, предпочитая заимствования, более понятные благодаря иноязычной научной литературе. Тем самым он не соглашается с Шишковым.

Еще один комментарий Карамзина посвящен вопросу о диалектизмах. Согласно «Начертанию...», их включение в словарь не предполагается. Исключение делается лишь для тех «провинциальных слов», «кои силою и красотою могут служить к обогащению российского языка» [Фонвизин 1959: 241]. Болтин защищает диалектизмы. В качестве примеров потенциально полезных для языка диалектных слов он приводит существительные *луда* и *тундра*; Фонвизин вслед за ним обсуждает эти примеры. Слово *луда* встречается в литературе конца XVIII в. в значении «камень, высунувшийся из воды», которое дается в «Словаре Академии Российской» без указаний на локальную ограниченность употребления [САР¹, ч. 3: 1323]; нет таких указаний и в статье *тундра* [САР¹, ч. 6: 324–325].

Фонвизин пишет: «...буде *луда* и *тундра* очень хороши, найдут и оне место в нашем словаре» [Фонвизин 1803: 173–174]. Карамзин дает к этому фрагменту такое примечание: «Сибирское слово *тундра* должно быть в русском лексиконе, ибо никаким другим мы не означим обширных, низких, безлесных равнин, заросших мхом, о которых может говорить поэт, географ, путешественник, описывая Сибирь и берега Ледовитого моря; но в *луде*, кажется, нет большой нужды» [Там же]. Иными словами, с точки зрения Карамзина, первое слово нужно, так как не имеет литературного эквивалента, а второе избыточно, поскольку у него такой эквивалент есть. Принципиальная позиция Карамзина по вопросу диалектизмов оказывается, в сущности, такой же, как и по вопросу заимствований, — функциональной: они нужны литературному языку, если обозначают реалии, для которых в нем нет иного названия; если же в литературном языке уже есть слово с соответствующим значением, тогда в них нет необходимости.

Вопрос о диалектизмах не имеет прямого отношения к «Рассуждению...» Шишкова, поскольку там о них не говорится. Но в контексте других комментариев Карамзина этот можно прочитать как новое подтверждение того же общего принципа: расширение лексикона необходимо постольку, поскольку вводимые туда слова выражают понятия, для которых еще нет слов.

Концепция Карамзина исходит из существования понятий, для выражения которых языку требуются слова. Понятия порождает действительность; язык дает для них форму, но не является их источником. Поэтому они могут быть перенесены из одного языка в другой.

Концепция Шишкова организована на иных основаниях. Исходный пункт его рассуждений — не понятие, а слово. Оно берется как семантическое единство во всей совокупности своих значений. Семантическую структуру слова Шишков иллюстрирует с помощью концентрических кругов, где внутренний круг представляет это основное, прямое значение слова, а круги большего диаметра — значения переносные.

Понятые таким образом слова национально-специфичны. Перевод ведет к неизбежным потерям в силу того, что, если прямое и даже некоторые переносные значения слов совпадают, это совпадение не охватывает всего семантического спектра.

Можно сказать, что концепции Карамзина и Шишкова реализуют противоположные семантические модели. Концепция Карамзина ономаσιологическая: набор значений полагается независимым от их выражения в слове, хотя и меняющимся по мере развития общества, и благодаря этому, по крайней мере в идеале, универсальным. Концепция Шишкова семасиологическая: слова каждого языка даны, а вместе с ними даны и присущие каждому из них конфигурации значений. Они сформированы в ходе истории языка; поскольку у каждого языка эта история своя, национально-своеобразно и определенное ею современное состояние.

В комментариях к письму Фонвизина Карамзин едва намечает свою концепцию. Однако уже в упоминавшейся выше рецензии П. И. Макарова она излагается более подробно: «Нет *вещи*, нет и *слова*; нет *понятия*, нет и *выражения* <...> Язык следует всегда за науками, за художествами, за просвещением, за нравами, за обычаями» [Макаров 1803: 162–163]. Можно сказать, что Макаров реализует программу, краткий очерк которой уже дан Карамзиным.

Заслуживает внимания и еще один комментарий Карамзина. В «Начертании...» для «Словаря Академии Российской» предложен «этимологический» порядок расположения материала (сегодня этот принцип называется алфавитно-гнездовым). Болтин выступает за алфавитный порядок [Болтин 1869: 399]. Фонвизин защищает первоначальный принцип. Карамзин же критикует «этимологическое» расположение: «...все ли догадаются, что надобно искать, например, *облака* в литере В?» [Фонвизин 1803: 178] (в «Словаре Академии Российской» это слово дается в составе статьи *ВЛЕКУ* [САР¹, ч. 1: 775]).

В контексте полемики о языке читатель может вспомнить, что для Шишкова вопросы этимологии исключительно важны. Ведь Шишков считает, что происхождение слов, обусловленные им отношения словообразовательной мотивированности и направляемые этими отношениями семантические связи определяют национальное своеобразие языка. Комментарий же Карамзина можно прочесть как намек на то, что если, как в разбираемом примере, этимология слов непрозрачна, то и их словообразовательные и смысловые связи неясны и вследствие этого несущественны, а значит, Шишков неправ, придавая всему этому большое значение.

Как видно из сказанного, в примечаниях Карамзина нет прямых отсылок к книге Шишкова. Однако это не мешает видеть в них ответ автору «Рассуждения...», пусть и завуалированный. Причина — в характерном для

рубежа XVIII–XIX вв. стиле полемики. В это время принято из уважения к оппоненту вести дискуссию не только не упоминая его имени, но часто даже не цитируя его сочинений, с которыми идет спор. Тем более такая установка должна быть важна для Карамзина: репутация автора, воздерживающегося от полемики в принципе, закрепляется за ним не случайно.

При подготовке нового издания «Словаря Академии Российской» замечания Карамзина, судя по всему, не учитываются. Во всяком случае в подаче тех слов, о которых он рассуждает, изменений, за редким исключением, нет. Как и в первом издании, во втором есть *епакта* [САР², ч. 2: 367] и *архитрав* [САР², ч. 1: 59], но нет *абerrации* и *перигея*. Слово *уклонение* есть [САР², ч. 6: 631], но, как и в предыдущем издании [САР¹, ч. 3: 633], не в качестве астрономического термина. По-прежнему есть *сослов* [САР², ч. 6: 395] и нет *синонима*. Слова *луда* ‘мель’ [САР², ч. 3: 615] и *тундра* [САР², ч. 6: 809], как и прежде, даются без помет. Структура словаря на этот раз не алфавитно-гнездовая, а алфавитная, как и рекомендует Карамзин, но решение перейти к такому порядку принято еще до того, как он высказывает это предложение, — в 1801 г., в начале работы над вторым изданием словаря [Сухомлинов 1887: 181–182].

Однако незамеченной предпринятая Карамзиным публикация письма Фонвизина, по-видимому, не проходит. Косвенным свидетельством знакомства с ней служит фрагмент одной из самых известных работ, написанных в ходе полемики о языке, — статьи В. К. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», опубликованной в 1824 г. Критикуя с архаистических позиций насыщенный заимствованиями «новый слог», Кюхельбекер пишет, что его сторонники «изгоняют» из русского языка «все речения и обороты славянские и обогащают его *архитравами*, *колоннами*, *баронами*, *траурами*, германизмами, галлицизмами и барбаризмами» [Кюхельбекер 1824: 38]. Почему среди примеров упоминаются *архитравы*? Можно предположить, что Кюхельбекеру знакомо письмо Фонвизина, где среди немногих примеров терминологической лексики обсуждается именно это слово. Карамзин же в примечании связывает его с проблемой заимствований. Едва ли Кюхельбекер сознательно напоминает читателю о публикации более чем двадцатилетней давности; но если память, словно случайно, подсказывает ему такой пример, то тем больше оснований полагать, что письмо в какой-то момент обращает на себя внимание будущего автора статьи.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. Публикация в «Вестнике Европы» в 1803 г. письма Фонвизину обусловлена контекстом начинающейся полемики о языке. Карамзин использует этот материал как повод сформулировать свою позицию, отвечая Шишкову на высказанные

в «Рассуждении...» замечания. Карамзин занимает умеренную позицию, солидаризируясь с Шишковым в отказе от избыточных заимствований, имеющих уже известный русский эквивалент. Однако, в отличие от Шишкова, он считает заимствования полезными, если они выражают еще отсутствующие в русском языке понятия. В целом из комментариев Карамзина видно, что его концепция языка строится на иных основаниях, нежели теория Шишкова. Исходной данностью для Карамзина являются понятия, тогда как для Шишкова — слова. Это, в свою очередь, отражает установку Карамзина на диалог культур, возможный благодаря универсальному характеру понятий, допускающих заимствование, отличную от установки Шишкова на самобытность народа, которая находит выражение в лексиконе, структурированном исторически сложившимися словообразовательными и семантическими связями. Выказанные в комментариях к письму Фонвизина суждения Карамзина выступают как программа, которую в дальнейшем в ходе полемики реализует Макаров в отзыве о книге Шишкова.

Источники

Болтин И. Н. Примечания Болтина на начертание для составления славено-российского толкового словаря // Державин Г. Р. Соч. / С объясн. примеч. Я. К. Грота: В 9 т. Т. 5. СПб.: Тип. Акад. наук, 1869. С. 396–404.

Евгений (Болховитинов). Продолжение нового опыта исторического словаря о российских писателях // Друг просвещения. 1805. Ч. 3. № 9. С. 231–256.

Ефремов П. А. Библиографические заметки // Фонвизин Д. И. Соч., письма и избранные переводы. СПб.: Изд. И. И. Глазунова, 1866. С. 662–691.

Кюхельбекер В. К. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // Мнемозина. Ч. II. М.: Тип. Московского театра, 1824. С. 29–44.

Макаров П. И. Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге российского языка // Московский Меркурий. 1803. Ч. IV. № 12. С. 155–198.

САР¹ — Словарь Академии Российской. Ч. 1. СПб.: При Акад. наук, 1789. XVIII с., 1140 стб., [48] с.; Ч. 2. 1790. XIII [1] с., 1200 стб., [52] с.; Ч. 3. 1792. [6] с., 1388 стб., [64] с.; Ч. 5. 1794. [2] с., 1084 стб., [58], 3 с.; Ч. 6. 1794. [6] с., 1064, [4] стб.

САР 2001–2006 — Словарь Академии Российской, 1789–1794: В 6 т. / [Гл. ред. Г. А. Богатова]. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

САР² — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1. СПб.: При Акад. наук, 1806. [5] с., 1310 стб.; Ч. 2. 1809. [1] с.,

1178 стб.; Ч. 3. 1814. [1] с., 1444 стб.; Ч. 6. СПб.: При Российской Академии, 1822. [2] с., 1478 стб.

Сухомлинов М. И. История Российской академии. Вып. 7. СПб.: Тип. Акад. наук, 1885. VI, 648 с.; Вып. 8. 1887. IV, 493 с.

Фонвизин Д. И. Письмо Дениса Ивановича Фонвизина к приятелю о плане русского словаря // Вестник Европы. 1803. Ч. XI. № 19. С. 163–178.

Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. Г. П. Макогоненко. Т. 1. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. XLVIII, 631 с.

Шишков А. С. Рассуждение о старом и новом слоге русского языка. СПб.: Медицинская тип., 1813. [6], 436 с.

Литература

Альтшуллер М. Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: НЛО, 2007. 444 с.

Биржакова Е. Э. Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1981. С. 96–129.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.; Л.: Academia, 1935. 454, [3] с.

Вомперский В. П. Российская академия (1783–1841) // Русская речь. 1992. № 3. С. 3–11.

Кочеткова Н. Д. Фонвизин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1984. 238 с.

Макогоненко Г. П. Новые материалы о Д. И. Фонвизине и неизвестные его сочинения // Русская литература. 1958. № 3. С. 135–147.

Макогоненко Г. П. Комментарии // Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. С. 609–623.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.08.2024).

Руднев Д. В. Предшественники А. С. Шишкова в Морском кадетском корпусе // Словесность и история. 2020. № 3. С. 63–77.

References

Altshuller M. G. *Beseda lyubitelei russkogo slova: u istokov russkogo slavyanofil'stva* [Colloquy of lovers of the Russian word: at the origins of Russian slavophilism]. 2nd ed., enlarged. Moscow, NLO Publ., 2007. 444 p.

Birzhakova E. E. [Fops and fop jargon in Russian 18th-century comedy]. *Yazyk russkikh pisatelei XVIII veka* [Language of Russian 18th-century writers]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, pp. 96–129. (In Russ.)

- Kochetkova N. D. *Fonvizin v Peterburge* [Fonvizin in Petersburg]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 238 p.
- Makogonenko G. P. [New materials on D. I. Fonvizin and his unknown works]. *Russkaya literatura*, 1958, no. 3, pp. 135–147. (In Russ.)
- Makogonenko G. P. [Commentaries]. *Fonvizin D. I. Sobranie sochinenii* [Fonvizin D. I. Collected works], in 2 vols., vol. 1. Moscow; Leningrad, State Publishing House of Fiction, 1959, pp. 609–623. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 16.08.2024).
- Rudnev D. V. [A. S. Shishkov's forerunners at the Naval Cadet Corps]. *Slovesnost' i istoriya*, 2020, no. 3, pp. 63–77. (In Russ.)
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [A history of words]. Moscow, Tolk Publ., 1994. 1138 p.
- Vinogradov V. V. *Yazyk Pushkina* [Pushkin's language]. Moscow; Leningrad, Academia Publ., 1935. 454, [3] p.
- Vomperskii V. P. [The Russian Academy (1783–1841)]. *Russkaya rech'*, 1992, no. 3, pp. 3–11. (In Russ.)

Фамильные «паспорта» комедии Н. В. Гоголя «Женитьба»

Игорь Алексеевич Виноградов, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Россия, Москва), iwinigradow@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050054

АННОТАЦИЯ: Исследуется значение фамилий в комедии Гоголя «Женитьба».

Происхождение имен женихов Жевакина и Онучкина связывается с народной поговоркой «Жевать онучку». В связи с фамилией Яичницы обсуждается эпизод пьесы, где невеста предупреждает жениха словами: «Не прогневайтесь... За столом будет только щи... да дrochenое». «Дrochenое» (драчена) — ближайший синоним «яичницы». Согласно записи Гоголя, касающейся характеристики «дородного» Яичницы, «дрочень, жирное и толстое дитя; дровичь, баловать». Предлагается объяснение заключенной в пьесе ситуационной синонимии. «Дорожные» фамилии еще двух героев пьесы — Подколесина и Кочкарева — связываются с духовными устремлениями Гоголя показать «пути и дороги... для всякого» к «высокому и прекрасному» в «темном и запутанном настоящем». Анализ языковых средств позволил выявить индивидуальные особенности поэтики Гоголя как писателя-сатирика, обличителя человеческой «пошлости». Пристальное внимание обращается на то, что в создании образа обличаемого героя важную роль играет у Гоголя экспрессивная лексика. Пронимающее острое слово, разнообразные «бранные» и уничижительные выражения, народное прозвище, характерная близкая к «эпиграмме» фамилия составляют арсенал художника не только для создания комического эффекта. В еще большей степени негативно окрашенные оценочные средства служат задаче воспитания современников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Н. В. Гоголь, поэтика, ономастика, сатира, поговорки, пословицы, экспрессивная лексика, обличительные выражения

для цитирования: Виноградов И. А. Фамильные «паспорта» комедии Н.В.Гоголя «Женитьба» // Русская речь. 2024. № 5. С. 61–71. DOI: 10.31857/S0131611724050054.

The Language of Fiction

Family “Passports” of N. V. Gogol's Comedy “Marriage”

Igor' A. Vinogradov, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow), iwiniogradov@mail.ru

ABSTRACT: The article explores the meaning of the surnames in Gogol's comedy “Marriage”. The origin of the names of the grooms Zhevakin (*zhevat'* — chew) and Onuchkin is associated with the folk saying “Chew onuchka.” Regarding the surname Yaichnitsa (*yaichnitsa* — fried eggs), an episode of the play is drawn in, where the bride warns the groom with the words: “I hope you won't be angry... At the table there will only be cabbage soup... and drochenoye.” *Drochenoye* or *drachena* is a dish very similar to “fried eggs”. According to Gogol's entry regarding the characterization of the “portly” Yaichnitsa, he can be described as “a spoilt, fat child”.

In addition, an article proposes an explanation of the situational synonymy contained in the play. The “road” surnames of two more characters in the play — Podkolesin (*pod* — under, *koleso* — wheel) and Kochkarev (*kochka* — hummock) — are associated with Gogol's spiritual aspirations to show “paths and roads... for everyone” to the “lofty and beautiful” in the “dark and confused present”. The analysis of linguistic means allowed to reveal the individual features of Gogol's poetics as a satirical writer and a denouncer of human “vulgarity”. The article pays close attention to the fact that expressive vocabulary plays an important role in creating the image of the exposed hero. A penetrating sharp word, various “abusive” and derogatory expressions, a popular nickname, a characteristic surname close to an “epigram” make up the artist's arsenal not only for creating a comic effect. To an even greater extent, negatively colored evaluative means serve to educate contemporaries.

KEYWORDS: Nikolai Gogol, poetics, onomastics, satire, sayings, proverbs, expressive vocabulary, accusatory expressions

FOR CITATION: Vinogradov I. A. Family "Passports" of N. V. Gogol's Comedy "Marriage". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 61–71. DOI: 10.31857/S0131611724050054.

История создания «Женитьбы», начатой в 1833 г., восходит к тому времени, когда Гоголь только вступал на поприще сатирика. В представлении о пронизывающей силе смеха, который «молотами» бьет «по сердцу, по жилам» закоренелого грешника [Гоголь 2009а: 242], писатель уже тогда черпал уверенность в возможности пронять нелицеприятной сатирой своих равнодушных к христианской проповеди современников (см. подробнее [Виноградов 2020]).

В обличительном содержании «Женитьбы» внимание к себе привлекает значительное количество «крепких», «оскорбительных» слов, употребляемых персонажами, а также множество метких пословиц и поговорок [Виноградов 2024: 79–82]. Сват Кочкарев называет неподъемного увальня-жениха Подколесина «мерзавцем», «подлой рожей», «глупой животинной», «свиньей», «подлецом», «дураком», «тряпкой», «деревянной башкой», «бревном», «олухом», «байбаком» (т. е. сонным сурком) и пр. [Гоголь 2009б: 320–323, 356–358]; речь свахи пестрит попрекающими острым словом пословицами [Гоголь 2009б: 316, 329, 333, 347; 1949: 329].

«Бранные» слова и уничижительные выражения мотивированы самим замыслом пьесы. Позднее, в одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847), адресованной «русскому помещику», Гоголь писал: «Мужика не бей. Но умей пронять его хорошенько словом. Ругни его при всем народе. Выкопай слово похуже, назови всем, чем только не хочет быть русский человек» [Гоголь 2009г: 112]. О недостойном представителе дворянства Гоголь, в свою очередь, замечал, что за проступки, порочащие сословие, «его же собратья дворяне» выпустят на него «тут же эпиграмму» [Гоголь 2009г: 147].

Прозвища «гусак», «тюлень», «протухлый кочан», «фетюк», «юбка» [Гоголь 2009а: 463; 2009в: 75, 186, 202; 1949: 258], которыми герои «Женитьбы» и других произведений Гоголя награждают друг друга, нанося собеседникам «смертельные обиды» [Гоголь 2009а: 473], грубые прозвища, которыми «бьет», ругая Подколесина, Кочкарев, прямо относятся

к тем словам «похуже», какие Гоголь считал нужным применить при обличении недостойного.

Соответствующий характер носят и фамилии героев «Женитьбы». Всех без исключения претендентов на руку Агафьи Тихоновны объединяет общая «пошлость»: это единое «лицо» героев «Женитьбы», проявление общего замысла пьесы, изображающей матримониальные отношения «мертвых душ». Вдохновенное рассуждение о женщине «божественного» Платона (в ранней статье Гоголя «Женщина» 1831 г.), о женщине как «кротком существе, в котором боги захотели отразить красоту, подарить миру благо и в нем показать свое присутствие на земле» [Гоголь 2009д: 64], всем героям одинаково чуждо. В такой среде христианский брак теряет свое значение, оказывается лишь выгодным в том или ином отношении «сожителем». Реплику о подобном понимании брака — общем для всех героев пьесы — Гоголь оставил в черновой редакции «Женитьбы» (вероятно, исключив фрагмент из окончательного текста по цензурным соображениям): «Коли то-есть женатый человек, уж совсем другой пример. Вечером уж не таскаешься по Невскому или по Мещанской, потому что знаешь, что в доме то-есть сожительница есть» [Гоголь 1949: 326–327].

К пониманию брака как «сожителства», т. е. к теме «Невского проспекта», в «Женитьбе» прямое отношение имеют сластолюбивые реплики женихов Жевакина и Онучкина (см.: [Гоголь 2009б: 331, 338]). Кроме того, с «соблазнительным», фривольным контекстом связаны «физиологические» выразительные черты (подчеркнутая «дородность») еще одного жениха, Яичницы. Подсказка на этот счет заключена в имени героя. Ближайшим синонимом «яичницы» является слово «драчена»¹. Именно слово «драчена» (или «дрочена») употребляет в «Женитьбе» невеста, обращаясь к гостям — непосредственно к Яичнице: «Не прогневайте, почтенные гости. За столом будет только щи да дроченое. Право мне уж и совестно» [Гоголь 2009д: 144]. Оговорка невесты «мне уж и совестно», подразумевающая «соблазнительные» смыслы, в какие попадает прозвище жениха, в этом случае в объяснениях тоже не нуждается. О перспективах Купердягиной (дочери купца-скупердя) стать Яичницей сваха замечает: «На Руси есть такие содомные прозвища, что только плюнешь и перекрестишься» [Гоголь 1949: 293].

За фамилией Яичницы, более всех женихов озабоченного «жениным приданым» [Гоголь 2009б: 429], встает целый ряд ассоциаций, позволяющих обозначить сам характер гоголевского именованного героя. В своем

¹ Это слово означает блюдо из взбитых яиц. «Драчена, сбитая яичница» [Даль 1881: 482]. Позднее, в записной книжке 1846–1850 гг., Гоголь заметил: «В Москве на каждом дворе у хозяина и хозяйки в Семик на столе яичница и дрочена» (заметка «Земледельческие праздники» [Гоголь 2009е: 688]).

итоговом «объяснительном словаре» русского языка Гоголь записал: «Др́очень, жирное и толстое дитя; дрочить, баловать» [Гоголь 2009е: 461]. Это определение приводит на память еще одного гоголевского героя — «баловня» — «мазунчика» Андрия в «Тарасе Бульбе». «Э, да ты мазунчик, как я вижу!» — обращается к нему отец [Гоголь 2009а: 304]. «Мазунчик» (от укр. «мазать» — «баловать, ласкать» [Гринченко (ред.) 1908: 396]) — маменькин сынок². Очевидно, что «мазунчик» — баловень и любимчик матери Андрий — это, согласно Далю (и Гоголю), «дроченое дитяtko, баловень» [Даль 1880: 509]. Иными словами, Андрий — это «повзрослевший», «дородный» Яичница. «Достоинства» последнего сваха Фекла подчеркивает очередной поговоркой: «Был бы дороден, к делу способен» [Гоголь 1949: 326].

Именованье жениха Яичницей, упоминание невесты о соответствующем блюде с «нескромным» названием представляют собой знаковую языковую подсказку Гоголя о том, что «плотское» начало берет верх в обремененной земными интересами женитьбе. Уместно напомнить при этом и об аскетическом образе жизни самого Гоголя. Один из его школьных приятелей, В. И. Любич-Романович, вспоминал, что религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста» [Виноградов 2017: 491]. По словам соученика, в этой особенности лежит ключ к пониманию всех произведений писателя, в том числе «Женитьбы»: «Сатира Н<иколая> В<асильевича> вся проникнута духом отрицания земного бытия. А “Женитьба”? Разве это не то же отрицание земного? Он думал, что его поймут. Но его не поняли» [Виноградов 2017: 491].

В «пошлом» тождестве между собой героев «Женитьбы» особенно похожи друг на друга два жениха — Жевакин и Онучкин (в окончательной редакции — Анучкин). Характеры этих героев создавались Гоголем по единому принципу комического дублирования. Разница между ними состоит лишь в том, что один — морской офицер, другой — пехотный. В остальном герои совершенно одинаковы: можно сказать, что Онучкин является «пехотной копией» Жевакина. Обобщая все черты разительного сходства героев (обязанного своим происхождением особому авторскому замыслу), можно сказать, что Жевакин и Онучкин — это Добчинский и Бобчинский «Ревизора», аналоги этих героев-двойников в «Женитьбе».

Отношение обоих героев к женщине с очевидностью сводится к предвкушению «лакомого кусочка» [Гоголь 2009б: 331, 338]. Одинаково характеризуются Жевакин и Онучкин и с внешней стороны: один «худощав»

² Ср.: «Мазаний — Избалованный, изнеженный»; «Мазун — Баловень, любимец. Ум<еньшительное>. Мазунец, мазунчик» [Гринченко (ред.) 1908: 396–397].

[Гоголь 2009б: 341], другой — похож на «кисет, из которого вытрясли табак» [Гоголь 2009б: 349]. У одного «ножки узенькие, тоненькие» [Гоголь 2009б: 326], у другого — «нога петушья» [Гоголь 2009б: 350]. Оба одинаково находятся в отставке; одинаково подвержены иноземному влиянию (проявляя при этом «равную» языковую ограниченность — обнаруживая одинаковое незнание языков, которыми восхищаются: один — французским, другой — итальянским).

Неудивительно, что и само происхождение фамильных прозвищ одинаковых героев, по-видимому, тоже было общим. Вероятно, имена Жевакина и Онучкина были произведены Гоголем от *одной* народной поговорки, которую он услышал в 1832 г. во время недолгого пребывания в Курске. Народное выражение «жевать онучку», «объединяющее» собой фамилии героев, отмечено в 23-м выпуске «Словаря русских народных говоров»: «Онучку жевать. а) Болтать, городить чепуху. Курск<ое>, 1900–1902. б) Видеть странный, нелепый сон. Курск<ое>, 1900–1902» [Филин (гл. ред.) 1987: 228]³.

В Курске Гоголь побывал проездом, по-видимому, дважды. Несколько дней он провел здесь с 5 по 10 октября 1832 г., по пути из Малороссии в Петербург. В Курске он, возможно, останавливался и позднее — в августе 1835 г., следуя из Киева в Москву [Виноградов 2017: 424]. Фамилии Жевакина и Онучкина имеются в самом раннем из сохранившихся автографов пьесы, относящемся, согласно уточненной датировке, к маю-июню 1835 г. [Гоголь 1949: 246–247].

Ближайшим значением комического именованья Гоголем героев Жевакиным и Онучкиным является именно нелепость и пошлость. Курская поговорка заключает в себе концепты «чепуха», «ерунда», «вздор», «пустяки», «нелепица». Эти смыслы вполне отвечают сути пустых и «вздорных» героев, являются для них значимыми.

Употребление слова «онучи» само по себе всегда носило у Гоголя характер сниженный (см.: [Гоголь 2009а: 336, 375; 2009е: 522; 2009з: 225]; см. также: [Симонов 1864: 69]). И, подобно тому, как «онучи» ассоциировались у Гоголя с чем-то низменным и «пошлым», прозвище Жевакин имело для него эмоционально заостренный негативный оттенок. И без того невысокому смыслу этого слова (связанного с употреблением пищи) Гоголь придавал особое уничижительное экспрессивно-оценочное значение. Так, с резким «девальвирующим» нажимом Гоголь употребил слово «жеваки» в 1849 г. в письме к В. А. Жуковскому, характеризуя удручающие

³ Отмечена также похожая поговорка, бытующая в Костромском крае: «Сиди дома да жуй онучи. Не суйся не в свое дело; не лезь со свиным рылом в калашный ряд. Вохом<ский район> Костр<омской области>, 1976» [Филин (гл. ред.) 1987: 227].

настроения московской публики: «Одни в полном невежестве дожевывают европейские уже выплюнутые *жеваки* (так в источнике; курсив мой. — И. В.). Другие изблевают свое собственное несваренье» [Гоголь 2009ж: 286]. По воспоминаниям Г. П. Данилевского, спустя три года, осенью 1851 г., Гоголь прибегнул к тем же выражениям и при характеристике проживавших в Москве украинских сепаратистов: «Они все еще дожевывают европейские, давно выкинутые *жеваки* (так в источнике; курсив мой. — И. В.). Русский и малоросс — это души близнецов, пополняющие одна другую...» [Виноградов 2018: 167]. О московских знакомых Гоголя, «дожевывающих» европейские «выкинутые» «жеваки», — сторонниках мнений «чужестранных газет» [Гоголь 2009г: 146], — вполне можно было бы сказать, что они «жуют онучку».

Одинаково сниженные смысловые коннотации слов «онучи» и «жеваки», вместе с предполагаемым происхождением соответствующих фамилий героев «Женитьбы» от одной пословицы «Жевать онучку», тесно сближают фамилии и самые типы гоголевских персонажей — исполненных заграничных пристрастий женихов Жевакина и Онучкина.

Сравнивая многочисленных «пошлых» героев своей сатирической галереи с откровенными «плутами» и «мошенниками», Гоголь устами героя «Женитьбы», «свата» Кочкарева, подчеркивал не менее вопиющее и пагубное, и даже «худшее» в целой массе общества явление — «дремлющего непробудно» Подколесина: «Ведь бывают плуты, мошенники и подлецы, но ведь этакого просто еще никогда не бывало»; «Бывают противные рожи, но не сочинишь хуже этой рожи» [Гоголь 1949: 315].

Призыв Гоголя к пробуждению «мертвых душ» становится еще более слышим во втором томе «Мертвых душ». Здесь писатель не раз отмечает, что «русский человек как-то не может без понукателя»: «Так и задремлет, так и заплеснет, сделается и пьяницей и негодяем» [Гоголь 2009в: 320]. Как уже указывалось, Кочкарев сравнивает Подколесина с «байбаком» (т. е. спящим сурком): «Ты вот лежишь, как байбак, весь день на боку» [Гоголь 2009б: 320]. Во втором томе «Мертвых душ» по поводу такого же «байбака» Тентетникова Гоголь писал: «Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена — увальни, лежебоки, байбаки» [Гоголь 2009в: 246]. Здесь же Гоголь вопрошал: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед?* Веки проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить это всемогущее слово» [Гоголь 2009в: 258].

В одном ряду с «байбачеством» Подколесина (и его «двойника» Тентетникова) стоят у Гоголя отступление от своего призвания «мазунчика» Андрия Бульбы, запущенные хозяйство и дом семейной четы Маниловых

и все другие многочисленные пороки изображенных им «мертвых душ». Исключения из «полумиллионного» собрания «мертвых душ» не составляет и неугомонный сват Кочкарев, сыплющий народными пословицами и «обидными» прозвищами. Одаренный словом, он легко убеждает и переубеждает своих собеседников — и Подколесина, и невесту, и других героев. Среди других персонажей он играет роль едва ли не ведущую, разговаривает с Подколесиным, «как отец с сыном» [Гоголь 2009б: 321]. Все это подразумевает его особое место в замысле комедии. Судя по влиянию Кочкарева на Подколесина, настоящее призвание героя заключается в том, чтобы будить человека к новой жизни, быть тем, кто скажет «нам всемогущее слово: *вперед*». На деле, однако, своего назначения в жизни Кочкарев не исполняет. Способность служить для других вдохновляющим началом присуща ему лишь потенциально. Как и в жизни других «мертвых душ», его жизненное призвание тоже «пошло» извращено. Вместо того чтобы возбуждать «бодренность и освеженье всех вокруг себя» (как писал Гоголь в духовном завещании [Гоголь 2009г: 10]), он хлопочет о женитьбе приятеля, сам недоумевая о мотивах своей кипучей деятельности: «Из чего я бьюсь, кричу, инда горло пересохло. Ведь вот точно как будто меня часа три сряду на корде гоняли. Ну с какой стати, желал бы я знать, я хлопочу так?» [Гоголь 1949: 315].

Слова, относящиеся во втором томе «Мертвых душ» к «сонному» Тентетникову, — призыв к его пробуждению — в полной мере актуальны для всех героев «Женитьбы»: и для «тряпки, а не чиновника» Подколесина, и для побуждающего его к перемене жизни приятеля Кочкарева. «Браво! хорошо! Я всегда ожидал от тебя много в будущем, — говорит Кочкарев Подколесину. — Ты, брат, помни, только кураж, кураж — и больше ничего» [Гоголь 2009б: 361; 1949: 297]. Обращает внимание Гоголь и на любовь Кочкарева к быстрой езде — составляющей, согласно хрестоматийным строкам «Мертвых душ», одну из отличительных черт русского народа. «А мои гнедые птицы, — замечает Кочкарев (знающий о выезде лошадей «на корде»), — хоть кого обгонят». Характерны и бытовая ремарка, впервые выводящая этого героя на сцену: «Кочкарев, *вбегая*»; и его слова, обращенные к Подколесину: «*Поскорее*, как ты копаешься» [Гоголь 1949: 318; 2009б: 318, 322; курсив мой. — И. В.].

Однако в полной мере на роль побудителя и наставника общества Кочкарев определенно не годится. Сам он признается, что в своем образовании остановился на начальных классах уездного училища: «Ведь и учился на медные деньги. Только катихизис (так в источнике. — И. В.) да первую часть арифметики, да еще учили тогда книгу о должностях человека и гражданина, а в риторику и не заглядывал» [Гоголь 1949: 331]. В этом отношении недоучившийся герой претендовать на роль настоящего

наставника, естественно, не может. Этот будящий Подколесина от «мертвого» сна герой по своему образовательному и духовному уровню, по направленности своих призывов, становится для героя отнюдь не побудителем, а напротив, препятствием, «кочкой» на его пути, препятствующим движению «кочкарником». (В карманной книжке Гоголь, в частности, пометил: «*Кочкарник* — место, покрытое кочками» [Гоголь 2009е: 616].)

Проясняется в этой связи и не сразу осознаваемый зрителем и читателем *согласный* — одинаковый для обоих главных героев «Женитьбы», Подколесина и Кочкарева, «дорожный» смысл их фамильных прозвищ. Фамилия Подколесин находится в очевидной связи с словом «подколесица» («колесная колея»); «подколесный» («под колесом или колесами находящийся») [Даль 1882: 182]. Фамилия Кочкарев ассоциируется с непроходимым местом, болотом, «кочкарником» или дорожными ухабами и буграми, мешающими при езде. Кочка может быть не только болотной, но и дорожной. В словаре В. И. Даля отмечено: «Кочка — затвердевшая кучка земли»; «Сгладить кочки. Угладить дорогу»; «Телега грукает <гремит> по кочкам»; «Заравнивать; делать поверхность ровною; сыпать бугры, кочки, засыпая ямы» [Даль 1880: 183, 362, 411, 646].

По-видимому, тип Кочкарева как «понукателя» и «преобразователя» общества, не отвечающего своему призванию — насущной задаче «уравнивания» душевных «дорог», Гоголь прямо подразумевал в статье «Занимающему важное место», когда писал: «Устроить дороги, мосты и всякие сообщения есть дело истинно нужное; но угладить многие внутренние дороги, которые до сих пор задерживают русского человека в стремление к полному развитию сил его есть дело еще нужнейшее» [Гоголь 2009г: 139].

Выбор «дорожных» прозвищ героев «Женитьбы» был мотивирован размышлениями Гоголя о пробуждении русского человека, высказанными во втором томе «Мертвых душ» при характеристике «байбака» Тентетникова. (К работе над вторым томом поэмы Гоголь приступил еще в 1839 г. [Виноградов 2017: 130], т. е. задолго до окончания «Женитьбы» в 1842 г.) Сатира Гоголя была связана с его давними размышлениями о движении России «вперед», со стремлением показать «пути и дороги для всякого» к «высокому и прекрасному» «в этом темном и запутанном настоящем». Выбор Гоголем имен для героев «Женитьбы» — Подколесина, Кочкарева, Яичницы, Жевакина, Онучкина — обнаруживает связь с главным «делом жизни» писателя. Рассчитанные на комический эффект, основанные на народно-поэтической стихии, прозвища героев «Женитьбы», как и имена героев «Мертвых душ», представляют собой значимую художественную классификацию, образный писательский «рубрикатор» негативных явлений, с знаковыми «паспортами» героев «на вечную носку» [Гоголь 2009г: 87, 108; 2009в: 106, 258].

Источники

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. В 14 т. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский. Л.: АН СССР, 1949. 511 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Т. 1/2. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009а. 664 с.; Т. 3/4. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009б. 688 с.; Т. 5. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009в. 680 с.; Т. 6. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009г. 744 с.; Т. 7. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009д. 816 с.; Т. 9. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009е. 968 с.; Т. 15. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009ж. 624 с.

Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий / Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009з. 696 с.

Гринченко Б. Д. (ред.). Словарь української мови. В 4 т. / Зібрала редакція журналу «Кієвська Старина». Упорядковав, з додатком власного матеріалу Борис Грінченко. Київ: Друкарня Акційного товариства Н. Т. Корчак-Новицького. Т. 1. 1907. 494 с.; Т. 2. 1908. 573 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 2-е изд., испр. и значительно доп. по рукописи автора. Т. 1. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1880. 722 с.; Т. 2. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. 807 с.; Т. 3. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 576 с.

Симонов М. Т. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. В. Марковича та інших. Спорудив М. Номис. СПб.: В друкарнях Тиблена і комп. и Куліша, 1864. 304 с.

Литература

Виноградов И. А. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание: в 7 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 672 с.; Т. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 640 с.

Виноградов И. А. Психологизм Н. В. Гоголя // Два века русской классики. Т. 2. № 4. 2020. С. 6–73.

Виноградов И. А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия. К проблеме жанра // Два века русской классики. 2024. Т. 6. № 1. С. 74–101.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 23. Одале-Осеть. Л.: Наука, 1987. 376 с.

References

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Iss. 23. Odale-Oset'. Leningrad, Nauka Publ, 1987. 376 p.
- Vinogradov I. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva N. V. Gogolya (1809–1852). Nauchnoe izdanie: v 7 t.* [Chronicle of life and work of N. V. Gogol (1809–1852). Scientific publication: in 7 vols]. Vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 672 p.; vol. 7. Moscow, IWL RAS Publ., 2018, 640 p.
- Vinogradov I. A. [Psychologism of N. V. Gogol]. *Two centuries of Russian classics = Dva veka russkoi klassiki*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 6–73. (In Russ.)
- Vinogradov I. A. [Gogol's "The Government Inspector" as a Comedy-Tragedy. On the Problem of Genre]. *Two centuries of Russian classics = Dva veka russkoi klassiki*, 2024, vol. 6, no. 1, pp. 74–101. (In Russ.)

Локализация и длительность пауз в 4-стопном ямбе А. С. Пушкина

Анастасия Владимировна Круглова¹, Ольга Сергеевна Смирнова²,
Институт бизнеса и делового администрирования РАНХиГС¹, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова² (Россия, Москва), nastel.kruglof@gmail.com¹, kisaolga@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724050069

АННОТАЦИЯ: Данная статья является продолжением исследования, посвященного роли пауз в просодическом членении русского четырехстопного ямба. Новые данные о локализации и длительности пауз в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина, озвученном тремя дикторами, подтверждают обнаруженные ранее в стиховедении закономерности организации стихотворной строки на просодическом уровне. Разные по длительности паузы, оказываясь с разной частотой на том или ином словоразделе, подчеркивают заложенную в структуре строки глубину членения. Метод многомерной классификации выявил 5 групп длительности пауз — от сверхкратких до сверхдлинных. Обнаружено, что внутри строки преобладают сверхкраткие и краткие паузы, при этом более продолжительные паузы тяготеют к середине строки, в меньшей степени — к началу. Отсутствие или короткие паузы вблизи конца строки подчеркивают более продолжительную межстиховую паузу. Индивидуальные стратегии паузации проявляются в соблюдении или пропуске межстрочных пауз и их длительности, дробности членения строки на синтагмы, в частоте использования пауз той или иной группы длительности. Высокое значение коэффициентов корреляции свидетельствует о согласованном использовании пауз тремя дикторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: паузы, просодическое членение, стих, 4-стопный ямб, А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»

для цитирования: Круглова А. В., Смирнова О. С. Локализация и длительность пауз в 4-стопном ямбе А. С. Пушкина // Русская речь. 2024. № 5. С. 72–83. DOI: 10.31857/S0131611724050069.

БЛАГОДАРНОСТИ: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-01812.

The Language of Fiction

Localization and Pauses Duration in Russian Iambic Tetrameter in the Poetry of A. S. Pushkin

Anastasia V. Kruglova¹, Olga S. Smirnova², Institute of Business Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration¹, Lomonosov Moscow State University² (Russia, Moscow), nastel.kruglof@gmail.com¹, kisaolga@mail.ru²

ABSTRACT: This article is a continuation of a study dedicated to the role of pauses in the prosodic structure of the Russian iambic tetrameter. New data on the localization and duration of the pauses in Alexander Pushkin’s “Eugene Onegin,” as voiced by three speakers, corroborate previously identified patterns in the organization of poetic lines at the prosodic level. Pauses of varying durations, occurring with different frequencies at various junctures, emphasize the depth of the varying degree of internal division within a line. The method of multidimensional classification revealed five groups of pause durations, ranging from ultra-short to super-long. It was found that within a line, ultra-short and short pauses predominate, while longer pauses tend to occur more towards the middle and less towards the beginning. The absence or brevity of pauses near the end of a line highlights a more prolonged inter-line pause. Individual pause strategies manifest in the observance or omission of inter-line pauses, their duration, the frequency of prosodic breaks within a line, and the frequency of using pauses of a particular duration group. High correlation coefficients indicate a consistent use of pauses among the three speakers.

KEYWORDS: pauses, prosodic phrasing, verse, 4-foot iambic tetrameter, A. S. Pushkin, “Eugene Onegin”

FOR CITATION: Kruglova A. V., Smirnova O. S. Localization and Pauses Duration in Russian Iambic Tetrameter in the Poetry of A. S. Pushkin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 72–83. DOI: 10.31857/S0131611724050069.

ACKNOWLEDGEMENT: This research was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01812.

Паузы — одно из главных средств просодического членения речи на фразовом уровне. Под просодическим членением (далее ПЧ) понимается «членение текста на фонетически организованные фрагменты разной размерности (от слога до сверхфразового единства), которое осуществляется говорящим с помощью звуковых средств просодической природы, в соответствии с общими принципами фонетической организации речи и с учетом смысловой и синтаксической структуры текста» [Кривнова, Князев, Моисеева 2016: 8]. В связной речи паузы выполняют несколько функций: 1) членение речевого потока на интонационно-смысловые единства (синтагмы и фразы); 2) установление разной степени связанности между речевыми отрезками посредством длительности; 3) смысловое и эмоциональное выделение как отдельных слов, так и синтагм [Светозарова 1990: 369]. Говорящий не просто сегментирует звучащий текст на просодические составляющие, но за счет варьирования длительности пауз в комбинации с фонетическими средствами на сегментном и суперсегментном уровнях (изменение частоты основного тона, восстановление линии деклинации, предпаузальное удлинение, понижение интенсивности, ларингализация и др. [Качковская 2014: 22–23]) устанавливает различную степень связанности между ними.

О паузе как о физическом корреляте разной глубины членения в стихе писали известные стиховеды и текстологи XX века [Ярхо 2006; Бернштейн 1972; Томашевский 1958; Гаспаров 1981; Скулачева 1989; Гаспаров, Скулачева 2004]. Б. И. Ярхо доказал на материале рифмованной прозы драм Хротсвиты Гандерсгеймской, а также в народном и классическом русском стихе, что самые слабые синтаксические связи и (по его предположению) самые длинные паузы концентрируются

в позиции между строками¹. М. Л. Гаспаров в статье «Ритм и синтаксис: происхождение лесенки Маяковского» [Гаспаров 1981] показал, что членение лесенки Маяковского происходит по слабым синтаксическим связям и впервые заметил закономерности расположения тесных и слабых связей в стихе Ломоносова, Пушкина, Некрасова, Маяковского, но предположил, что они порождаются особенностями русской грамматики. В своей кандидатской диссертации Т. В. Скулачева [Скулачева 1990] описала закономерности распределения тесных и слабых синтаксических связей в нескольких языках (русском, английском, французском) и впервые выдвинула предположение о том, что распределение тесных и слабых синтаксических связей — общестиховая закономерность, обеспечивающая единство и целостность стихотворной строки. По мнению Т. В. Скулачевой, тесная связь слов у границ строки способствует сохранению строки как целостной единицы и восприятию межстрочной паузы, а свободная синтаксическая связь между строками поддерживает деление на строки — наиболее устойчивый признак стихотворного текста. Данные закономерности не зависят от периода, языка и литературного направления и претендуют на статус общестиховой универсалии [Скулачева 1990, 1996, 2014].

Можно сказать, что в стиховедении суждения о паузах в стихотворных текстах основывались на субъективном слуховом восприятии. Под паузами понималась в большей степени глубина синтаксического членения в разных частях строки, лишь гипотетически сопровождающаяся паузами, так как материалом исследований служили не звучащие, а письменные тексты.

Вопрос о реализации различной глубины членения внутри стихотворной строки на просодическом уровне остается недостаточно изученным. В пилотном экспериментально-фонетическом исследовании, посвященном просодическому членению в «Евгении Онегине» и проведенном с участием одного непрофессионального диктора, была статистически подтверждена корреляция между типом синтаксической связи (по иерархии М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой) и длительностью паузы. Наши данные подтвердили, что чем слабее синтаксическая связь (например, на границе самостоятельных предложений или между частями сложного предложения), тем продолжительнее пауза. В настоящей статье будут представлены новые данные о локализации и длительности пауз в строках «Евгения Онегина» на основе прочтения текста тремя дикторами.

¹ Подробнее о традиции изучения русского поэтического синтаксиса см. статью [Акимова 2017].

Материал и методика

Для исследования характера паузации в стихе в связи с позицией в строке мы записали образцы чтения стихотворного текста и провели акустический анализ физических пауз. В качестве материала выбраны вторая и третья главы романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» (1207 строк, 5133 словоупотребления).

Главы «Евгения Онегина» были озвучены тремя дикторами: женщиной с высшим нелингвистическим образованием, обладающей навыками чтения перед микрофоном (далее Д1); мужчиной с высшим нелингвистическим образованием, не имеющим опыта выразительного чтения на публику (Д2), и профессиональным актером (Д3). Перед началом записи текст «Евгения Онегина» был предоставлен дикторам для ознакомления для минимизации влияния факторов, свойственных разговорной или репродуцированной неподготовленной речи (хезитации, самоперебивы и другие речевые сбои). Общая длительность звучания составила 2 часа 37 минут. Разметка аудиофрагментов производилась в программе Praat. Для удобства исследования зависимостей между контролирующими факторами просодического членения и паузами была создана сводная таблица Excel, куда вносились различные данные о характеристиках словоразделов: текст «Евгения Онегина», разбитый на фонетические слова, тип словораздела (внутри или между строками), номер словораздела в строке, наличие пауз, их абсолютная и категоризированная длительность, ритмическая форма, наличие и тип знаков препинания. Все вычисления и графики, приводимые в данной работе, проводились с использованием специализированного программного обеспечения для анализа данных (пакет STATISTICA).

Результаты

При выборе количества категорий длительности пауз мы ориентировались на данные экспериментов, посвященных перцептивной оценке глубины просодического членения в английском [Price et al. 1991], нидерландском [Sanderman 1996] и русском языках [Кривнова 2015; Смирнова 2017; Кривнова, Князев, Смирнова 2018], в которых было показано, что 5-балльная шкала оценки глубины просодических швов (ПШ) отражает оптимальную с точки зрения восприятия наивными носителями языка шкалу оценки глубины членения в звучащем тексте. Категоризация данных позволяет перейти к единой шкале без учета индивидуальных особенностей диктора, в первую очередь — темпа речи.

Ниже в Таблице 1 представлены основные описательные статистики для пауз (частота, среднее, диапазон и стандартное отклонение), разбитых

на 5 категорий по возрастанию длительности для трех дикторов (Д1, Д2 и Д3): П1 — очень короткие, П2 — короткие, П3 — средние, П4 — длинные и П5 — очень длинные. Классификация проводилась методом без обучения «К-средних», который реализован в основных статистических пакетах и позволяет определить также оптимальное число классов.

Табл. 1. Описательные статистики длительности пауз (5 групп) для трех дикторов

Table 1. Descriptive statistics of pause duration (5 groups) for three speakers

Группа пауз	Абс. частота	Среднее (сек)	Медиана (сек)	Минимум (сек)	Максимум (сек)	Ст. откл.
Д1						
П1	273	0,135956	0,123000	0,033000	0,251000	0,058741
П2	455	0,370105	0,377000	0,255000	0,443000	0,050529
П3	521	0,517432	0,511000	0,444000	0,626000	0,051098
П4	235	0,738813	0,721000	0,629000	0,961000	0,086057
П5	79	1,188481	1,080000	0,965000	2,556000	0,260139
Д2						
П1	392	0,209352	0,205500	0,061000	0,338000	0,075037
П2	522	0,466130	0,465000	0,338000	0,620000	0,079246
П3	237	0,777194	0,745000	0,622000	1,125000	0,118416
П4	67	1,476478	1,366000	1,142000	1,981000	0,270141
П5	30	2,556867	2,445500	2,029000	3,641000	0,484509
Д3						
П1	484	0,229711	0,237000	0,086000	0,296000	0,045936
П2	446	0,364083	0,356500	0,297000	0,461000	0,044600
П3	282	0,561599	0,553500	0,465000	0,693000	0,065684
П4	127	0,833756	0,825000	0,698000	1,056000	0,098456
П5	44	1,279182	1,266000	1,058000	1,690000	0,170605

Несмотря на индивидуальные особенности чтения, присущие тому или иному чтецу, прослеживаются общие закономерности в расстановке пауз как внутри, так и на границе строк. Для того чтобы показать, насколько согласованно дикторы ставили паузы (в том числе нулевой длины) при чтении, был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона между тремя дикторами для абсолютной длительности пауз и коэффициент ранговой корреляции Спирмена для категоризированных данных. Высокие значения

этих коэффициентов позволяют сделать вывод о хорошей, несмотря на индивидуальные особенности чтения и разный темп речи, согласованности паузации для всех дикторов. Иными словами, они используют близкие по категории длительности паузы для членения стихотворной строки. Схожие паузальные стратегии демонстрируют Д1 и Д3, а Д2 наименее согласован с остальными дикторами. Это позволило нам перейти к многомерной классификации пауз методом К-средних по всем трем дикторам.

Рассмотрим теперь локализацию пауз в полноударных строках. На Рисунке 1 представлена частота пауз по пяти категориям длительности по каждой позиции в стихотворной строке².

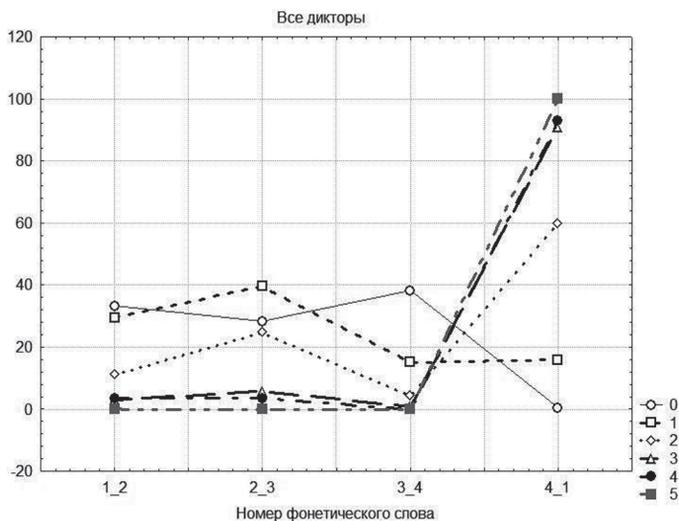

Рис. 1. Частота и локализация пауз (5 групп длительности) внутри и между строк 1 ритмической формы (Многомерная классификация по всем дикторам)

Fig. 1. Frequency and localization of pauses (5 groups of duration) within and between lines of 1 rhythmic form (Multivariate classification for all speakers)

Подавляющее большинство стихотворных строк содержат одну паузу — межстрочную, чья длительность зависит от степени связности данной строки с последующими на семантическом и синтаксическом уровнях. В данной позиции преобладают средние, длинные и очень длинные паузы. Из них сверхдлительные паузы (П5) выполняют функцию членения стиха на уровне четверостиший и строф, поэтому их очевидным образом меньше. Исключение составляют строки с синтаксическими переносами, когда

² По оси абсцисс арабскими цифрами обозначены словоразделы, по оси ординат в процентах дана частота пауз той или иной категории по каждой позиции в строке, где «0» — отсутствие паузы, а «1–5» — соответствующая категория длительности.

связанные синтаксическим отношением слова оказываются в разных строках: в таком случае пауз между строками нет, либо они короткие (П1 и П2), как в примере 1, где через строку переброшена дистанционная предикативная связь между «расширял» и «сад»:

(1) *И сени расширял густые [П1] // Огромный, запущенный сад.*

Внутри строк I ритмической формы наблюдается следующая закономерность: по краям строки, т. е. между первой парой слов и, в меньшей степени, между последней парой слов, паузы встречаются редко или они очень короткие. Появлению пауз в этих позициях способствует синтаксическое и пунктуационное членение строки. Так, в примере 2 просодическая граница возникает на границе главного и придаточного предложений:

(2) *В пустыне, [П2] где один Евгений.*

Бросается в глаза тот факт, что дикторы стремятся слитно произнести последние два слова в строке, где обычно расположены тесно связанные синтаксически слова (например, компоненты внутри именной группы, группы прилагательного или глагольной группы). Это согласуется с предположением Т. В. Скулачевой о том, что отсутствие пауз в данной позиции способствует восприятию межстрочной паузы. Редкие нарушения этой закономерности мы находим в третьей главе в диалогах, где, как в следующем примере, предпоследний словораздел в строке совпадает с концом реплики:

(3) *Представь меня». [П3] — Ты шутишь. [П2] — «Нету». [П4].*

Наиболее распространенной моделью членения строки является такая, при которой более длинные паузы оказываются в середине строки (между вторым и третьим фонетическими словами), как бы деля ее пополам на 2 синтагмы:

(4) *Она сказала: [П2] это он!*

Выводы

Полученные данные о локализации, частоте и длительности пауз во 2-й и 3-й главах «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в исполнении трех дикторов показали, что описанные ранее закономерности распределения более слабых и более сильных синтаксических связей в стихе подкрепляются на просодическом уровне наличием пауз соответствующей длительности: на границе строк, там где чаще всего оказываются т. н. «слабые» синтаксические связи, согласно классификации синтаксических связей М. Л. Гаспарова — Т. В. Скулачевой [Гаспаров, Скулачева 2004; Акимова

2017], наблюдаются средние, длинные и сверхдлинные паузы. Внутри строки сверхдлинные и длинные паузы являются скорее исключением и тяготеют к словоразделу в середине строки, т. е. между 2-м и 3-м фонетическим словом, в меньшей степени — после первого слова. Судя по всему, отсутствие пауз или очень короткие паузы по краям строки (между 1-м и 2-м и в особенности 3-м и 4-м фонетическим словом), где, как известно, слова чаще связываются тесными синтаксическими связями, служат для подчеркивания более продолжительной межстиховой паузы.

Очевидно также, что имеются индивидуальные для каждого диктора стратегии паузации. Некоторые дикторы чаще сегментируют стихотворные строки на синтагмы и реже пропускают межстиховую паузу. Другие дикторы допускают большую вариативность на границе строк, пропуская или используя нетипичные по длительности паузы. Характерным для звучащего стиха можно считать более частое употребление коротких пауз длительностью менее 250 мс.

Паузы не являются единственным акустическим маркером членения. В дальнейшем было бы интересно изучить взаимодействие паузации, изменения частоты основного тона и длительности конечных гласных у границ просодических синтагм как коррелятов разной глубины членения в звучащем русском стихе.

Литература

- Акимова М. В. Традиции изучения русского стихотворного синтаксиса: Б. И. Ярхо и М. Л. Гаспаров // Славянский стих. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова / Отв. ред. Т. В. Скулачева. М.: Нестор-История, 2017. Вып. 14. С. 89–112.
- Бернштейн С. И. Голос Блока / Публ. А. Ивича и Г. Суперфина // Блоковский сборник II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока / Отв. ред. Г. Минц. Тарту: Тартуский государственный университет, 1972. С. 454–525.
- Гаспаров М. Л. Ритм и синтаксис: происхождение «лесенки» Маяковского // Проблемы структурной лингвистики / Отв. ред. В. П. Григорьев. М.: Наука, 1981. С. 148–168.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 287 с.
- Златоустова Л. В. Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами // Контекст 76 / Отв. ред. А. С. Мясников. М.: Наука, 1977. С. 61–80.
- Качковская Т. В. Использование темпоральных характеристик для сегментации речевого потока на крупные смысловые единицы (на материале русского языка) // Труды СПИИРАН. 2014. № 1 (32). С. 68–81.

- Кривнова О. Ф.* Глубина просодических швов в звучащем тексте (экспериментальные данные) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». Труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям «Диалог». М.: РГГУ, 2015. Вып. 14. Т. 1. С. 338–351.
- Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В.* Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2016. № 4. С. 7–33.
- Кривнова О. Ф., Князев С. В., Смирнова О. С.* Интонационное членение и сегментирующая сила словоразделов в звучащем тексте (данные перцептивного эксперимента) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Фонетика / Отв. ред. О. В. Антонова, М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М., 2018. Вып. 17. С. 128–140.
- Кривнова О. Ф., Смирнова О. С.* База дискурсивных признаков словораздела в устной русской речи: структура, состав и опыт применения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (Москва, 27–30 мая 2015 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2018. Т. 17. С. 363–374.
- Круглова А. В., Смирнова О. С., Скулачева Т. В.* Синтаксис и просодические швы в строках испанского одиннадцатисложника // Славянский стих. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова / Отв. ред. Т. В. Скулачева. М.: Нестор-История, 2017. Вып. 14. С. 152–169.
- Светозарова Н. Д.* Пауза // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 369.
- Скулачева Т. В.* Взаимодействие ритмической организации и синтаксического построения стихотворного текста: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1990. 145 с.
- Скулачева Т. В.* Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1996. С. 18–23.
- Смирнова О. С.* Статистический анализ результатов перцептивного оценивания глубины просодических швов в русском звучащем тексте // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017». М.: Изд-во РГГУ, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://dialog-21.ru/media/3980/smironovaos.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
- Томашевский Б. В.* Строфика Пушкина // Пушкин: исследования и материалы. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1958. : изд-во АН СССР Т. 2. С. 49–184.
- Ярхо Б. И.* Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / Под общ. ред. М. И. Шапира. М.: Языки славянских культур, 2006. 927 с.
- Kruglova A. V., Smirnova O. S., Skulacheva T. V.* Syntax and Pauses in a Verse Line: Statistical Analysis // The Quantitative Approaches to Versification 2019 Conference, Prague: [b. i.], 2019, pp. 113–122.
- Price P. J., Ostendorf M., Shattuck-Hufnagel S., Fong C.* The use of prosody in syntactic disambiguation // The Journal of the Acoustical Society of America, 1991. No. 90 (6), pp. 2956–2970.

- Sanderman A. Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension). Eindhoven, Technische Universiteit, 1996. 137 p.
- Skulacheva T. V. Verse and Prose: A Linguistic Approach // Poetry and Poetics. A Centennial Tribute to Kiril Taranovsky. Bloomington. Indiana, 2014, pp. 239–248.

References

- Акимова М. В. [Approaches to the Analysis of Russian Poetic Syntax: B. I. Yarkho and M. L. Gasparov]. *Slavyanskii stikh. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2017, vol. 14 (11), pp. 89–112. (In Russ.)
- Бернштейн С. И. [The Voice of Blok]. *Blokovskii sbornik II: Trudy Vtoroi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka* [Blok Anthology II: Proceedings of the Second Scientific Conference dedicated to the study of the life and work of A. A. Blok]. Tartu, Tartu State University Publ., 1972, pp. 454–525. (In Russ.)
- Gasparov M. L. [Rhythm and syntax: the genesis of Mayakovskii's "lesenka"]. *Problemy strukturnoi lingvistiki*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 148–168. (In Russ.)
- Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on Verse Linguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004. 287 p.
- Kachkovskaya T. V. [Temporal Aspects of Intonational Phrasing (Evidence from Russian)]. *Trudy SPIIRAN*, 2014, vol. 1 (32), pp. 68–81. (In Russ.)
- Krivnova O. F. [The depth of prosodic breaks in spoken text (experimental data)]. *Komp'yuternaia Lingvistika i Intelktual'nye Tehnologii: Trudy Mezhdunarodnoi Konferentsii "Dialog 2015"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialog 2015"]. Moscow, RSUH Publ., 2015, pp. 326–338. (In Russ.)
- Krivnova O. F., Knyazev S. V., Moiseeva E. V. [Studies of prosodic partition of spoken discourse on Russian data]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2016, vol. 4, pp. 17–44. (In Russ.)
- Krivnova O. F., Knyazev S. V., Smirnova O. S. [Prosodic phrasing and word-break' strength in oral text (perceptual experiment data)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Fonetika*, 2018, vol. 17, pp. 128–140. (In Russ.)
- Krivnova O. F., Smirnova O. S. [A database of wordbreaks discursive features in russian oral speech: the structure, composition and application]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tehnologii. Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference "Dialogue"]. Moscow, RSUH Publ., 2018, vol. 1, pp. 368–379. (In Russ.)
- Kruglova A. V., Smirnova O. S., Skulacheva T. V. [Syntax and Prosodic Breaks in Lines of Spanish Hendecasyllabic Verse]. *Slavyanskii stikh. Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. Moscow, Nestor-Istoriya Publ., 2017, vol. 14 (11), pp. 152–168. (In Russ.)

- Kruglova A. V., Smirnova O. S., Skulacheva T. V. Syntax and Pauses in a Verse Line: Statistical Analysis. *Quantitative Approaches to Versification*. Prague, Publ. House of the Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019, pp. 113–122. (In Eng.)
- Price P. J., Ostendorf M., Shattuck-Hufnagel S., Fong C. The use of prosody in syntactic disambiguation. *The Journal of the Acoustical Society of America*, 1991, vol. 90 (6), pp. 2956–2970. (In Eng.)
- Sanderman A. *Prosodic Phrasing (production, perception, acceptability and comprehension)*. Eindhoven, Technische Universiteit Publ., 1996. 137 p.
- Skulacheva T. V. *Vzaimodeistvie ritmicheskoi organizatsii i sintaksicheskogo postroeniya stikhotvornogo teksta*. Diss. kand. filol. nauk [The correlation between rhythmic organization and syntactic structure in verse. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 1990. 145 p.
- Skulacheva T. V. [Verse Linguistics: the structure of the verse line]. *Slavyanskii stikh: stikho-vedenie, lingvistika i poetika* [Slavic verse: versification, linguistics and poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1996, pp. 18–23. (In Russ.)
- Skulacheva T. V. Verse and Prose: A Linguistic Approach. *Poetry and Poetics. A Centennial Tribute to Kiril Taranovsky*. Bloomington, Indiana, 2014, pp. 239–248. (In Eng.)
- Smirnova O. S. [Statistical Analysis of Perceptive Estimation for Depth of Prosodic Breaks in Russian Spoken Text]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2017"* [Computational linguistics and intelligent technologies: based on the materials of the annual international conference "Dialogue 2017"]. Moscow, RSUH Publ., 2017. (In Russ.) Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/3980/smirnovaos.pdf> (accessed 26.08.2024).
- Svetozarova N. D. [Pause]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1990. 369 p.
- Tomashevskii B. V. [Pushkin's strophes]. *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin. Researches and materials]. Ed. by M. P. Alekseev. II. Moscow; Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958, pp. 49–184. (In Russ.)
- Yarkho B. I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannye trudy po teorii literaturovedeniya* [A Methodology for a precise science of literature: selected works on the theory of literature]. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov & M. I. Shapir (eds.), Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2006. 927 p.
- Zlatoustova L. V. [Studying sounding verse and literary prose using instrumental methods]. *Kontekst 76* [Context 76]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 61–80. (In Russ.)

Полисемия лексемы «хлеб» и ее реализация в русской народной загадке

Ольга Александровна Мещерякова¹, Ульяна Игоревна Турко²,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Россия, Ленинградская область)¹,
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец)², lameo56@yandex.ru¹,
selishchevskaya@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724050079

АННОТАЦИЯ: В настоящей работе исследуется полисемия лексемы *хлеб*, реализуемая в русской народной загадке. Материалом для анализа послужили паремии, зафиксированные в сборнике «Загадки», подготовленном В. В. Митрофановой. Анализируется характер использования многозначной лексемы *хлеб* как в отгадке, так и в тексте собственно загадки.

В ответной части загадки именование хлебобулочного изделия осуществляется с помощью прямого значения лексемы *хлеб*, при этом наиболее востребованными оказываются два основных лексико-семантических варианта: ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’; ‘зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню’. Полисемией слова обусловлено распределение загадок с отгадкой *хлеб* по двум разделам сборника в соответствии с тематическим содержанием: «Пища, питье», «Пашня, покос, посев и обработка хлеба».

В вопросной части загадки лексема *хлеб* употребляется как в прямом, так и в переносном значении. Производное значение, возникающее на основе метафоры, обусловлено ассоциативными признаками, не являющимися существенными в семантическом плане для представлений о хлебе. Лексическая многозначность слова *хлеб* служит языковым средством реализации игрового характера процесса загадывания.

Особенности употребления лексико-семантических вариантов лексемы *хлеб* в вопросе и ответе загадки свидетельствуют о том, что полисемия выступает жанрообразующим свойством данного вида паремии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лексема *хлеб*, русская народная загадка, загадываемая часть, исходный денотат, денотативное значение лексемы, коннотативное значение лексемы

для цитирования: Мещерякова О. А., Турко У. И. Полисемия лексемы «хлеб» и ее реализация в русской народной загадке // Русская речь. 2024. № 5. С. 84–95. DOI: 10.31857/S0131611724050079.

The Language of Fiction

The Polysemy of the Lexeme “Bread” and its Functioning in the Russian Folk Riddle

Olga A. Meshcheryakova¹, Ulyana I. Turko², Pushkin Leningrad State University (Russia, Leningrad region)¹, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets)², lameo56@yandex.ru¹, selishchevskaya@mail.ru²

ABSTRACT: In this article, the authors examine the polysemy of the lexeme *bread*, which can be found in a Russian folk riddle. The proverbs recorded in the collection “Riddles” prepared by V. V. Mitrofanova served as a material for the analysis. The paper analyzes the uses of the polysemantic lexeme *bread* both in the answer and in the text of the riddle itself.

The designation of the original denotation using the lexeme *bread* is based on the denotative meaning, while the most popular are two main lexical-semantic options: ‘a food product baked from flour’; ‘grains (rye, wheat, etc.)’. The polysemy of the word influences the division of the riddles with the answer *bread* according to thematic content into two sections of the collection: “Food, drink”, “Arable land, mowing, sowing and processing of bread”.

In the question part of the lexeme, *bread* is used both in literal and figurative meaning. The derived meaning that arises on the basis of the metaphor is due to associative features that are not semantically essential for ideas

about bread. The lexical ambiguity of the word *bread* serves as a linguistic means of realizing the playful nature of the riddle process.

The peculiarities of the use of lexical-semantic variants of the lexeme *bread* in the question and answer parts indicate that polysemy is a genre-forming property of this type of proverb.

KEYWORDS: the lexeme *bread*, Russian folk riddle, the riddled part, the original denotation, the denotative meaning of the lexeme, the connotative meaning of the lexeme

FOR CITATION: Meshcheryakova O. A., Turko U. I. The Polysemy of the Lexeme “Bread” and Its Functioning in the Russian Folk Riddle. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2024. No. 5. Pp. 84–95. DOI: 10.31857/S0131611724050079.

Известно, что слово как единица лексического уровня русского языка может иметь не одно, а несколько значений, определенным образом связанных между собой. Подобное явление называется многозначностью, или полисемией [Шмелев 1997: 352]; для именования соответствующих лексем используются термины «многозначные слова», «полисеманты», а их отдельные значения чаще всего называются «лексико-семантическими вариантами» (ЛСВ), выступающими в качестве «простейшей единицы (элемента) смысловой структуры многозначного слова» [Новиков 1997: 455].

Необходимость выявления семантической структуры фольклорного слова определяет исследовательский интерес к многозначности слова в разных жанрах устного народного творчества. Русская народная загадка является одним из них.

Кроме «малой» формы, особенность загадки составляет ее двухчастная структура, обусловленная нацеленностью на вопросно-ответный диалог в игровой коммуникации. При этом между вопросной и ответной частью формируется «устойчивый репертуар семантических связей» [Солдаева 2018: 7]. На наш взгляд, формальная и содержательная стороны вопроса и ответа загадки тесно взаимосвязаны в силу кодовой организации паремии. Благодаря ей исходный денотат, то есть обозначаемый в отгадке предмет, идентичен преобразованному денотату в вопросной части, где тот же предмет «шифруется» посредством метафоры или олицетворения.

Кодирование и декодирование предметов внешнего мира базируется на общих знаниях, к которым относятся не только «типичные представления о предметах и событиях действительности» и не только «знания

духовной сферы, миропредставлений, свойственных народной ментальности, знания из области народной поэзии, мифологии и т. п.), но и «знания о языке, образуемые знанием слов, их значений и т. п.» [Ковшова, Орлова 2020: 72–73]. Это формирует научный интерес к возможностям «поведения» многозначного слова в структуре загадки.

В данной статье мы обращаемся к слову *хлеб* как лексическому компоненту, используемому в русской народной загадке, с целью установления особенностей употребления лексико-семантических вариантов этой языковой единицы в структуре и семантике паремии.

Согласно «Большому толковому словарю современного русского языка», в лексеме *хлеб* выделяется семь значений, каждое из которых выступает самостоятельным ЛСВ: 1) 'Пищевой продукт, выпекаемый из муки'; 2) 'Тесто, приготавливаемое для выпечки'; 3) 'Зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку такого продукта'; 4) 'Зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню'; 5) 'Пища, пропитание'; 6) 'Средства к существованию'; 7) 'О самом важном, необходимом для существования кого-либо' [Кузнецов 2000: 1444]. В основе развития полисемии лексемы лежит в первую очередь логическая цепочка, «схватывающая» производство продукта питания от выращивания растения до процесса изготовления продукта (ЛСВ 1–4). В то же время развитие значения обусловлено и оценочной деятельностью русского человека, в рамках которой обобщаются национальные представления о значимости хлеба (ЛСВ 5–7). Поэтому в данном случае следует говорить не только о метонимической, но и о символической модели формирования многозначного слова *хлеб*.

Материалом для анализа послужили паремии с лексемой *хлеб* из сборника «Загадки», изданного в рамках академической книжной серии «Памятники русского фольклора». Его составитель В. В. Митрофанова во «Введении» отмечала, что «по своему содержанию загадки касаются видимого, конкретного мира вещей и явлений, окружающих человека, причем вещей бытовых, “незначительных”, но близких и необходимых» [Митрофанова (сост.) 1968: 9]. Вполне закономерно, что в ряд таких предметов входит и хлеб.

Всего выделено 54 примера, где употребляется лексема *хлеб*. В 23 случаях слово употребляется в вопросной части загадки, а в 31 — в ее ответе.

Обращает на себя внимание тот факт, что отгадки с лексемой *хлеб* неоднородны по своей структуре. В одних случаях исходный денотат представлен отдельной лексической единицей, как правило, начальной формой имени существительного: (4162)¹ *Бьют меня палками, Трут меня камнями, А всяк мне близок (Хлеб)*. В других — слово включается в контекст.

¹ Здесь и далее в скобках указан номер загадки, приведенный в источнике: Митрофанова В. В. (сост.). Загадки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 256 с.

Он может быть минимальным, если представлен словосочетанием: (2317) *Стоит баба на току, полон рот табаку (Мешок с хлебом)*, или расширенным, если образуется сложной синтаксической конструкцией: (2396) *Я, Петров, имею восемь углов, четыре уха и два брюха (Пещер из лык, в которм хлеб возят)*. Анализ однокомпонентных и многокомпонентных вариантов отгадки показал, что ответная часть, как правило, состоит из одного слова тогда, когда лексема реализует ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из муки'. Это значение воспринимается языковым сознанием как главное, и форма такой отгадки не требует уточнения смысла посредством добавочных компонентов, поэтому контекст может отсутствовать.

Следует также отметить, что в русской культуре под готовым продуктом, обозначаемым словом *хлеб*, подразумевалось исключительно изделие из ржаной муки. Хлеб из пшеничной муки как объект загадывания требовал особой словесной формулы, в которой исходный денотат номинировался словосочетанием: (4235) *Сито вито, золотом покрыто (Белый хлеб)*.

Высокий статус ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из муки' обусловлен не столько коммуникативным фактором, в первую очередь не столько частотностью употребления, сколько аксиологическими представлениями русского народа, учитывавшими сложившиеся в данной культуре и материальные, и духовные потребности человека. Именно в силу культурных традиций ржаной хлеб оценивался как более значимый для жизни человека продукт, чем пшеничный хлеб. Подтверждением тому служит и целый ряд пословиц, в которых противопоставление двух видов хлеба (белый хлеб в них называется *калачом*) выявляет более высокий ранг ржаного: *Хлебушка калачу дедушка* [Даль 1989: 278], *Калач приестся, а хлеб никогда* [Там же: 286].

Фактор культуры определяет и то, что печеный хлеб, хотя обозначается той же лексемой, что и тесто, и зерно, как предмет вещного мира является по отношению к ним высшей формой [Ляпин 2014]. Наивысшая ценность хлеба как продукта, прошедшего приготовление, связана во многом с сакральными смыслами выпекания, которое понималось как «таинственное действие (хлеб, подобно живому существу, растет, поднимается)» [Толстая 2012: 413] и ассоциировалось с зарождением нового.

Таким образом, лексема *хлеб*, употребленная вне контекста, реализует в ответной части загадки главный ЛСВ 'пищевой продукт, выпекаемый из ржаной муки', который в иерархии многозначного слова занимает первенствующее положение.

Вербальным маркером статуса неосновного, второстепенного ЛСВ, который реализуется лексемой *хлеб* в отгадке, выступает включение слова в минимальный или расширенный контекст.

Так, ЛСВ 'зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню' реализуется при употреблении лексемы *хлеб* в отгадке-предложении *Гром, град побил хлеб*,

которая идентифицирует образную часть загадки (297) *Бежит бегун, ревет реву, хочет миллион колоть.*

Вербальное «окружение» обязательно для лексемы *хлеб*, если она употребляется в значении ‘зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку продукта’: (2395) *Часть в сусек кладет, Часть взаймы дает, Часть обратно отдает (Мужик часть хлеба кладет в сусек, детей и отца кормит).* Сусек — это место для хранения зерна или муки, и описание действия с хлебом *кладет в сусек* указывает на соответствующее значение слова *хлеб*, которое реализует второстепенный вариант многозначного слова.

Статусом второстепенного также наделяется ЛСВ ‘тесто, приготавливаемое для выпечки’. При реализации этого значения существительное *хлеб* употребляется как в единственном, так и во множественном числе, однако контекст обязателен в любом случае: (4169) *Возьму пыльно, сделаю жидко, Брошу в пламень, будет как камень (Хлеб из муки, пирог);* (4203) *Полон хлев бесхвостых овец, Одна была с хвостом и та ушла (Хлебы посадили в печь, а лопату вынули).*

Наряду с лексемой *хлеб* в отгадке могут использоваться синонимичные слова, именующие те же понятия, что и *хлеб*. В таких случаях *хлеб* реализует основное значение.

Например, в значении ‘тесто’ используется слово *опара*, что исключает возможность двусмысленного толкования слова *хлеб*, с помощью которого в данной загадке выражается основной ЛСВ: (4201) *На озере на Ладожском, На устье на Волховском Вода с песком помутилась, Они свиданья убоялись, Из Ладожского выбирались, О том люди догадались, За орудие хватались, Усмирять их собирались, Усмирять их перестали, После вон таскать их стали, На площадку выводили, На базаре продавали, Что хотели, то и брали, А покупатели по необходимости покупали (Опара и хлеб).*

Таким образом, полисемия слова *хлеб* в исходном денотате играет важную роль в обозначении хотя и смежных, но разных понятий. Иерархия лексико-семантических вариантов многозначного слова определяет разные структурные модели формулировок отгадки.

Полисемия лексемы *хлеб*, используемой в ответной части загадки, влияет на тематическую классификацию загадок.

Паремии с компонентом *хлеб* в отгадке включены составителем сборника в два разных раздела. Те, что реализуют ЛСВ ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’, или ‘тесто, приготавливаемое для выпечки’, помещены в раздел «Пища, питье»: (4160) *Били меня, колотили меня, Во все чины производили, Да и за стол посадили (Хлеб);* (4161) *Режут меня, вяжут меня, Бьют нещадно, Колесуют меня, Пройду огонь и воду и конец мой — огонь и зубы (Хлеб).*

Загадки, которые шифруют представление о хлебе как о растении, отнесены к разделу «Пашня, покос, посев и обработка хлеба»: (2309) *Потел, потел, в дыму закоптел (Хлеб в овине).*

Подобное разделение свидетельствует о том, что многообразная и сложная семантическая структура лексемы *хлеб* реализуется и в загадке, отражающей фольклорную картину мира, под которой понимается «совокупность коллективных знаний, идей и представлений» [Голованова, Голованов, Казачук 2016: 37], зафиксированных в разнообразных жанрах устного народного творчества.

Кроме того, слову *хлеб* как обозначению исходного денотата присуще различие оттенков значения, не выделяемых в лексикографической практике словарей при описании значений лексемы.

Так, детализация процесса замешивания теста делает объектом загадывания начальный этап замеса: (4172) *В Юрьевском, Афанасьевском Биласы коза с козлом, Помешалася вода с песком (Хлебы замешивают)*. Слова *вода* и *песок* в преобразованной части, где словом *песок* кодируется «кулинарное» значение ‘сахар в мелких кристалликах’ [Кузнецов 2000: 827], создают образ продукта в жидком виде, соответственно лексема *хлебы* реализует представление о жидком тесте. Это говорит о существовании ЛСВ ‘збродившее жидкое тесто’, который свойственен лексеме *хлеб* при ее употреблении в поговорке. Этот вариант реализуется в отгадке *Хлебы замешивают*. Она соответствует загадкам, которые акцентируют внимание на традиционном начальном поваренном этапе, сопровождавшем замес: (4171) *В одной дежке две приспешки (Хлебы замешивают)*; (4173) *На озере Ладожском, На море Мурманском Помутилася вода с песком, Поборолся Илья с Петром (Хлебы замешивают)*; (4174) *Помутилася вода с песком, Побранилися Лука с Петром, А я без Федора и в суд неиду (Хлебы замешивают)*.

Также в отгадке можно отметить понятийную детализацию процесса обработки хлеба-растения. И если в узусе за словом *хлеб* стоит ЛСВ ‘зерновые (рожь, пшеница и т. п.) на корню’, то есть рожь, пшеница, растущие в поле, то в языке загадки выделяется ЛСВ ‘скошенные зерновые’. В результате лексема *хлеб* в исходном денотате обозначает растение, которое уже не «на корню», а срезано и готовится к обмолоту. (2316) *На ладонке чиршок (Ворох хлеба на гумне)*. Здесь *хлеб* обозначает ‘срезанное и собранное зерновое растение, складированное в скирды в специально отведенном месте, для его последующей обработки’. Другая загадка именует *хлебом* зерновые, скошенные и свезенные в специальную постройку, приспособленную для сушки снопов перед молотью: (2309) *Потел, потел, в дыму закоптел (Хлеб в овине)*. Языковым показателем когнитивного явления понятийной детализации выступает употребление лексемы *хлеб* в составе словосочетаний *Ворох хлеба на гумне*, *Хлеб в овине*, где второй компонент *на гумне*, *в овине* указывает на ограниченное пространство, связанное с сельскохозяйственной обработкой зерновых. Словосочетание в ответной части загадки свидетельствует о взаимодействии «хлебной» и пространственной семантики. Именование мест, связанных с хранением

и переработкой зерновых, обусловлено специфическими особенностями хлебного производства в стране. Лексемы, объединяющие пространственную и хлебную темы, создают контекст, указывающий на дополнительный ЛСВ, важный для фольклорной картины мира.

Эти примеры говорят о развитии многозначности лексемы *хлеб* в паремии, в частности в отгадываемом ответе. Усиление полисемии слова при его употреблении в отгадке связано с концептуализацией знаний, относящихся к особенностям «хлебного» производства, куда входит и хлебозаготовка, и хлебопечение. Дополнительные ЛСВ имеют терминологическое значение. Реализация их в ответной части говорит о широком распространении производственной культуры хлеба в повседневной жизни русского крестьянина.

В вопросной части активное использование лексемы *хлеб* как многозначного слова имеет разнообразные функции.

Такая лексема может служить подсказкой к загаданному образу, если употребляется в прямом значении. В этом случае слово называет детали житейской ситуации, знакомой отгадчику, и тем самым дешифрует образ, дает ключ к разгадке.

Например, то, как человек откусывает хлеб и как его пережевывает, воспроизводится в загадке о зубах: (1511) *За белую поленицу хлеб кидают, Ей толкут, ей перетирают (Зубы)*. Хлеб реализует ЛСВ — ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’. Описание действий, производимых с хлебом, — *кидают, толкут, перетирают*, вкупе с прямым значением слова, ориентирует на ситуацию употребления пищи, декодируя образное содержание, обусловленное лексемой *поленица*, — ‘дрова, уложенные друг на друга правильными рядами’.

Путь к дешифрованию может быть указан лексемой *хлеб*, если она реализует и другой ЛСВ многозначного слова — ‘злаковые на корню’: (2134) *Маленький, горбатенький все поле пробежал И весь хлеб поваял (Серп, жнут серпом)*. В контексте загадки, кроме слова *хлеб* в прямом значении, используется слово *поле*, также употребленное в денотативном значении. Две лексемы *поле* — *хлеб* образуют семантическую пару в загадываемой части и подсказывают отгадчику ситуацию уборки урожая зерновых. Как и в предыдущем примере, здесь употребляется прямое значение слова *хлеб*.

Однако часто многозначность лексемы выполняет противоположную прагматическую функцию — не помогает отгадывать, а запутывает отгадчика, ведь загадывание загадки есть игровой процесс. В этом случае паремия строится так, что отгадчику нужно решить, какое из нескольких прямых значений, имеющихся у слова, реализуется в загадке.

Так, при отгадывании загадки (2074) *Что в хлебе родится, а есть не годится? (Василек или другой цветок во ржи)* отгадчику нужно осуществить выбор между несколькими прямыми значениями слова *хлеб*: это продукт

питания или злаковое растение? При этом другие компоненты загадываемой части поддерживают семантическую двуплановость слова *хлеб*. Глагол *есть* коррелирует со значением ‘продукт питания’, глагол *родится* — со значением ‘злаковое растение’. Так в содержании загадки осуществляется языковая игра, в которой многозначность слова выполняет жанрообразующую функцию.

Языковая игра, обусловленная многозначностью лексемы *хлеб*, отмечается и в других загадках.

(2869) *Стучит, бренчит, сто коней бежит, Что есть хлеб в околотке, весь хлеб поест (Мельница)*. Паремия строится на соотношении значений ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’ и ‘зерно, из которого готовится мука, идущая на выпечку хлебного продукта’. Выбор второго значения приводит к отгадке, а первый вводит в заблуждение, ориентирует на образ некоего ненасытного «чудища».

Употребление лексемы *хлеб* в загадываемой части, как и в отгадке, может быть обусловлено дополнительной, по сравнению с узусом, дифференциацией значения.

Например, в загадке (1751) *Вырубил мужик одно деревце, из деревца сделал три дельца: перво дельце — соборный хлеб, другое дельце — полуночный свет, третье дельце — ах, хорошо (Береза и то, что из нее изготавливают) хлебом обозначается просфора* — ‘хлеб, используемый в православном богослужении’. Языковым маркером формирования дополнительного значения выступает контекст, в котором существительное *хлеб* сочетается с прилагательным *соборный*. При этом лексема *хлеб* выполняет функцию кулинарного кода, и для декодирования смысла необходима актуализация культурных знаний. Выпекание литургического хлеба требовало прописки на хлебе различных религиозных символов — очертания креста, сокращенного написания имени Иисуса Христа *IC XC* и т. п. Они производились с помощью специальной печати из березы. Это и обусловило включение в загадку о дереве и его свойствах использование лексемы *хлеб* в новом ЛСВ, что позволяет говорить о терминологическом развитии значения — ‘литургический хлеб’.

В силу своей дискурсивной природы загадка реализует не только прямое значение. В загадываемой части у лексемы *хлеб* формируются коннотативные значения, призванные сформировать образное представление об объекте загадывания.

Так, анализ контекста лексемы в образной части загадки показывает, что слово *хлеб* включается в процесс метафоризации и на этом основании приобретает новые значения. Например, в загадке (1306) *Хлеб на углу избы лежит, а в хлебе крыса сидит (Беременная женщина) хлеб* реализует соматическое значение (от греч. *sōta* — ‘тело’), так как лексемой обозначен большой круглый живот беременной женщины. Формирование

переносного значения связано с несущественными признаками, которые по своей семантической природе являются ассоциативными для основного значения слова, но при переносе «оказываются семантическим ядром» [Апресян 1995: 160] слова. Будучи несущественными, они в то же время многократно проявляют себя в языке, образуя коннотации [Там же], то есть дополнительные, сопутствующие значения. В данном случае перенос формируется на основе ассоциативного признака 'форма и размер хлеба', однако признать его случайным для фольклорной картины мира нельзя, так как он обусловлен культурологически. Внешний признак хлеба переносится на внешний облик беременной женщины, потому что хлеб традиционно был символом плодородия и одновременно «сугубо женским делом» [Толстая 2012: 412]. В русском фольклоре именно хлеб используется для описания беременности [Глянц, Пименова, Потапенко 2017: 33], и загадка является еще одним доказательством этого факта.

Метафорический тип переноса 'часть хлеба — небесное светило', формирующий коннотативное значение, основывается на сходстве формы и цвета краюшки хлеба и месяца. Подобное развитие значения лексемы *хлеб* присутствует в целом ряде загадок. (99) *Над бабушкиной избушкой висит хлеба краюшка, Собаки лают, достать не могут (Месяц)*; (100) *За бабушкиной клетушкой висит хлеба краюшка (Месяц)*.

Примечательно, что в некоторых паремиях проявление ассоциативного значения лексемы *хлеб* обусловлено не отдельным компонентом загадываемой части, а образной ситуацией.

Например, в загадке (56) *Раскину я рогожку, насыплю горошку, Поставлю квасу кадушку, положу хлеба краюшку (Небо, звезды, месяц, дождь)* лексема *хлеб* в сочетании со словом *краюшка* представляет собой кулинарный код, благодаря которому шифруется представление о месяце. Сходство формы двух объектов — месяца и ломтя хлеба, отрезанного от края каравая, а также цветовая схожесть лежат в основе метафоры *хлеба краюшка — месяц*. Однако представление о загадываемом объекте рождается не из отдельного образа, а из всей представленной картины, в которую включена *рогожка*. Именно соединение двух образов — хлеба и скатерти — важно для реализации коннотативных значений 'месяц' и 'небо'. Причем подобное соединение детерминировано культурологически, так как «никогда буханку не клали на голый стол без скатерти» [Хлебные традиции].

Таким образом, полисемия лексемы *хлеб* имеет большое значение для содержательного и структурного формирования загадки как жанра паремии. Используемое в обеих структурных частях, слово реализует различные лексико-семантические варианты, зафиксированные в лексико-графической практике. Это позволяет охватить разные стороны русской жизни, в первую очередь те, что связаны с хлебным производством в крестьянском быту.

В ответной части загадка разграничивает главный и второстепенные смыслы лексемы *хлеб*, что определяет синтаксическую модель описания исходного образа. В загадываемой части употребление многозначного слова *хлеб* направлено на выполнение разнообразных функций, необходимых для осуществления игровой коммуникации. Важно и то, что включение в текст паремии слова *хлеб* во всем спектре его значений имеет культурологическое основание.

Источники

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989. 447 с.

Митрофанова В. В. (сост.). Загадки. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1968. 256 с.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.

Глянц М., Пименова М. А., Потапенко В. В. Роль русской печи в жизни восточных славян // Национальные приоритеты России. 2017. № 5 (27). С. 30–36.

Голованова Е. И., Голованов И. А., Казачук И. Г. Языковая картина мира vs. фольклорная картина мира: точки соприкосновения и различий // Научный диалог. 2016. № 8 (56). С. 34–45.

Ковшова М. Л., Орлова О. С. К вопросу о семантической структуре загадки: когнитивный и культурологический комментарий как принцип исследования // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 4 (4). С. 70–79.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Ляпин Д. А. Путешествия в прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. Кемерово: Азия-Принт, 2014. 144 с.

Новиков Л. А. Семантическая структура слова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 455–457.

Солдаева А. А. Интертекстуальность русской традиционной загадки: лингвистический аспект: автореф. дис... канд. филол. наук. СПб., 2018. 25 с.

Толстая С. М. Хлеб // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. Т. 5. С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 412–421.

Хлебные традиции – Хлебные традиции и обычаи Славян [Электронный ресурс]. URL: <https://sladik.net/prokhlieb/prokhlieb-traditsii-slavyan.php> (дата обращения: 27.08.2024).

Шмелев Д. Н. Полисемия // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательский дом «Дрофа», 1997. С. 352.

References

- Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Volume II. Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, Shcool "Yazyki Slavianskoi Kul'tury" Publ., 1995. 767 p.
- Glyants M., Pimenova M. A., Potapenko V. V. [The role of the Russian stove in the life of the Eastern Slavs]. *Natsional'nye priority Rossii*, 2017, no. 5 (27), pp. 30–36. (In Russ.)
- Golovanova E. I., Golovanov I. A., Kazachuk I. G. [Language picture of the world vs. folklore picture of the world: points of common ground and differences]. *Nauchnyi dialog*, 2016, no. 8 (56), pp. 34–45. (In Russ.)
- Khlebnye traditsii – Khlebnye traditsii i obychai Slavyan* [Bread traditions – Bread traditions and customs of the Slavs]. Available at: <https://sladik.net/prokhlebl/prokhlebl-traditsii-slavyan.php> (accessed: 27.08.2024).
- Kovshova M. L., Orlova O. S. [On the question of the semantic structure of the riddle: cognitive and cultural commentary as a principle of research]. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie*, 2020, no. 4 (4), pp. 70–79. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Big dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lyapin D. A. *Puteshestviya v proshloe: ocherki etnografii Verkhnego Podon'ya* [Travels to the past: essays on the ethnography of the Upper Don region]. Kemerovo, Asia-Print Publ., 2014. 144 p.
- Novikov L. A. [Semantic structure of a word]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", Drofa Publ., 1997, pp. 455–457. (In Russ.)
- Shmelev D. N. [Polysemy]. *Russkii yazyk: Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. Moscow, Scientific publishing house "Great Russian Encyclopedia", Drofa Publ., 1997, p. 352. (In Russ.)
- Soldaeva A. A. *Intertekstual'nost' russkoi traditsionnoi zagadki: lingvisticheskiy aspekt*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Intertextuality of the Russian traditional riddle: linguistic aspect. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2018. 25 p.
- Tolstaya S. M. [Bread]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. V. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2012, pp. 412–421. (In Russ.)

Научные термины в составе компаративных тропов современной русской прозы

Наталья Анатольевна Николина¹, Зоя Юрьевна Петрова²,
Наталья Александровна Фатеева³, Московский педагогический государственный
университет (Россия, Москва)¹, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва)^{2,3},
admin@riash.ru¹, zoyap@mail.ru², nafata@rambler.ru³

DOI: 10.31857/S0131611724050081

аннотация: Для современной русской прозы характерно активное использование научных терминов из разных областей знания. Эти термины выступают в качестве образов сравнения компаративных тропов, которые отмечены стилистическим выдвиганием, так как содержат новую информацию для адресата. Под компаративными тропами понимаются метафоры и сравнения разных структурных типов. Цель нашей работы — проанализировать использование научных терминов в составе компаративных конструкций и определить их функции в текстах современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Иличевского, А. Матвеевой, В. Пелевина, Д. Рубиной, А. Сальникова, О. Славниковой, М. Степновой, О. Васякиной и др. В статье рассматриваются термины, представляющие разные области науки: физики, химии, математики, медицины, биологии, физиологии, лингвистики, литературоведения, искусствоведения, информатики. Наиболее активны в компаративных тропах современной прозы биологические, медицинские, физические и компьютерные термины. Их продуктивность связана с бурным развитием этих областей знания и их ролью в современном обществе. По своей частеречной принадлежности большинство из них являются субстантивами. Термины в составе компаративных тропов подвергаются

детерминологизации. В современных прозаических текстах термины часто имеют распространители, которые уточняют, конкретизируют или модифицируют образ сравнения. Термины в составе тропов выполняют ряд функций: функцию образной характеристики лица, предмета или явления, оценочную функцию, текстообразующую и концептуализирующую функции. Научные термины в составе метафор и сравнений пополняют и обновляют состав тропов художественной речи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компаративный троп, метафора, сравнение, научный термин, стилистическое выдвигание, детерминологизация, современная русская проза

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Научные термины в составе компаративных тропов современной русской прозы // Русская речь. 2024. № 5. С. 96–107. DOI: 10.31857/S0131611724050081.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

The Language of Fiction

Scientific Terms as a Part of Comparative Tropes of Modern Russian Prose

Natalya A. Nikolina¹, Zoya Yu. Petrova², Natalia A. Fateeva³, Moscow Pedagogical State University (Russia, Moscow)¹, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)^{2,3}, admin@riash.ru¹, zoyap@mail.ru², nafata@rambler.ru³

ABSTRACT: Modern Russian prose is characterized by the active use of scientific terms from different fields of knowledge, which act as images of comparison for comparative tropes. Such tropes are marked by stylistic emphasis, as they contain new information for the addressee. Comparative tropes are defined as metaphors and similes of various structural types. The purpose of our work is to analyze the use of scientific terms as images of comparison

for comparative constructions and determine their functions in the texts of modern Russian prose. The material for the study is the works of E. Vodolazkin, A. Ivanov, A. Ilichevsky, A. Matveeva, V. Pelevin, D. Rubina, A. Salnikova, O. Slavnikova, M. Stepnova, O. Vasyakina and others. The article discusses terms in tropes representing different fields of science: physics, chemistry, mathematics, medicine, biology, physiology, linguistics, literary criticism, art history, and computer science. The most active in the comparative tropes of modern prose are biological, medical, physical and computer terms. The productivity of these terms is associated with the rapid development of these areas of knowledge and their role in modern society. Regarding parts of speech, most of them are substantives. By metaphorizing, terms are subject to determinologization. In prose texts, terms often have distributors that clarify, specify or modify the image of comparison. In modern prose, scientific terms as part of tropes perform a number of functions: the function of figurative characteristics of a person, object or phenomenon, the evaluative function, the text-forming and conceptualizing functions. Scientific terms as part of metaphors and similes replenish and update the literature language.

KEYWORDS: comparative trope, metaphor, simile, scientific term, stylistic emphasis, determinologization, modern Russian prose

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Scientific Terms as a Part of Comparative Tropes of Modern Russian Prose. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 5. Pp. 96–107. DOI: 10.31857/S0131611724050081.

ACKNOWLEDGEMENT: The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00060 “Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose”.

В языке современной русской прозы широко используются лексические средства разных функциональных разновидностей русского литературного языка: разговорной речи, официально-делового, публицистического и научного стилей. В последние десятилетия заметно активизировалось употребление в художественных текстах научных терминов. «Бурное развитие науки и техники ведет к проникновению терминов во все сферы человеческой деятельности, даже в те из них, где само существование терминов еще относительно недавно представлялось практически невозможным или воспринималось как крайне нехарактерное. Одной из

таких сфер является современная художественная литература» [Самохина 2011: 167]. Хотя традиционно считалось, что термины не характерны для языка художественной литературы, они тем не менее встречаются уже в текстах XIX в., в частности в прозе А. И. Герцена и М. Е. Салтыкова-Щедрина. В современной же художественной речи научные термины явно активизировались и в поэзии, и в прозе. Как отмечает Е. Е. Барина, «процесс заимствования научных элементов в поэтическую словесность вряд ли нуждается в оправдании — по своей природе художественный дискурс полистилистичен, и в нем могут быть синтезированы самые различные языковые средства» [Барина 2011: 197]. Использование научных терминов и их функции в художественной речи неоднократно рассматривались в работах лингвистов [Барина 2011, Жидкова 2008, Панаева 2005, Разоренов 2006, Самохина 2011; Немыка, Пешков 2015 и др.], однако не исследовано функционирование этих терминов в составе метафор и сравнений. Изучение их позволяет выявить образный потенциал научной лексики, показать обновление репертуара тропов, рассмотреть семантические преобразования терминов в художественном тексте.

Цель работы — проанализировать использование научных терминов в качестве образов сравнения компаративных конструкций и определить их функции в текстах современной русской прозы. Материалом для исследования служат произведения Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Иличевского, А. Матвеевой, В. Пелевина, Д. Рубиной, А. Сальникова, О. Славниковой, М. Степновой, О. Васякиной и др. В ряде случаев использовались контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Под компаративными конструкциями в работе понимаются метафоры и образные сравнения разных структурных типов. Они включают конструкции метафорического переназывания, конструкции отождествления, генитивные метафоры, сравнения-приложения, конструкции с творительным сравнения, сравнения с союзами (*как, словно, будто, точно*), предикатами сравнения (*быть похожим, напоминать, выглядеть как* и пр.) и некоторые другие конструкции¹.

Термин в нашей работе определяется как «языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами и т. п.), выражающий понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию (толкование, объяснение), на которую сознательно ориентируются использующие этот языковой знак» [Шелов 2010: 796].

¹ «Компаративная конструкция» и «компаративный троп» (термин Н. А. Кожевниковой) рассматриваются в работе как синонимы. Основные элементы семантики компаративного тропа — предмет сравнения (то, что сравнивается с чем-л.), образ сравнения (то, с чем сравнивается что-л.), основные сравнения.

Многие термины в русском языке уже развили переносное значение, которое фиксируется словарями, см., например, такие термины, как *вакуум*, *квант*, *алгоритм*, *вектор*, *аллергия*, *атавизм* и др. Такие термины, используемые в художественном тексте, можно рассматривать как общеязыковые метафоры и сравнения: «Но на нее нашло какое-то страшное опустошение, в голове *вакуум*, значит, правда, она пустышка — и уже все об этом знают...» (А. Соловей. Быстрое течение. Коломна), «Окающий бизнесмен Дулов словно бы недоговаривал, но его желания (как световые *кванты*) тут же улавливались сидящим рядом высоколобым Толей» (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени), «Макса как ударило, с тех пор у него *аллергия* на женщин» (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма новорожденному сыну).

Одновременно в современной художественной прозе в тропах встречаются термины, переносное значение которых не отмечается в лексикографических источниках²: «Нинкин день рождения, мы вошли в комнату, стоим в дверях и никого-то из этой компании не знаем; бородатые походники, химики-технологи, их жены и дети; стол от двери до окна; цветы от восьмого числа, помноженные на цветы от десятого, плюс зеркальный шкаф, сколы, грани хрусталя, итого *эн факториал*» (Е. Завершнева. Высотка), «Хорошая импортная косметика — укромный, приватный космос одинокого пожилого человека, который посторонние взгляды пронизывают временами на манер *гамма-излучения*» (С. Болмат. Сами по себе).

Значение термина, выступающего в качестве образа сравнения, трансформируется. Например, в контексте из произведения Т. Соломатиной «Большая собака, или “Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом”» используется физический термин *кварк*: «Если вы немножечко ребёнок, чуть-чуть собака или хотя бы на *кварк* автор — вы сразу всё будете знать без моих непонятных вербальных объяснений». В прямом значении *кварк* — ‘бесструктурная элементарная частица’, т. е. ‘мельчайшая частица материи’. В приведенном контексте актуализируется сема ‘минимальный, мельчайший’, при этом нейтрализуются остальные семантические компоненты, относящиеся к области ядерной физики.

В текстах современной русской прозы в составе компаративных тропов регулярно используются термины, представляющие разные области науки. Это:

- физика: «Мысль похожа на *электрон*, который измеряют Шредингер, Бор и Хайзенберг» (А. Иличевский. Перс), «Сказанное слово может размножаться в человеческой среде как живое, по сути дела слово —

² Проверка проводилась по данным сайта Словари.ру.

- это как *квант* света, имеет сразу несколько сущностей, только свет может иметь *корпускулярную и волновую сущность* одновременно» (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него);
- химия: «Там, где она только что была, на тонкой облачной *амальгаме* образовалось слепящее пятно» (О. Славникова. 2017), «И к востоку концентрация этой синевы возрастала до глубокой черноты, в которой загорелись звезды, словно от неимоверного давления в ней начался процесс *кристаллизации*» (А. Иванов. Географ глобус пропил);
 - математика: «Мать и в сорок девять умудрялась быть поджарой, Ба уютно растекалась *по оси абсцисс*» (С. Павлова. Голод), «Я спала на *гипотенузе* девятиметровой комнаты, а на *катетах* спали тетя и ее домработница» (Г. Щербакова. Митина любовь), «Послушает Анюту и опять возвращается, играет с Катькой — шея прогибается *интегралом*» (Т. Набатникова. День рождения кошки);
 - медицина: «У дяди Миши в *anamnese* были красный диплом политехнического института, кандидатская степень и кой-какие научные разработки» (Н. Абгарян. Всё о Манюне), «— Что там у нас на десерт... *Анемия совести*» (М. Милованов. Рынок тщеславия);
 - биология, физиология: «Представим себе давным-давно впавший в *анабиоз*, принципиально безбурный, занудный, большей частью дождливый кальвинистский городок» (М. Палей. Хор), «Она как уязвимый *сегмент трофической цепи* была призвана участвовать в чужих отношениях <...> Но, глядя в ее огромные коричневые глаза, я вижу в них что-то, что не вписывается в семейный *метаболизм*» (О. Васякина. Роза);
 - лингвистика: «Нас носило мортмассой сухой листвы <...> как *лексемы из словарей устаревших слов*» (А. Петрова. Аппендикс), «И вот она сидела у меня на подоконнике и казалась мне такой несчастной, постаревшей девочкой, что я решила ее отвлечь и рассказала про Олега. Конечно, немного сгустила краски. Страдательный *падеж* — в целом не мое амплуа, я всегда предпочитала *творительный*, но как хорошая подруга намеренно преувеличила: мол, мы с тобой одной крови, обе обездолены и ранены, и вынуждены проводить воскресенья в одиночестве» (М. Романова. Дневник Саши Кашеваровой);
 - литературоведение: «Глубоко, как *гекзаметр* Гомера, дышала арфа» (И. Полянская. Жизель); «Собьешь поезд с ходу своим дурацким *пеаном* — добавят срок, потому что наше начальство любит, чтобы поезда лупили чистым *хореем*» (Ю. Буйда. Щина);
 - искусствоведение: «— Правильно, — мягко проговорил Кордовин, положив ладонь на руку старика на столе: сухую и теплую, как сосновая кора на закате солнца, как ломкий *кракелюр* на старом холсте»

- (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы), «Разглядывая *дюз* решеток, <...> я размышляю о собственной судьбе» (С. Филипенко. Кремулятор);
- информатика: «Я бы сказала, что это [изменения при медитации] похоже на *переформатирование винчестера* — все мысли и гештальты, всплывающие из подсознания в эту допаминово-электрическую дрожь, просто стираются или серьезно ослабляются» (В. Пелевин. Непобедимое солнце), «Обложили, бежать из дома, но тут же обнаружилось, что ему все же хотелось увидеть... Мотю — только в *ангрейд-версии*» (М. Кучерская. Тетя Мотя).

Как показывает наш материал, наиболее активны в компаративных тропях современной прозы биологические, медицинские, физические и компьютерные термины. Продуктивность этих терминов связана с бурным развитием этих областей знания и их ролью в современном обществе.

Научные термины в составе метафор и сравнений пополняют и обновляют состав тропов художественной речи. Использование научных терминов в составе компаративных тропов предполагает имеющиеся у читателя знания о различных областях науки, при этом основанием для сравнения могут служить:

- внешнее сходство: «Тогда и были куплены два одинаковых атласа города, <...> с напоминающей *сложную органическую молекулу* схемой метро» (О. Славникова. 2017), «А потом Линдт наконец завис на несколько минут над какой-то неслыханной формулой, больше похожей на сложное насекомое, ощетилившееся десятком хищных *педипальп* и *хелицер*» (М. Степнова. Женщины Лазаря);
- свойства отражаемого в терминах материального мира и процессы, происходящие в нем: «В груди все что-то трепетало, болталось, никак не устаканиваясь, что-то изнутри било и язвило <...> *Как будто вращался вокруг сердечного ядра по блуждающей орбите колкий электрон*, который так же неисчерпаем, как и невидим» (В. Богданов. Жизнь не должна закончиться), «Ребенок в ней от женщины неотделим, как... как *кислород от водорода в составе ключевой воды*» (С. Самсонов. Кислородный предел).

Отличительной особенностью современной русской прозы является последовательное отсутствие пояснений и толкований используемых терминов (даже редких и узкоспециальных), что требует от читателя дополнительных усилий для понимания контекста. В редких случаях в контексте приводятся сведения, раскрывающие основания сравнения: «Женщина — существо удивительное. Природа ее двойственна, как

у *электрона*: с одной стороны — это *частица*, а с другой стороны — *волна*» (Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем).

Термины-метафоры в современной прозе утрачивают характеристики, присущие им в научном стиле: теряют однозначность, часть семантических компонентов, связанных с понятийной областью науки, и таким образом подвергаются детерминологизации, при которой происходит «смещение смысла в сторону его расширения за счет переносного употребления» [Валгина 2003: 107].

Научные термины в современных прозаических текстах выполняют эстетическую функцию, служа для создания образной характеристики изображаемых лиц, предметов, явлений, ситуаций. Чаще всего они характеризуют персонажей литературного произведения (их внешность, физическое состояние, чувства, мысли и особенности поведения): «Отец Григорий, когда начинает волноваться, из всякой мелочи выкладывает на аналое таблицу Менделеева. Он вообще на *ион кислорода* похож, когда в хорошем настроении» (Н. Черных. Мелкая сошка), «Профессор Шишков похудел, от разговоров о перспективах решительно уходил, жесты и мимика его напоминали *ленту Мебиуса*» (О. Славникова. Бессмертный), «Колено ощущалось каким-то *пульсаром*, множащим и множащим боль» (В. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко), «Он и с самого начала своих подземных гастролей приучал себя к нечувствительности, но получалось не совсем, и только теперь он дошел до полной *анестезии* к посторонним мнениям» (М. Чулаки. Новый аттракцион), «Вдруг мысли Леры встали дыбом, как *железные опилки на магните*: “Да он ведь просто псих!”» (П. Крусанов. Волосатая сутра. Мойка, 48).

Научные термины, преимущественно из области биологии и медицины, также характеризуют социальную среду и жизнь общества: «Империя впадала в *паралич* от собственной же секретности и покрылась пролежнями» (В. Скворцов. Каникулы вне закона), «Представим себе давным-давно ввавший в *анабиоз*, принципиально безбурный, занудный, большей частью дождливый кальвинистский городок» (М. Палей. Хор), «Как в крови вырабатываются *антитела*, так и в социуме для борьбы со всем чужеродным предусмотрены свои механизмы» (И. Наумов. Обмен заложниками).

Кроме того, научные термины, входящие в состав тропов, в современной прозе используются для описания природы: «ветер выдувал его [тепло] в безбрежный степной океан, пронизывая тела насквозь подобно *рентгеновским лучам*» (А. Кожейкин. Пятое колесо), «Когда я вышел из музея, то на улице Октябрьской, той самой, на которой стоит здание музея, шел дождь. Бесконечный, как *лента Мёбиуса*» (М. Бару. Замок с музыкой).

Термины в составе компаративных тропов в современной прозе часто сопровождаются распространителями разных структурных типов³, которые конкретизируют, уточняют и модифицируют образ сравнения. Они чаще всего представлены определениями (согласованными и несогласованными). Распространители могут создавать узковидовые термины (иногда даже включающие формулы) или преобразовывать термин в семантическом плане, ср. «Но объектив камер испаряет мою красоту. Жизнь моя летуча, как *молекулярные слои C₂H₅OH*, пусть даже и разбавленного до сорокапроцентной потребительской нормы» (Т. Соломатина. Мой одесский язык) — «Старомосковские улочки, забитые припаркованными автомобилями, — для города то же, что *истонченные склеротические артерии, закупоренные блясками*» (С. Данилюк. Рублевая зона). Распространители образа сравнения нередко включают имена собственные, прежде всего фамилии ученых: «“Уж не бутерброды ли?” — подумал он, вспомнив *торричеллиеву пустоту* прилавок привокзального продмага» (М. Окунь. Колечки), «Ба стояла на пороге нашей квартиры, <...> и даже свисающая с локтя сумка, вопреки своему обычно флегматичному поведению, качалась, словно заправский *маятник Фуко*, туда-сюда» (Н. Абгарян. Всё о Манюне).

Научные термины в тропах, используемых в современных прозаических текстах, могут образовывать оппозиции. См., например: «Я <...> долго думала о его словах, в которых мне виделась какая-то простая *высшая математика* по сравнению с запутанной *арифметикой* моей жизни...» (Е. Белкина. От любви до ненависти), «Сама композиция рассказа может быть не *по Евклиду*, а *по Лобачевскому*. У Евклида параллельные не пересекаются, а у Лобачевского сойдутся и пересекутся. Искусство всегда должно стремиться к неевклидовой логике» (Д. Каралис. Автопортрет).

Научные термины в компаративных тропах, используемые в современной прозе, полифункциональны. Во многих произведениях они участвуют в создании образа персонажа. Так, в романе Д. Рубиной «Белая голубка Кордовы» главный герой Кордовин — художник. Образные характеристики в его речи или речи повествователя, отражающей точку зрения Кордовина, содержат термины изобразительного искусства: «— Понимаешь, когда женщина чуток набирает весу, ее грудь становится благостней, щедрее... улыбчивей. И цвет кожи меняется. Нежный слой подкожного жира дает телу более благородный, перламутровый оттенок. Возникает такая... ммм... прозрачность *лессировок*, понимаешь?», «— Правильно, — мягко проговорил Кордовин, положив ладонь на руку старика на столе: сухую и теплую, как сосновая кора на закате солнца, как ломкий *кракелюр*

³ Под распространителями понимаются слова и словосочетания, сопровождающие обозначения образов сравнения в составе компаративных конструкций.

на старом холсте», «Оставалось только закруглить еще одно дело, сюжет которого он выстраивал и разрабатывал (*виньетки* деталей, *арабески* подробностей) — вот уже три года».

Термины в составе компаративных тропов в современной прозе могут выступать и в оценочной функции: «Школе свойственно сознание *эпилептоида*. Эпилептоиду нужно показывать силу силой» (С. Олонцева. Дислексия), «Заводы, знаменитые своей пролетарской несокрушимостью, первыми впали в хроническую *дистрофию*» (И. Сахновский. Человек, который знал все), «Голос замерз в моем горле, руку сковал *паралич* воли» (А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну).

Научные термины также нередко выполняют текстообразующую и концептуализирующую функцию в тексте. Например, в романе Е. Водолазкина «Брисбен» музыкальные термины играют конструктивную роль в создании текста всего произведения [Николина, Петрова 2021]. Концептуализирующая функция научных терминов особенно ярко проявляется в позиции заглавия. Так, в романе С. Олонцовой «Дислексия» термин-заглавие служит концентрацией содержания всего произведения. Интересно, что в основном тексте произведения это слово не упоминается. В позиции же заглавия оно объединяет образ сравнения 'нарушение способности к овладению навыками письма и чтения при сохранении общей способности к обучению' и предмет сравнения, который максимально расширяется. Это заглавие символизирует аномалию в жизни современной школы и современной провинции. Кроме того, с точки зрения автора, заглавие имеет и другое значение: «Это метафора любого письма: при переводе мысли в речь, а речи в письмо всегда остается *гар*. Несоответствие, искажение, пустоты, невозможность поставить слова в идеальном порядке, они пляшут и не слушаются. Мне кажется, у нас у всех дислексия в той или иной степени» [Олонцева — электронный ресурс].

Итак, для современной русской прозы характерно активное использование научных терминов из разных областей знания, которые выступают в качестве образов сравнения компаративных тропов. Такие тропы характеризуются стилистическим выдвиганием, так как содержат новую информацию для адресата. По своей частеречной принадлежности большинство из них являются субстантивами. Прилагательные и глаголы представлены единичными примерами (*размагничиваться*, *сверхпроводимый*). В прозаических текстах термины часто имеют распространители, которые уточняют, конкретизируют или модифицируют образ сравнения. В современной прозе научные термины в составе тропов выполняют ряд функций: функцию образной характеристики лица, предмета или явления, оценочную функцию, текстообразующую и концептуализирующую функции.

Литература

- Баринова Е. Е. Научный термин в современной художественной литературе (А. Битов, Н. Байтов, Л. Улицкая⁴) // Критика и семиотика. 2011. Вып. 15. С. 197–207.
- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
- Жидкова Ю. Б. Функционирование медицинской терминологии в художественных произведениях русских писателей XIX – начала XXI веков (на материале прозы А. П. Чехова, В. В. Вересаева, М. А. Булгакова, Ю. П. Германа, В. П. Аксенова, Л. Е. Улицкой). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 25 с.
- Немыка А. А., Пешков А. А. Термины в языке художественной литературы: теоретический, функциональный и лингводидактический аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 2. С. 250–253.
- Николина Н. А., Петрова З. Ю. Образное поле «Музыка» в романе Е. Водолазкина «Брисбен» // Русская речь. 2021. № 4. С. 108–119.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.03.2024).
- Олонцева С. Это был мой способ выжить. Интервью со С. Олонцовой [Электронный ресурс]. URL: https://polyandria.ru/noage/articles/eto_byl_moy_sposob_vyzhit_intervyu_so_svetlanoy_olontsevoy/?ysclid=lt8pmyi0i1174664365 (дата обращения: 01.03.2024).
- Панаева Е. В. Функции специальной лексики в художественном тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук (на материале произведений М. А. Булгакова). М., 2005. 25 с.
- Разоренов Д. А. Термин в современном художественном произведении (на материале английского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.
- Самохина А. А. Теоретические аспекты функционирования термина в художественном тексте // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. № 4. Т. 1. Филология. СПб., 2011. С. 167–176.
- Шелов С. Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 795–799.

References

- Barinova E. E. [Scientific term in modern fiction (A. Bitov, N. Baytov, L. Ulitskaya)]. *Kritika i semiotika*, 2011, no. 15, pp. 197–207. (In Russ.)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 01.03.2024).

⁴ Признана Минюстом иноагентом.

- Nemyka A. A., Peshkov A. A. [Terms in the language of fiction: theoretical, functional and linguodidactic aspects]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2015, vol. 7, no. 5, part 2, pp. 250–253. (In Russ.)
- Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. [The figurative field “Music” in E. Vodolazkin’s novel “Brisbane”]. *Russkaya rech'*, 2021, no. 4, pp. 108–119. (In Russ.)
- Olontseva S. *Eto byl moi sposob vyzhit'. Interv'yu so S. Olontsevoi* [This was my way to survive. Interview with S. Olontseva]. Available at: https://polyandria.ru/noage/articles/eto_byl_moy_sposob_vyzhit_intervyu_so_svetlanoy_olontsevoy/?ysclid=lt8pmyi0i1174664365 (accessed: 01.03.2024).
- Panaeva E. V. *Funktsii spetsial'noi leksiki v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenii M. A. Bulgakova)*. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Functions of special vocabulary in literary text (based on the works of M. A. Bulgakov). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005. 25 p.
- Raznov D. A. *Termin v sovremennom khudozhestvennom proizvedenii (na materiale angliiskogo yazyka)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Term in a modern literary work (based on the English language). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2006. 25 p.
- Samokhina A. A. [Theoretical aspects of the functioning of a term in a literary text]. *Vestnik Leningradskogo gos. un-ta im. A. S. Pushkina*, no. 4, vol. 1. Filologiya. St. Petersburg, 2011, pp. 167–176. (In Russ.)
- Shelov S. D. [Once again about the definition of the concept of “term”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2010, no. 4 (2), pp. 795–799. (In Russ.)
- Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom yazyke: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Active processes in modern Russian: A textbook for university students]. Moscow, Logos Publ., 2003. 304 p.
- Zhidkova Yu. B. *Funktsionirovanie meditsinskoj terminologii v khudozhestvennykh proizvedeniyakh russkikh pisatelei XIX – nachala XXI vekov (na materiale prozy A. P. Chekhova, V. V. Veresaeva, M. A. Bulgakova, Yu. P. Germana, V. P. Aksenova, L. E. Ulitskoi)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Functioning of medical terminology in the literary works of Russian writers of the 19th – early 21st centuries (based on the prose of A. P. Chekhov, V. V. Veresaev, M. A. Bulgakov, Yu. P. German, V. P. Aksenov, L. E. Ulitskaya). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2008. 25 p.

Язык художественной литературы

«Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И. А. Бунина-поэта

Ольга Александровна Селеменова, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Россия, Елец), ol.selemeneva2011@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050095

аннотация: В статье рассматривается вопрос проявления мультимифологизма как характерной черты художественного мировоззрения И. А. Бунина на уровне индивидуально-авторского поэтического мифонимикона. Выявленные проприальные единицы отсылают к персонажам (богам, волшебникам, героям, фантастическим птицам и животным), локусам, волшебным предметам из мифологий древних греков и римлян, шумеров и аккадцев, индийцев и иранцев, а также египтян, скандинавов, славян. Отмечено, что организация звукового строя поэтической речи И. А. Бунина обеспечивается регулярными графикофонетическими трансформациями мифонимов, а уникальность ономастического кода его лирических текстов создается включением особых мифонимов-билексем, онимизированных апеллативов, мифологических имен с низким уровнем прецедентности, окказиональных единиц. Установлено, что И. А. Бунин подчиняет традиционные сакральные генеалогии индивидуально-авторской картине мира, сопрягает и одновременно использует для экспликации философско-символического подтекста стихотворений, репрезентации ключевых мотивов, бинарных оппозиций мифонимы, принадлежащие разным национальным

мифологическим ономастиконам. Автор приходит к выводу, что все лексические единицы бунинского поэтического мифонимикона связаны единой мировоззренческой установкой, направленной, с одной стороны, на преодоление автономности культурных миров, с другой — на сохранение культурного плюрализма.

ключевые слова: поэзия И. А. Бунина, этнические мифы, ономастикон, мифоним, семантика, текстовые связи

для цитирования: Селеменова О. А. «Я жажду жить и живу... тысячами чужих жизней»: мультимифологизм в ономастическом коде И. А. Бунина-поэта // Русская речь. 2024. № 5. С. 108–118. DOI: 10.31857/S0131611724050095.

The Language of Fiction

“I Desire to Live and Live... Thousands of Other Lives”: Multimythologism in I. A. Bunin’s Onomastic Code

Olga A. Selemeneva, Bunin Yelets State University (Russia, Yelets), oL.selemeneva2011@yandex.ru

ABSTRACT: The article considers the manifestation of multimythologism as a characteristic feature of I. A. Bunin’s artistic worldview at the level of the individual author’s poetic mythonymicon. The paper identifies lexical units referring to the characters (gods, wizards, heroes, fantastic birds and animals), places, magic objects of the mythologies of the ancient Greeks and Romans, Sumerians and Akkadians, Indians and Iranians, as well as Egyptians, Scandinavians and. It is noted that the organization of the sound system of I. A. Bunin’s poetic speech is provided by regular graphic-phonetic transformations of mythonyms, and the uniqueness of the onomastic code of his lyrical texts is created by the inclusion of special mythonym-bilexemes, onymized appellatives and mythological names with a low level

of precedent and occasional units. It is established that for explication of philosophical and symbolic subtexts, representation of key motives and binary oppositions I. A. Bunin subordinates traditional sacral genealogies to the author's individual picture of the world, matches and simultaneously uses mythonyms belonging to different national mythological onomasticons. The author comes to the conclusion that all the lexical units of Bunin's poetic mythonymicon are connected by a single ideological attitude, aimed, on the one hand, at overcoming the autonomy of cultural worlds, and on the other hand, at preserving cultural pluralism.

KEYWORDS: I. A. Bunin's poetry, ethnic myths, onomasticon, mythonym, semantics, textual connections

FOR CITATION: Selemenewa O. A. "I Desire to Live and Live... Thousands of Other Lives": Multimythologism in I. A. Bunin's Onomastic Code. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 5. Pp. 108–118. DOI: 10.31857/S0131611724050095.

Основой бунинского художественного видения, писательской техники служит целый комплекс характерных черт: предметная образительность, открытая медитативность, импрессионистичность, сила колористического чувства, особая эклектичность, контрастность. В этот ряд с полным правом можно включить нарочитое смешение образов и ценностно-смысловых идей различных религиозно-философских течений и национальных мифологий.

Неиссякаемый интерес к иным этническим культурам и жажда жить «прошлым всей истории всего человечества со всеми странами его» [Дубовиков, Макашин (ред.) 1973: 386] формировались у И. А. Бунина постепенно: первое знакомство со Священным Писанием в Елецкой мужской гимназии, потом — изучение «Жития святых православной церкви» И. Бухарева, древнееврейского Устного закона, Корана, буддийского канона Сутта-Нипата, трудов А. А. Олесницкого, К. фон Тишендорфа, Е. В. Барсова, путешествия в Алжир, Грецию, Италию, Египет, Палестину, Турцию, на Балканы, Цейлон и т. д. Синтез разновременных культурных пластов, ценностных доминант западной и восточной макрокультур обнаруживается в ономастическом пространстве художественных текстов писателя, особенно ярко проявляясь на уровне поэтического мифонимикона, что вполне закономерно, ведь именно поэтический текст делает акцент на

субъекте и особенностях его, индивидуально-авторского, видения мира. В нем онимы становятся теми ключевыми словами, которые обеспечивают и целостность текста, и реализацию «вертикальных» связей, и единство авторского голоса.

В научном издании лирики И. А. Бунина, осуществленном Т. М. Двинятиной в 2014 г. [Бунин 2014], нами было зафиксировано более 270 мифологических имен. Источником значительной их части наряду со священными текстами монотеистических и политеистических религий, славянским фольклором выступает мифологическое наследие разных этносов. Так, в художественной картине мира Бунина-поэта присутствуют мифологические имена, отсылающие к текстам греко-римских, индийских, иранских, древнеегипетских, германо-скандинавских, славянских и шумеро-аккадских мифов: *Анубис, Ваал, Геймдаль, Датар, Кассандра, Киприда, Ксисутрос, Митра, Нэбо, Перун, Посейдон, Ра, Сем, Сибилла, Феб* и др.

Мифонимы становятся явными доминантами языкового уровня и регулярно отмечаются в самой сильной позиции в структуре поэтического текста — заглавии: «Ормузд» (1904), «Агни» (1905), «Бальдер» (1906), «Истара» (1906), «Один» (1906), «Тезей» (1907), «Гальциона» (1908), «Конь Афины-Паллады» (1916), «Морфей» (1922) и др. Выступая интертекстуальными единицами, такие мифонимы отсылают либо сразу к конкретному претексту, либо к религиозно-мифологической традиции в целом. В первом случае знакомый читателю мифологический сюжет эксплицирован в основной части стихотворения, во втором — редуцирован. Например, составной мифохремотоним *Конь Афины-Паллады* в одноименном стихотворении как результат лексической субституции фраземы «*троянский конь*» служит указанием на конкретный финальный эпизод Троянской войны, когда ахейцы после длительной и безуспешной осады легендарного города-крепости прибегли к обману. У И. А. Бунина подробно изображается сцена восхищения даром данайцев: *Запели жрецы, распахнулись врата — восхищенный / Пал на колени народ: / Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый, / В солнечном блеске грядет* [Бунин 2014б: 155]. А вот другое мифологическое имя — теоним *Агни* — лишь отсылает к ведийской и индуистской мифологиям, где референтом имени выступал земной бог огня, посредник между богами и людьми [Токарев (гл. ред.) 1998а: 35]. В лирическом тексте конкретный мифологический сюжет не воспроизводится, а традиционный образ Агни, персонификации священного огня, сопрягается с образом бога, который поражал тьму: *Но мне легко: ты, Агни светлокрылый, / Спасешь меня, разъединишь со тьмой* [Бунин 2014а: 307]. Такая двойственность природы Агни характерна и для религиозных гимнов «Ригведы», в которых, с одной стороны, он ассоциировался с солярным богом, озаряющим все вокруг светом,

с другой — огнем жертвенного костра [Волошина 2013: 177–178]. В бунинском стихотворении теоним Агни распространяется постпозитивной атрибутивной словоформой «светлокрылый». В известном памятнике индийской литературы в качестве постоянных эпитетов верховного божества тоже использовались лексемы, содержащие сему ‘свет’ (jyotirāṇika — ‘светоликий’; svardrś — ‘подобный солнцу, светоносный’; viśvaśuc — ‘все озаряющий’ и др.), а цветовой код бога ведийского пантеона представал «в спектре блестящих, светлых, золотистых цветов» [Там же: 177, 181]. Так что здесь Бунин-поэт остается верен существующей мифологической традиции и транслирует читателю через языковую семантику уже имеющиеся культурные смыслы.

Для организации звукового строя художественной речи, выстраивания тех самых «вертикальных» связей стихотворений, которые создаются благодаря рифме, ритмическим вариациям метра, И. А. Бунин прибегает к различным графико-фонетическим трансформациям мифологических имен из национальных мифов. Например, в стихотворении «Потоп. Халдейские мифы» (1905) теоним *Роману́*, называющий бога атмосферных явлений в шумеро-аккадском пантеоне, используется вместо *Рамманъ*, обнаруживаемом в энциклопедическом словаре под редакцией К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского [Арсеньев, Петрушевский (ред.) 1899: 255]: *А утром / Поднялся вихрь — и тучи охватили / Из края в край всю землю. Роману / Гремел среди небес. Нэбо и Сарру / Согласно надвигались по долинам...* [Бунин 2014а: 286]. Именно такой графико-фонетический вариант мифонима помогает в создании рифмы (*Роману́ — Сарру́*) и выражает, вероятно, те самые «минорные» тоники (O + Y), которые, хотя и незначительно, но преобладают в эмоциональном фоне бунинской поэзии вследствие наличия тем одиночества и смерти [Павлюченкова 2011: 13]. В другом стихотворении — «Эльбурс. Иранский миф» (1905) — *Язатов*, добрых помощников верховного зороастрийского бога Ахурамазды [Токарев (гл. ред.) 1998б: 681], И. А. Бунин именует *Иазатами*, тем самым максимально сближая написание мифонима с произношением. Звуковой повтор в мифологическом имени гласного А служит иллюстрацией тезиса об индивидуально-авторской цветовой символике звука у Бунина-поэта [Павлюченкова 2011: 16]. Звук А относят к «красным», а Язаты в зороастрийском пантеоне как раз были в основном связаны с небесным огнем, пламенем. В целом в художественной картине мира Бунина-поэта подобные примеры имен персонажей этнических мифологий, отличающихся своим графико-фонетическим обликом от зафиксированных в русскоязычных словарях, справочниках и энциклопедиях, не единичны: *Геймдалъ ← Хеймдалль, Истара ← Иштар, Хаду ← Хёд* и др. Большая часть таких мифонимов в языковых картинах мира других отечественных

авторов не встречается. Так, по данным основного подкорпуса НКРЯ, из перечисленных в приведенном выше ряду единиц обнаруживаем лишь *Истар* (без конечного *a*) у А. Белого, В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева.

Некоторые мифонимы бунинской картины мира настолько малоизвестны, что даже их референт невозможно однозначно определить. Например, в бунинском стихотворении 1907 г. «Каир» обнаруживаем мифоним *Anut*. НКРЯ и энциклопедические словари не дают соответствий. В комментариях, подготовленных Т. М. Двинятиной к научному собранию лирики И. А. Бунина, отмечается, что *Anut*, он же *Anuc*, — бог плодородия в древнеегипетской мифологии [Бунин 2014б: 377]. Однако в работах британского востоковеда У. Баджа мифоним *Anut* именуется иное божество — богиню-мать с телом гиппопотама, являющуюся союзницей бога ярости и разрушений: «Союзницей Сета была богиня Апит (гиппопотам)» [Бадж 2009: 200]. Поэтому полагаем, что Бунин-поэт сознательно выбрал для моделирования своей индивидуально-авторской картины мира, основой которой выступали традиционные бинарные онтологические, аксиологические и перцептивно-аксиологические оппозиции «жизнь — смерть», «добро — зло», «свет — тьма», мифоним *Anut* и не прибегал к трансформациям графико-фонетического облика другого проприального имени — *Anuc*.

Редкие для отечественного читателя мифонимы в языке поэзии И. А. Бунина — лишь одно из свидетельств его глубокого знания сюжетов и персонажей национальных мифологий. Ключевые идеи культовых мифов фиксируются в сложных мифонимах. Такие единицы представлены следующими моделями: «онимизированный апеллатив (имя нарицательное, перешедшее в контексте в имя собственное) + имя собственное» (мифонимы *Ястреб-Гор*, *Шакал-Анубис* в стихотворении «За гробом» (1906)) и «имя собственное + имя собственное» (*Ра-Озирис* в стихотворении «Ра-Озирис, владыкя дня и света...» (1905)). В первом случае апеллативы, входящие в состав сложных мифонимов, аккумулируют зооморфные представления о древнеегипетских богах и служат средством авторской оценки образа, а во втором — собственные имена *Ра* и *Озирис*, выступая как композитивное образование, фиксируют идею единственного бога. При устоявшемся мнении о политеизме древних египтян мысль почти кощунственная. Но именно здесь, называя «*владыкю дня и света*» Ра-Озирисом, И. А. Бунин оказывается фактологически точен. Уже упомянутый нами выше египтолог У. Бадж пишет: «Старый Гор, Ра и Осирис — это имена, которыми египтяне в разные периоды своей истории называли солнце. Именно солнце было их единственным богом, они всегда хранили ему верность и в этом смысле являлись настоящими монотеистами» [Бадж 2009: 16].

Фоновые знания И. А. Бунина о референтах мифонимов из разных источников обуславливают появление особых контекстуальных единиц в индивидуально-авторской картине мира. Например, простые контекстуальные имена *Свет*, *День*, *Огонь* и сложное *Владыка Света* замещают в стихотворении «Ормузд» (1904) имя верховного божества зороастрийского и ахеменидского пантеонов — *Ормузда*, а демононим *Тьма* — имя духа *Аримана*, воплощающего зло.

Единицы бунинского мифонимикона не существуют изолированно друг от друга. Они находятся в постоянном взаимодействии, которое определяется необходимостью подчинить представленную сакральную генеалогию мифологических персонажей, часто связанных семейно-родственными отношениями, индивидуально-авторской художественной картиной мира. Например, в стихотворениях «В сумраке утра проносится призрак Одина...» (1903), «Один» (1906), «Бальдер» (1906), «Геймдаль искал родник божественный...» (1906) обнаруживаем теонимы *Один*, *Бальдер*, *Хаду*, *Геймдаль*, *Локи* и мифоорнитоним *Хугин*, реализующие генеалогические связи и отсылающие к германо-скандинавским мифам. В мифах Один выступал верховным богом, побратимом Локи, отцом Бальдра (в лирике И. А. Бунина — Бальдера), Хёда, Хеймдалля, он скакал на восьминогом жеребце Слейпнире, а его спутниками были хтонические птицы Муни и Хугин. Хотя И. А. Бунин редуцирует скандинавские сюжеты, определенные традиции в изображении центральных образов все же сохраняются. Ведь блеснувший «в туманах Лохлина шлем золоченый» [Бунин 2014б: 27], плащ, меч и конь подчеркивают ипостась Одина-воина, а черный ворон — ипостась Одина-шамана, колдуна. Однако ворон этот, согласно мифам, должен носить имя Муни, а у Бунина-поэта он Хугин, «скорбной Памяти детище» [Там же: 27]. В контексте происходит явное смешение птиц мудрого владыки Асгарда — Мунина, «помнящего», и Хугина, «мыслящего». Так мифоорнитоним *Хугин* прямо, а теоним *Один* опосредованно становятся лексическими средствами экспликации мотива культурно-исторической памяти, выступающей онтологической основой всего творчества И. А. Бунина. Кроме этого, утверждаемое в скандинавской эсхатологии полярное противопоставление *Один* — *Локи* (о нем подробно пишет Е. М. Мелетинский, интерпретирующий скандинавские мифы [Мелетинский 1975]) у Бунина-поэта полностью снимается, а антагонистом темного *Локи* становится светлый *Бальдер*.

В художественной картине мира И. А. Бунина взаимодействуют мифонимы, принадлежащие не только одному национальному мифологическому ономастикону, но и разным. Подобное отмечается при репрезентации бинарных оппозиций, интегрирующих историко-философский, этнокультурный, субъективно-психологический и другие аспекты

стихотворного текста и отражающих авторское мировосприятие. Например, перцептивно-аксиологическая оппозиция «свет — тьма», которая у Бунина-поэта регулярно трансформируется в «огонь — тьма», представлена группой теонимов, принадлежащих к четырем пантеонам: скандинавскому (*Бальдер, Локи, Хаду*), древнеегипетскому (*Ра, Ра-Озирис, Сет*), иранскому (*Датар, Митра, Ормузд*) и индийскому (*Агни*). Теонимы объединяются, с одной стороны, семами 'хитрость', 'злокозненность', 'отсутствие света', 'дурное' (*Локи, Хаду, Сет*) при репрезентации правого члена указанной оппозиции, с другой — 'солнечный', 'возрождение', 'день', 'горение' (*Бальдер, Ра, Ра-Озирис, Митра, Ормузд, Агни, Датар*) при маркировании левого члена. При этом в контексте некоторые из них, вступая в синтагматические связи с другими словами, демонстрируют качественное изменение семантики с целью приспособления к индивидуально-авторской картине мира. Так, *Митра* (авест. *Miθra* — букв. «согласие», «договор») в древнеиранском пантеоне богов в своей первичной функции был связан с идеей мира, сотрудничества [Токарев (гл. ред.) 1998б: 154]. Однако в бунинском стихотворении «Эльбурс. Иранский миф» указанная функция бога вторична, а первична солярная функция, которая в авестийской мифологии не считалась основной. В контексте теоним *Митра* координируется с глагольной формой *восходит* со значением 'подниматься, появляться над горизонтом (о небесных светилах)' [Евгеньева (ред.) 1985: 218]: *И Митра, чье святое имя / Благословляет вся земля, / Восходит первый между ними / Зарей на льдистые поля* [Бунин 2014а: 308].

Аккумулируя в своих значениях историко-философские и культурно-символические мировоззренческие смыслы, единицы бунинского мифонимикона обладают богатым потенциалом реализации текстовых связей на уровне микро- (контекст одного стихотворения) и макроконтэкстов (контексты нескольких стихотворений) с иными группами онимов: гидронимами, астронимами, оронимами, полисонимами, антропонимами, экклезионимами и т.д. Например, теоним *Митра* на уровне микроконтекста ассоциативно связан не только с мифонимом *Иазаты*, но и с оронимом *Эльбурс*, и топонимом *Иран*. Эти четыре онима — *Митра, Иазаты, Эльбурс* и *Иран* — становятся ключевыми лексемами стихотворения «Эльбурс. Иранский миф» за счет возможности формировать семантическое текстовое поле. Доминантной лексемой выступает ороним *Эльбурс*, обозначающий горную систему в форме латинской буквы S на севере Ирана, у южного побережья Каспийского моря. Ороним вынесен И. А. Буниным в заглавие и задает микротему, раскрывающуюся в основном тексте. Развертывание «горной» темы, входящей у Бунина-поэта в ориентальную тему, осуществляется за счет того, что онимы семантически притягивают

к себе слова, создающие единый смысловой контекст: *Эльбурс — лед, солнце, жизнь, небосвод; Иазаты — венец земли, вершина, туман; Митра — заря, льдистые поля, святое имя, золотканая риза, высота; Иран — пески, истоки рек, волнистые хребты гор*. Если апеллятивы и признаковая лексика, ситуативно и тематически связанные с мифонимами, используются для детализации геокультурного образа Ирана, то мифонимы отвечают за реализацию именно философско-символического аспекта текста. Благодаря их использованию Эльбурс предстает не столько реальным локусом, сколько сакральным, священным, неким центром мироздания, где высшим светоносным божеством выступает Митра. В результате в стихотворении воплощается мифолого-историческая концепция мира как вечной борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла.

Влияние национальных мифологий на состав бунинского мифонимикона прослеживается даже при создании индивидуально-авторских единиц. Например, таков мифоорнитоним *Вирь* в одноименном стихотворении 1900 г. По мнению Т. А. Павлюченковой, *Вирь* является окказиональным образованием, результатом «усечения производящей основы» лексемы *свиристель* [Павлюченкова 2011: 25]. Однако полагаем, что указанный мифоорнитоним все же этимологически восходит к апеллятиву *вирь*, который фиксируется в эрзянском и мокшанском языках в значении 'лес' [Коляденков, Цыганов 1949: 53–54; Щанкина 1993: 29]. Более того, в словарях литературных языков Мордовии отмечена лексема *вирява* (букв. 'лесная женщина'), которой в мифологии именовали божество леса, его хозяйку, имеющую антропоморфный облик. В XVII–XIX вв. под влиянием христианства и демонологии образ Вирявы приобрел отрицательные черты — «признаки лесной нечистой силы», угрожающей человеку, опасной для него [Юрченков, Зубков (ред.) 2013: 169–170]. Бунинская птица аспидного цвета как раз живет в сумрачном лесу, своими песнями она зачаровывает путников, увлекая их в чашу, обрекает на гибель. Сделанный вывод о влиянии мордовской мифологии на появление в художественной картине мира И. А. Бунина лексемы *Вирь* подтверждается и литературоведом Т. М. Двинятиной, которая в кратких комментариях к научному изданию поэзии автора указала на связь птицы Вирь «с персонажем мордовской мифологии Вирь-авой» [Бунин 2014а: 476].

В целом бунинский мифонимикон выступает примером хорошо упорядоченной системы имен собственных. Хотя его единицы и принадлежат к разным национальным мифологическим ономастиконам (обнаруживаются образы и сюжеты, а значит и имена из греко-римских, шумеро-аккадских, индийских, иранских, древнеегипетских, германоскандинавских, славянских мифов), связаны они между собой важной индивидуально-авторской мировоззренческой установкой, которая

направлена, с одной стороны, на преодоление обособленности культурных миров, с другой — на сохранение культурного плюрализма. Используя традиционные образы и сюжеты, Бунин-поэт обогащает их новыми смыслами и творит свой собственный миф, в котором разные эпохи и этнические культуры ведут непрерывный диалог. Система мифологических имен, функционирующих в текстах писателя, служит своего рода языковым инструментом включения ценностей локальных национальных культур в художественно-эстетическую парадигму писателя.

Источники

Арсеньев К. К., Петрушевский Ф. Ф. (ред.). Энциклопедический словарь. Т. XXVI. Рабочая книжка — Резолюция. СПб.: Типография акц. общ. «Издательство, бывшее Брокгауз-Ефронъ», 1899. 480 с.

Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. Т. 1. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014а. 544 с.; Т. 2. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014б. 544 с.

Коляденков М. Н., Цыганов Н. Ф. Эрзянско-русский словарь / Под ред. Д. В. Бубриха. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1949. 292 с.

Литература

Бадж У. Древний Египет: духи, идолы, боги. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 478 с.

Волошина О. А. Три цвета Агни (на материале гимнов Ригведы) // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2013. № 17. С. 176–186.

Дубовиков А. Н., Макашин С. А. (ред.). Литературное наследство: Иван Алексеевич Бунин. Т. 84. Кн. 1 / При участии Т. Г. Динесман. М.: Наука, 1973. 696 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. А–Й. М.: Русский язык, 1985. 696 с.

Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. 1975. Т. 7. Вып. 365. С. 38–51.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

Павлюченкова Т. А. Фонетические и лексические средства языка поэзии И. А. Бунина и их функционально-семантическое взаимодействие: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 34 с.

- Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998а. 672 с.; Т. 2. К–Я. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998б. 720 с.
- Щанкина В. И. Мокшень-рузонь валкс – Русско-мокшанский словарь. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1993. 448 с.
- Юрченков В. А., Зубков И. В. (ред.). Мордовская мифология: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А–К. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. 484 с.

References

- Badzh U. *Drevnii Egipet: dukhi, idoly, bogi* [Ancient Egypt: spirits, idols, gods]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2009. 478 p.
- Dubovikov A. N., Makashin S. A. (eds.). *Literaturnoe nasledstvo: Ivan Alekseevich Bunin* [Literary legacy: Ivan Alekseevich Bunin]. Vol. 84 (1). Ed. by T. G. Dinesman. Moscow, Nauka Publ., 1973. 696 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 1. A–I* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. Vol. 1. A–I]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 696 p.
- Meletinskii E. M. [Scandinavian mythology as a system]. *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1975, vol. 7, iss. 365, pp. 38–51. (In Russ.).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 11.01.2023).
- Pavliuchenkova T. A. *Foneticheskie i leksicheskie sredstva iazyka poezii I. A. Bunina i ikh funkcional'no-semanticheskoe vzaimodeistvie*. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Phonetic and lexical means of the Language of I. A. Bunin's poetry and their functional-semantic interaction. Dr. phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011. 34 p.
- Shchankina V. I. *Mokshen'-ruzon' valks – Russko-mokshanskii slovar'* [Russian-Moksha dictionary]. Saransk, Mordovskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1993. 448 p.
- Tokarev S. A. (ch. ed.). *Mify narodov mira*. Entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1998a, 672 p.; Vol. 2. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 1998b, 720 p.
- Voloshina O. A. [Three colors of Agni in the Hymns of Rig Veda]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2013, no. 17, pp. 176–186. (In Russ.)
- Yurchenkov V. A., Zubkov I. V. (eds.). *Mordovskaya mifologiya: entsiklopediya: v 2 t. T. 1. A–K*. [Mordovian mythology: encyclopedia: in 2 vol. Vol. 1. A–K]. Saransk, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia Publ., 2013. 484 p.

Язык художественной литературы

«Охота сдохнуть, глядя на эпоху...» (О «Шекспировском сонете» А. Вознесенского)

Олег Иванович Федотов, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), o_fedotov@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611724050109

аннотация: В статье анализируются эпохальные амбиции Андрея Вознесенского, одного из самых авторитетных представителей шестидесятников, на материале его так называемого «Шекспировского сонета». Параллельно рассматривается проблема переводческого мастерства поэта, и, в частности, решается вопрос, можно ли считать анализируемое стихотворение переводом 66-го сонета У. Шекспира и является ли оно сонетом в собственном смысле. Выясняется, что временной концепт «эпоха» наряду с его окказиональным синонимом «эра» представлен в лексике Вознесенского весьма широко. Несмотря на то что поэт не раз обращался к переводческой деятельности, профессиональным переводчиком он так и не стал: слишком яркой была его поэтическая индивидуальность. Поэтому его переводы были даже не переложениями, а скорее оригинальными произведениями, написанными по мотивам иноязычных стихотворений, к текстам которых он так или иначе обращался. «Шекспировский сонет», написанный им в 1983 г., разительно отличается от традиционных переводов лежащего в его основе 66-го сонета. Вознесенский максимально авторизировал его как в стилистическом, так и в структурно-версификационном отношении.

ключевые слова: Вознесенский, «Шекспировский сонет», эпоха, перевод, рифма

для цитирования: Федотов О. И. «Охота сдохнуть, глядя на эпоху...» (О «Шекспировском сонете» А. Вознесенского) // Русская речь. 2024. № 5. С. 119–127. DOI: 10.31857/S0131611724050109.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья написана при поддержке гранта РФФИ; проект №23-28-00545 «Сонет и сонетные ассоциации в русской литературе XIX–XXI вв.».

The Language of Fiction

“Hunting to Die Looking at the Epoch...” (On the “Shakespeare Sonnet” by A. Voznesensky)

Oleg I. Fedotov, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow), o_fedotov@list.ru

ABSTRACT: The article analyzes the epochal ambitions of Andrei Voznesensky, one of the most authoritative representatives of the Sixtiers, based on the material of his so-called “Shakespeare Sonnet”. The article considers the poet’s translation skills and estimates whether the analyzed poem can be considered a translation of sonnet 66 by W. Shakespeare and whether it is a sonnet in the proper sense. It turns out that the time concept “epoch”, along with its occasional synonym “era”, is represented very widely in Voznesensky’s vocabulary. Despite the fact that the poet turned to translation more than once, he never became a professional translator: his poetic personality was too vivid. Therefore, his translations were not even transcriptions, but rather original works written based on foreign-language poems, the texts of which he addressed in one way or another. “Shakespeare Sonnet”, written by him in 1983, is strikingly different from the traditional translations of the 66 sonnet underlying it. Voznesensky maximally authorized it both stylistically and structurally in terms of versification.

KEYWORDS: Voznesensky, “Shakespeare’s Sonnet”, epoch, translation, rhyme

FOR CITATION: Fedotov O. I. "Hunting to Die Looking at the Epoch..." (On the "Shakespeare Sonnet" by A. Voznesensky). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 5. Pp. 119–127. DOI: 10.31857/S0131611724050109.

ACKNOWLEDGMENTS: This work was carried out within the Grant of the Russian Academy of Sciences; project No. 23-28-00545 "Sonnet and sonnet associations in Russian literature of the XIX–XXI centuries".

В поэтическом лексиконе Андрея Вознесенского концепт «эпоха» с близким ему синонимом «эра» задействован более чем активно¹. В стихах одного из самых продвинутых, передовых поэтов XX века, конечно же, далеко не случайно присвоивших себе «эпохальное», генетически связанное с определенной эпохой наименование «шестидесятников», оба эти слова мелькают с завидным постоянством. Перечислю для иллюстрации лишь несколько самых характерных.

В «Лобной балладе» (1961), обращенной не в будущее, а в далекое прошлое (в XVII в.), молодой царь вынужден казнить свою возлюбленную, оказавшуюся, как утверждает молва, «спецразведчицей / англо-шведско-немецко-греческой». Эпизод казни описан с брутальным драматизмом. Царь присутствует на экзекуции, он во гневе, у него «по лицу проносятся очи, / как буксующий мотоцикл. // И когда голова с топорика / подкатилась к носкам ботфорт, / он берет ее / над толпою, / точно репу с красной ботвой...»; «целует <...> в уста», с мукой выдавливает из себя оглушительно «тихий стон»: «А-а-анхен!...» и, потрясенный, слышит в ответ:

«...перегаром, борщом, горохом
пахнет щедрый твой поцелуй
как ты любишь меня Эпоха
обожаю тебя
царуй!»

[Вознесенский 2015: 1, 103]

¹ Термин «эпоха» произошел и разошелся по индоевропейским языкам от древнегреческого слова *ἐποχή* («задержка, остановка в счете времени»), а родственное ему слово «эра» — латинского происхождения (aera — «медный, бронзовый») — искони обозначало рубеж, от которого ведется летоисчисление. Постепенно их семантика нивелировалась, и они стали обозначать практически одно и то же: значительный промежуток времени, период, связанный с каким-либо знаменательным явлением, личностью или событием.

Написанный в том же 1961 г. «Монолог битника» начинается обобщенно-сакраментальной автохарактеристикой пока еще экзотического для восприятия советским поэтом представителя молодежного движения в Америке:

Лежу, бухой и эпохальный.
Постигаю Мичиган.
Как в губке, время набухает
в моих веснушчатых щеках.

И вполне ожидаемо завершается на той же отчаянной ноте еще более зловещим апокалипсическим разъяснением:

Когда магнитофоны ржут,
с опухшим носом скомороха,
вы думали — я шут?
Я — суд!
Я — Страшный суд. Молись, эпоха!
[Вознесенский 2015: 1, 112]

Оказавшись каким-то невероятным образом по ту сторону железного занавеса, Вознесенский почувствовал, что он переместился не только в пространстве из одного полушария в другое, но и во времени, перешагнув рубеж эр. Как дипломированный архитектор, уже в нью-йоркском аэропорту он, можно сказать, профессионально видит радикальные изменения прежде всего в интерьере или, может быть, экстерьере эпохи:

Аэропорт — озона и солнца
аккредитованное посольство!

Сто поколений
Не смели такого коснуться
преодоленья
несущих конструкций.
Вместо каменных истуканов
стынет стакан синевы —
без стакана.

Первое представляет собой вольное переложение 66-го сонета Шекспира, а второе — фантазию на его тему от собственного лица:

Зову я смерть. Мне видеть нестерпим...
Да жаль тебя покинуть, милый друг.
Перевод С. Маршака

«*Охота сдохнуть*, глядя на эпоху,
в которой честен только выпивоха,
когда земля растащена по крохам,
охота сдохнуть, прежде чем все *сдохнут*.
Охота сдохнуть, слыша пустобрёха.
Мораль читают выпускницы Сохо.
В невинность хам погрузится по локоть,
хохочет накопительская похоть,
от этих рыл — увидите одно хоть —
охота сдохнуть...
Да друга бросить среди этих тварищ —
не по-товарищески».

Давно бы сдох я в стиле «деваляй»,
но страсть к тебе с убийствами в контрасте.
Я повторяю: «*Страсти доверяй*»,
trust страсти!
Да здравствует от этого *пропасть!*
Все за любовь отчитывать горазды,
конечно, это пагубная *страсть* —
trust страсти.
Власть упадет. *Продаст* корысть ума.
Изменяет форму *транспортные трассы.*
Траст страсти, ты не покидай меня —
траст страсти!
1983 [Вознесенский 1987: 678]

Обратим внимание на то, что первая часть демонстративно заключена в кавычки, которые заодно с эпиграфом и, конечно, с хорошо известным содержанием отсылают нас к исступленно-страстному шекспировскому сонету. Это узнавание было бы еще более убедительным, если бы осталось в неприкосновенности вступительное двустишие: «В ночи Биг Бен — как старая копирка. / Опять перевожу сонет Шекспира». Тогда бы о сонетном достоинстве этой строфы свидетельствовало и каноническое

количество стихов — 14. В таком случае, правда, вместо перевода мы имели бы рассказ о переводе, в котором переводчик цитирует самого себя. Как мы уже убедились и как нам предстоит утвердиться в этой мысли в дальнейшем, Вознесенский не относил себя ни к переводчикам, стремящимся к доскональному переложению оригинального текста, ни к сонетистам-пуристам, полагая, что сонет не обязательно должен состоять из 14 строк.

В плане выражения шекспировского содержания Вознесенский умышленно утрирует стилистическую раскованность, как бы подменяя собой лирического героя позднего Ренессанса 372 года спустя. Первую строку «Tired with all these, for restfull death I cry» [«Устав от всего этого, я зываю или вопию о спокойной смерти»] он не столько переводит, сколько переиначивает на свой лад. Соединив два почти анаграмматически созвучных слова — просторечное наречие «охота» в значении «хочется» с грубо-натуралистическим глаголом «сдохнуть» — он делает это словосочетание сквозным анафорическим повтором. «Охота сдохнуть» вместо десятикратного союза «and» / «и» в оригинале и у Маршака⁴ повторяется четырежды, с присоединением глагола «сдохнуть» без наречия — дополнительно 5-й раз в составе 10-членной созвучной монорифмы. Точно так же в рифму же был привлечен ее первый член — «эпоха», открывающий длинный ряд своих окказиональных определений: «эпоха — выпивоха — по крохам — прежде чем все сдохнут — пустобрёха — Сохо — по локоть — похоть — одно хоть — сдохнуть». Таким образом сумасшедшая экспрессия десятикратного союза «and» / «и» с лихвой компенсируется десятичленной рифмой в союзе с созвучным ей и стилистически сообразным анафорическим словосочетанием. Поражает воображение и совершенно неожиданная концовка с неравносложной каламбурной рифмой «тварищ — не по-товарищески», в которой женская клаузула взаимодействует с гипердактилической⁵.

В том же стилистическом и каламбурном звуко-смысловом регистре читается и вторая отпочковавшаяся половина бывшего изначально единым произведением. Она конкретизирует того или ту (у Шекспира это не вполне ясно), ради кого лирический герой по-гамлетовски медлит разрешить сакраментальный вопрос: «To be or not to be?». Вознесенский решительно обращается к ней, к возлюбленной, прообразом которой, по мнению многих биографов, была не шекспировская смуглянка, а Татьяна Лаврова. В «контрасте с убийствами», в его трактовке, оказывается «страсть»,

⁴ С 3-й строки по 12-ю подряд!

⁵ Как известно, женской клаузулой принято называть окончание с ударением на предпоследнем слоге, дактилической — на третьем от конца слоге, а те, в которых ударение углубляется на 4-й, 5-й и т. д. слоги, — гипердактилическими.

которой он склонен доверять, а потому лейтмотивным словосочетанием на этот раз становится интернациональный каламбур, образованный многозначным английским словом «trust» (в данном случае «доверяй») и русским «страсти». Они в контексте стихотворения как будто созданы друг для друга, звучат исступленно как заклинание-оберег и обрастают солидарным звукосмисловым сопровождением: «Да *здравствует* от этого *пропасть!* / <...> *Власть* упадет. *Продаст* *корысть* ума. / Изменят форму *транспортные трассы*. / *Траст* *страсти*, ты не покидай меня! / *Траст* *страсти!*». Замечательным образом английское слово «trust» к финалу получает русскую кириллическую графику.

Итак, принимая во внимание беспредельно вольное отношение Вознесенского к канонически незыблемым структурным параметрам сонета⁶ (его «Сонет» (1980) с музыкальным подзаголовком «регтайм» состоит из 43 укороченных строк, а пасхальная поэма «Россия воскресе» (1993), получившая авторское определение «молитвенный сонет», и вовсе простирается на 200 стихов в прямом и обратном счете только в катренной части⁷), можно условно считать первую часть разобранным нами текста авторизованным переложением шекспировского 66-го сонета, а вторую — соответственно — распространенной авторской версией его концовки в виде авторского комментария. Весьма актуальным представляется и многократно форсированное в составе 10-членной рифмы, открывающее эту длинную цепь понятие «эпохи», с одной стороны, подразумевающее нетривиальный взгляд на финал эпохи Возрождения, которую имел в виду Шекспир, а с другой стороны — на ее гулкое эхо во второй половине XX века.

Источники

Вознесенский А. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, 2013. 608 с.
Вознесенский А. Ров: Стихи и проза. М.: Советский писатель, 1987. 736 с.

⁶ Здесь, думается, следует согласиться с Аллой Марченко, убежденной «...в том, что *совсем о своем*, равно как и *совсем о чужом*, Вознесенский писать не может, не любит... Для того чтобы привести себя в состояние вдохновения, которое, по Пушкину, есть наилучшее расположение души к приятию жизненных впечатлений, ему необходим момент дисгармонии или, как он сам выразился в «Исповеди», «нота разлада»...» [Марченко 1978]. Чего-чего, а «разлада» в анализируемом тексте с избытком! Небезынтересно также сравнить результат своевольной работы Вознесенского над текстом 66-го сонета Шекспира с деятельностью профессионального поэта-переводчика, например С. Маршака [Гаспаров, Автономова 1978], а также его представление о сонете с традиционным каноном [Квятковский 1966: 275–276; Федотов 2011: 11–22].

⁷ Т. е. вместо первых двух четверостиший канонического сонета.

- О. И. Федотов. «Охота сдохнуть, глядя на эпоху...» (О «Шекспировском сонете» А. Вознесенского)
O. I. Fedotov. "Hunting to Die Looking at the Epoch..." (On the "Shakespeare Sonnet" by A. Voznesensky)

Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Г. И. Трубникова. СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Вита Нова, 2015. 536 с. (Новая Библиотека поэта).

Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. БСБП / Вступ. статья А. Д. Синявского; сост., подготовка текста и примечания Л. А. Озерова. М.; Л.: Советский писатель, 1965. 731 с.

Литература

Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 376 с.

Марченко А. Ностальгия по настоящему (Заметки о поэтике А. Вознесенского) // Вопросы литературы. 1978. № 9. С. 66–94 [Электронное издание]. URL: <https://ruthenia.ru/60s/vozn/marchenko.htm> (дата обращения 12.09.2024)

Гаспаров М. Л., Автономова Н. С. Сонеты Шекспира – переводы Маршака // О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 389–409.

Федотов О. Сонет. М.: РГГУ, 2011. 601 с.

References

Kvyatkovskii A. P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 376 p.

Marchenko A. [Nostalgia for the present (Notes on the poetics of A. Voznesensky)]. *Voprosy literatury*, 1978, no. 9, pp. 66–94. Available at: <https://ruthenia.ru/60s/vozn/marchenko.htm> (accessed 12.09.2024) (In Russ.)

Gasparov M. L., Avtonomova N. S. [Shakespeare's Sonnets – Marshak's translations]. *O russkoi poezii* [On Russian poetry]. St. Petersburg, AzbukaPubl., 2001, pp. 389–409. (In Russ.)

Fedotov O. *Sonet* [Sonnet]. Moscow, RSUH Publ., 2011. 601 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. /

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+